

В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву: «Наступило время компромиссов и эволюций ...»

(Переписка В.А. Маклакова и Б.А. Бахметева о новом лице русского либерализма начала 1920-х годов в архивном собрании Гуверского института Стэнфордского университета США)

В современном устоявшемся представлении существует достаточно четкое разграничение политических позиций таких общественных деятелей Российского Зарубежья 1920-х годов как В.А. Маклаков¹, Б.А. Бахметев² с идеями примирения с большевиками, высказанными сторонниками движения «Смена вех»³ – А.В. Бобрищевым-Пушкиным⁴, Г.Л. Кирдецовым⁵, Ю.В. Ключниковым⁶, И.Г. Лежневым⁷, С.С. Лукьяновым⁸, В.В. Львовым⁹, Ю.Н. Потехиным¹⁰, Н.В. Устряловым¹¹, С.С. Чахотиным¹² и другими авторами, публиковавшимися в сборнике и журнале «Смена Вех»¹³, газете «Накануне»¹⁴ и журнале «Россия»¹⁵.

За последние годы была проведена значительная публикаторская и исследовательская работа в изучении этого движения¹⁶. Внимательное и непредвзятое прочтение архивных документов из Архива Гуверского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США)¹⁷ позволяет обнаружить не только совпадения в подходах послов Маклакова, Бахметева и «сменовеховцев» Устрялова, Ключникова по целому ряду вопросов, но и прямые попытки совместных действий с целью определения нового облика российского либерализма в векторе выработки общенационального согласия.

Истоки данной близости некоторых позиций Маклакова и Бахметева с позициями, близкими к идеям «Смены Вех», наверное, можно объяснить общими исходными данными в определении взглядов. И те, и другие были близки либерализму и идеям демократии¹⁸, безусловно, всем им присущ активный патриотизм, или, как в одном из писем определяет Маклаков, являются «интеллигентами-государственниками», все они по роду своей деятельности были связаны с международным правом и внешней политикой России. Однако официальное положение – В.А. Маклаков был послом России во Франции, Б.А. Бахметев – послом России в США – часто не позволяло им открыто высказывать свои взгляды, а заставляло сохранять политический нейтралитет в межпартийной и внутрипартийной борьбе.

По архивным документам можно проследить совпадение их оценок уже тогда, «когда провалились и Деникин, и Колчак»¹⁹. Еще недавно, 7 января 1920 года посол в Париже Маклаков телеграфировал послу в Вашингтоне Бахметеву: *«Несмотря на трудное положение, мы до последней возможности будем стоять на прежней позиции. Если даже территория Деникина будет равна Эстонии мы будем стараться об ее прочной организации и в ближайшем будущем о постепенном отвоевании русской земли. Возможно, что нам будет тогда легче привлечь на свою сторону инородцев и соседей. Только не надо впадать в панику и искать новых путей и комбинаций»*²⁰. Но ситуация изменилась, а с ней изменилась и точка зрения Маклакова: он сам интенсивно приступает к поиску «новых путей и комбинаций».

Бахметев раньше многих других понял, что попытка «силою военного размаха» сбить большевиков не удалась, и уже в январе 1920 года он пришел к выводу, что *«верить в повторение неудавшегося рецепта наивно и бесполезно»* (письмо Бахметева Маклакову от 19 января 1920 года). Трагичность современного положения России, как считал Бахметев, выражается в отсутствии *«субъекта национального движения»*, что настоятельно требует выработки программы, которая станет платформой *«национально-демократического возрождения России»*.

В первую очередь, необходимо отметить влияние на изменение позиций русских либерально настроенных патриотов в связи с советско-польской войной. Перед патриотически настроенными российскими политиками встал вопрос: с поляками против большевиков или с Польшей против России? Бахметев в письме Маклакову 18 февраля 1920 года высказал сомнения в целесообразности приглашения польских панов в качестве освободителей России от большевизма: *«Я, прежде всего, считаю, что с практической стороны все эти предложения совершенно эфемерны. Никаких сколько-нибудь внушительных походов мы никогда не увидели бы; никаких большевиков не свергли бы. [...] Однако, дело здесь не в практических, а в коренных вопросах политической стратегии, скажу больше, в основах мировоззрения. Представьте себе на минуту, что первая военная фаза похода завершилась бы даже успехом; польские и другие войска, а за ними и какие-то русские национальные военные силы, входят в Москву и прогоняют большевиков. Представляете ли Вы себе положение русских националистов, пришедших на польских и эстонских штыках буквально на пустое место, вне всякой связи с каким-то органически выросшим национальным движением, и опирающихся*

на какие-то бумажные формулы и соглашения кучки эмигрантов. Положение было бы истинно трагическое.

Неужели не ясно, что уничтожение большевизма может быть лишь органически связано с развивающимся успехом сильного и здорового национального движения. Гражданская война в России и уничтожение большевизма есть вопрос, прежде всего русский, и чем ближе мы приближаемся к развязке, тем больше и больше все объективно происходящее должно носить русскую печать.

Это положение представляется мне одним из краеугольных камней теперешней политической стратегии. Два года тому назад, в первой фазе большевизма, мы призывали союзников к интервенции; делали мы это в предложении, что союзная инициатива облепится в процессе своего продвижения в Россию русским национальным движением. В те времена такая тактика была правильна, и правильность ее, – в частности в Сибири – была подтверждена опытом нарастания русского движения вокруг чехословацкого действия. [...]

Поставить разрешение русского вопроса в зависимость от того или иного действия нерусских сил означало бы признать себя морально и политически пораженными, т.е. окончательно расписаться в том, что Россия и русские сами не могут справиться со своими задачами.

Из сказанного можно сделать парадоксальный вывод: если русское национальное движение должно вообще проявляться на каждой следующей ступени в более глубокой и крупной форме, то теперь, пока такого проявления нет, мы как будто бы не должны требовать со стороны союзников активного действия. Хотя этот вывод и парадоксален, но это в значительной мере так. Более чем когда-либо, именно потому, что мы приближаемся к развязке, мы должны отстаивать самобытность русского национального действия, а помощь союзников или иностранцев сводить лишь к поддержке и кооперации с основной и самостоятельной национальной русской борьбой.

Если бы русские националисты пошли на борьбу с русским большевизмом путем не русской военной силы, вознаграждаемой, в конечном счете, за счет России, то история никогда не пропустила бы подобной расплаты за успех в гражданской войне. Лица, группы и партии, связавшие себя с подобным начинанием, обрекли бы себя на гибель. В тех условиях, в которых эти начинания зарождались, результатом явилось бы полное политическое банкротство либеральных и национально-демократических групп. Большевистская борьба приобрела бы объективную задачу сохранения единства России, сплотив за собой, по всей

вероятности, в непосредственной предстоящей задаче военные и реакционные элементы.

Мое личное отношение к подобной постановке вопроса таково: политически бессмысленно и морально недопустимо»²¹.

Далее Бахметев размышлял над дилеммой, предложенной Маклаковым, который писал о двух возможных теперь путях – «о примирении с большевиками или о последней попытке свергнуть их слой»²². В ответ Бахметев категорично заявляет: «Я не понимаю Вас: ведь и то, и другое – средства, а не цель. В настоящий момент и по крайней мере в течение известного времени, по-видимому, нет почвы для организации немедленного внушительного военного движения. Национальная Россия боролась в течение года, совершила невероятные, героические дела, но изошла духом. Пойдет ли будущее по испробованному военному пути или развал большевизма произойдет изнутри, – сказать нельзя. Ясно, однако, следующее: если в настоящий момент нет почвы для военного движения, то это несколько не значит, что военное движение вообще более невозможно. Оно может осуществиться через некоторое время в связи с иной международной обстановкой и после некоторых внутренних переживаний.

Второе же и самое главное – я не понимаю, почему невозможность немедленного военного действия должна привести к примирению? Примирению в силу каких причин? Потому ли, что большевики успешны; или потому, что они внутренне трансформировались? Я могу понять второе, но это было бы не примирение, а лишь констатирование факта, что большевизм путем эволюции изменился и изжил себя. Такой путь возможен, но для него нет почвы и оснований. Большевизм сейчас не в раскаянной фазе; наоборот, он кичится и хвастается победой. Примирение же лишь потому, что большевики успешны, – есть тактика бессилия и отрицания самих себя. Она не даст никаких общих результатов и может быть выгодна лишь для отдельных лиц, которые идут в Каноссу, ища прощенья за прошлое.

Я лично наоборот думаю, что в самой позиции большевизма обнаруживаются значительные трещины. Я писал Вам уже, что в моем понимании попытка военного движения [большевиков? – А.К.] на Западе вызывается необходимостью, основанной на внутренней слабости: потерявши политические корни в населении и, обанкротившись экономически, большевики должны для продления своей власти искать новой почвы для приложения своих социальных экспериментов. С этим, однако, весьма плохо согласуется явное стремление большевиков к миру с союзниками»²³.

Далее Бахметев рассуждал о возможности эволюции большевизма: «...Затруднения, связанные с основным противоречием большевистского положения, могут осложниться еще целым рядом дополнительных трудностей, которые военное торжество принесло Ленину. На самом деле, как быть с армией? Ее нельзя распустить даже на время; надо кормить, чем-либо занимать и проч. Все это способно создать обстановку, в которой торжествующий большевизм начнет быстро разлагаться. Было бы, конечно, в корне неправильным строить всю тактику на ожидании подобного внутреннего разложения, но упускать из виду этой стороны дела нельзя. Главное же, при наличии всех этих обстоятельств – основные краеугольные камни нашей концепции должны выдвигаться нами с особой яркостью и полнотой, и не только выдвигаться, но и соответственно исповедываться нами самими.

Что бы ни было сейчас, большевизм жить не может и обречен на гибель. Разрешение русской проблемы и восстановление России возможно лишь в результате конструктивных сил в тех или иных формах. Это основная аксиома, в свете которой более, чем когда-либо, не нужно делать никаких компромиссов. Настоящая формула грустна, но русские националисты потеряют моральное право руководить страной в будущем, если они усомнятся в исторической неизбежности своего конечного торжества.

Вы можете мне возразить, что это общие абстрактные фразы, в которых нет конкретного содержания. Это не так. Да, мы сейчас сидим у разбитого корыта и не можем формулировать программы практического действия. Но это означает не то, что нужно идти в Каноссу, а лишь показывает, что национальное движение еще не нашло себя, еще не формулировало и не приобрело тех форм и того содержания, которые должны привести и приведут к успеху. Наша вера должна быть абсолютной. Если мы еще не осуществили своих целей, то не потому, что мы не правы, а лишь потому, что еще не умеем. Близоруко и неправильно отказываться от задачи потому, что в тот или иной момент вы не знаете, как ее решить. Вся наша слабость и весь неуспех прошедшей фазы был связан с раздробленностью, моральным распадом и, главное, с отсутствием одухотворяющего начала в действиях националистов. Уверенные морально в конечной победе мы должны терпеливо переживать поражения и искать путей и выходов. Не пройдет и нескольких месяцев, как национальное движение снова проявится. В каких формах, – сейчас нельзя предвидеть. Однако, пока что – надо хранить свою неприступную

чистоту и больше и прежде всего обратить свои взоры внутрь самих себя и заняться анализом прошлого и причин ошибок.

Я писал Вам уже, какую роль могла бы сыграть программа или, вернее, платформа национального действия. Чем больше я вижу людей, приезжающих с юга и из Сибири, тем больше я убеждаюсь, что рок военно-национального движения заключается в том, что оно объективно было реставрационным и что оно не несло одушевления, связанного с будущей Россией»²⁴.

Далее Бахметев писал о возможности «определенного объективного пути для восприятия событий, если бы они развернулись в направлении, которое связано с идеей «примирения» с эволюционирующими большевиками. Но тут было бы ясно, что это не примирение с успешным и захватившим власть разбойником, а констатирование факта, что большевизм изжил себя, и что действительность привела Россию в то лоно, которое националисты предвидели и уготовили. Конечно, тут надо проявить то, что англичане называют *open mind* и *open heart** – не слишком мстить за прошлое в том случае, когда внутренние перемены и переживания привели безумцев на тот путь, который вы считаете разумным и неизбежным. Не будем забывать, что Россия переживает гражданскую войну и что если можно и нужно наперед решить быть безжалостным к отдельным преступникам и носителям зверской жестокости, то с другой стороны, в широком смысле окончание гражданской войны должно нести в себе уступчивость и забывчивость, особенно в плоскости людским взаимоотношений. Будем учиться у Линкольна»²⁵.

Определяя современные задачи национально-демократических сил, Бахметев писал в этом же письме Маклакову: «Подобное отношение к русской проблеме в настоящее время, мне кажется, диктуется русскими национальными интересами. Политика эта хороша тем, что, во-первых, она не мешает развиваться процессам разложения внутри большевизма и не дает возможности затмевать эти процессы диверсиями второстепенного порядка. Во-вторых, охраняя принцип русского единства и не ставя практическую борьбу с большевизмом в плоскость борьбы за счет России, она предотвращает спайку хотя бы части национальных элементов с большевиками. Наконец, она, не давая морального и материального преимущества большевикам, откладывает в почетном виде активную фазу союзной политики в отношении России до момента, когда русское движение снова развернется и активность союзников в состоянии будет следовать за ним. [...]

Надо противопоставить большевизму что-то реальное и животворящее. Пока же мы не нашли «слова и человека» или «слов

и людей», будем охранять хотя бы чистоту догматов веры и не совершать во имя национальной России чего-то такого, что несовместимо с национализмом ни политически, ни нравственно»²⁶.

В ответном письме 12 марта 1920 года Маклаков разъяснял свое видение исторически сложившейся ситуации: «...Когда Деникин был в зените успеха, если бы он согласился с поляками и поляки ему помогли, большевизм был бы окончен и победа была бы за национальным движением. Деникин употреблял большие усилия, чтобы вовлечь поляков в совместные действия, но они не захотели, в виду того, что условия, которые им ставили, были неприемлемы. По мере того, как Деникин падал, росло его желание привлечь поляков, и в то же время уменьшались польские аппетиты; они сами почуяли опасность от большевизма. В представлении тех, кто остановился на этом плане, не было и речи о том, что поляки возьмут Москву; предполагалось, что их действия будут совместны с Деникиным, что отвлечение всех большевистских сил на западный фронт даст возможность Деникину повторить прошлогоднюю историю и идти опять на освобождение России с юга, только согласуя свои действия с польским фронтом. Когда шли переговоры, то польская ориентация представлялась именно так: подмога русскому национальному движению, а не замена его... Конечно, по мере того, как Деникин сходил со сцены, вся экспедиция получала другую окраску и Вам издали кажется, что мы сознательно пошли на то, что поляки нас освободят и мы заплатим им Литвой и Белоруссией. Мне бы не хотелось, чтобы такое ложное представление у Вас сохранилось»²⁷.

Оценивая военно-политическую ситуацию в советско-польской войне, Маклаков подчеркивал: «...Наши друзья, а не враги дают нам понять, что Пилсудский, ведя эту линию, если не встретит поддержку России, должен будет ее покинуть; а тогда возобладают шовинистические элементы Польши, которые просто постараются использовать русскую слабость для империалистической политики. К этому еще добавляют, что Пилсудский вполне убежден, что с военной стороны ему ничего не стоит на голову разбить большевиков, а известия с Юга России, что войска разбившие Деникина есть рвань, что мы вовсе не побиты силой, а просто, так как наша национальная героиня унтер-офицерская вдова высекли себя сами, как будто говорят то же самое»²⁸.

Практически сходные мысли в это же время были высказаны на заседании Парижского комитета партии Народной Свободы 17 мая 1920 года одним из идеологов «Смены вех» профессором Ключниковым. На этом заседании обсуждалась резолюция П.Н.

Милюкова о переходе кадетов к «новой тактике» и контррезолуция Пасманика о задачах кадетов после падения армий Колчака и Деникина. На общем фоне выделяется выступление Ю.В. Ключникова, который констатировал, что *«оба проекта одинаково говорят и о желании воевать во что бы то ни стало, и о сохранении традиций. Между тем сейчас вопрос стоит совсем иначе. Не в том дело, что были допущены отдельные ошибки, что были и есть отдельные неподходящие лица, а в том, что после поражения Колчака и Деникина в европейском общественном мнении наступил перелом. Утвердилась точка зрения, что в России вооруженная борьба в большом масштабе прекратилась. И действительно, силы Врангеля по сравнению с силами Колчака и Деникина ничтожны, и если первым с их силами не удалось справиться со всеобщей деморализацией, то каковы новые данные Врангеля, которые позволят ему с нею справиться? Сейчас выдвигают Польшу, скрывшись за ее спиной, и бросят эту Польшу, когда им заблагорассудится. Врангель с его ничтожными силами может существовать в данный момент лишь благодаря попустительству большевиков и союзников, а также благодаря возможности соглашения с Польшей»²⁹.*

Далее Ключников предостерегал собравшихся от возможности совершения роковых ошибок: *«Мы переживаем роковой момент, – толкая Врангеля, мы пускаем на Москву поляков, и должен будет наступить час, когда между ними произойдет столкновение. Тогда перед союзниками встанет вопрос, кого из них принести в жертву другому. И, конечно, они принесут в жертву Врангеля, ибо с Польшей потом им легче будет справиться, чем с Россией. Вот почему сейчас большевики, борясь с поляками, защищают интересы России. И когда перед нами ставится вопрос – с кем быть, с большевистской Россией или с Польшей, мы должны ответить, что мы с Россией, хотя бы и большевистской. Поддерживая же Врангеля, мы будем поддерживать поляков. Кроме того, военные действия увеличивают в России анархию. И если нами при нынешнем положении вещей удастся свергнуть большевистский режим, который как никак является единственной властью, успевшей пустить хоть некоторые корни в стране, будет еще хуже, ибо тогда в стране не будет никакой власти. Поэтому необходимо отказаться от вооруженной борьбы. Что же касается вопроса о соглашении с большевиками, то это вопрос будущего. Теперь же мы должны лишь заявить большевикам, что мы прекращаем борьбу с ними и возвращаемся в Россию для культурной работы. Возрождение России начнется лишь тогда, когда большевики поймут кадетов и кадеты большевиков. Тогда мы будем иметь на своей стороне трудящиеся массы всего мира. Итак, мы должны заявить лишь одно, а именно, что мы*

отказываемся от продолжения гражданской войны»³⁰. Практически в этом выступлении Ключников-государственник провозгласил основные идеи той идеологии, которая на следующий год по названию сборника станет именоваться «сменовеховством». Но на данном заседании идеи Ключникова не воспринимались как самостоятельные, а рассматривались в контексте «новой тактики», предложенной тогда же П.Н. Милюковым. Возможно, поэтому в протоколе отмечены возражения идеям Милюкова, а не мыслям Ключникова.

В переписке двух послов значительное место отводится оценке общественно-политической и социально-экономической обстановке в России. Так 10 апреля 1920 года, Маклаков пишет Бахметеву о том, что только теперь может *«с несколько большей определенностью говорить о том, о чем только намекал в предыдущем письме. Всю Совдепию можно примерно разделить на три группы:*

Во-первых, сознательных политиков коммунизма, я подчеркиваю сознательных, а не убежденных, потому что два эти понятия не совпадают³¹. Для этих политиков вся внутренняя политика сводится к террору, т.е. к насильственному проведению их взглядов, а внешняя – к пропаганде большевизма за границей. В сущности, только эти господа и есть настоящие большевики и хозяева положения. В стране их меньшинство и у них два врага и две опасности. Это, во-первых, все те, кто к ним присоединились против воли, кто из хитрости, кто из подлости; здесь и промышленники, и техники, и военные. Долгое время по традиции мы полагали, что из их рядов выступит какой-либо Бонапарт и их задавит; эта надежда и сейчас не оставлена, но ее шансы значительно падают»³².

Далее Маклаков выделяет три реальные политические линии, возможные в современной российской политической обстановке: *«1) политику самих большевиков, которые хотят объединить Россию и устроить ее по-своему. Я в этот план включаю и тех, которые идут к большевикам по разным мотивам и намереваются их постепенно трансформировать,*

2) план тех, которые хотят задавить большевизм внешней силой, для этого соединиться с ее соседями, и раз не могли этого сделать одни, то пользуются непримиримостью поляков с большевиками, чтобы в союзе с ними нанести большевизму последний удар.

3) Вижу, наконец, и третью политику, о которой здесь говорить нельзя, которая зародилась в Берлине, вышла из наиболее консервативных кругов, но которая не только есть конкретный план, но и охватывает все больший круг сторонников.

Эти 3 политики сводятся, в сущности, к двум категориям. Во-первых, идти с большевиками, войти в них и среди них явиться разлагающим элементом. Для этого и за границей нужна определенная система действий, нужно снять блокаду, войти с Россией в наиболее тесный союз, ввязать их в экономический оборот капиталистических стран и т.д. Очевидно, при такой политике нужно перестать быть эмигрантами и уже совершенно перестать разыгрывать непримиримых, которые отсюда ведут с большевизмом какую-то борьбу. А две другие политики обе сводятся к продолжению военных действий против них в союзе с тем, на кого можно рассчитывать. Из таких союзников пока видно только два, которые друг друга уничтожают: либо поляки, либо Германия. [...] Когда Польша будет большевистской, тогда Германии будет и больше поводов и больше возможностей ввязаться в усмирение большевизма. Поэтому смотрите спокойно, как большевики будут бить поляков. – Но такое решение, может быть, имеет свое оправдание, если, действительно, большевики будут бить поляков, если не силой оружия, то силой пропаганды. А если вместо этого поляки побьют большевиков, и победа их будет уже не над большевизмом, а над Россией? Не упустим ли мы тогда гораздо более простую и почетную возможность спасти Россию от большевизма, оставаясь в русле не только антантофильском, но даже славянофильском? Не упустим ли мы возможности справедливо размежеваться с поляками на восточной границе и установить с ними те дружеские отношения, без которых вообще Россия не сможет играть той роли в славянском мире, которую мы бы хотели?»³³.

В этом же письме Маклаков достаточно негативно пишет о роли эмиграции и эмигрантах в условиях поражения белых армий и интервенции: *«И не рискуем ли мы тогда тем, что нам по справедливости скажут, что до сих пор мы систематически и последовательно мешали всякому практическому плану, избрав себе роль знаменосцев, которая позволительна только тогда, когда кроме знаменосцев есть и действующая армия. Мы же думаем, что, держась за знамя, мы тем самым делаем и практическое дело, и потому всякому делу мешаем. Скажу Вам еще, что если деятельность нас, официальных представителей, была до сих пор очень трудна и парализовалась безответственными советчиками, то трудность этой роли удесят�ерялась с тех пор, как провалились все наши протезы и фавориты. И еще добавлю: Милюковская мысль, которая отчасти совпадает и с Вашей, что центр, который будет являть собой истинную, новую Россию, может или должен быть за границей, очень компрометируется наплывом*

за границу наших соотечественников, в лице всякого рода беженцев. И не только потому, что сюда приезжают, в сущности, наиболее беспомощные и бездеятельные элементы России, но потому что вместе с этой беспомощностью и не деловитостью они приносят картину такой отсталой претенциозности и морального разложения, что страшно роняют за границей шансы России, по крайней мере, той России, которая сохранилась за границей. Не далее как вчера я получил письмо от Родзянко (старого); он требует, буквально требует, чтобы Европа – заметьте, речь идет именно о Европе, как будто это нечто цельное и определенное, – чтобы Европа кормила всех тех, кто убежал из России и которых он же исчисляет, может быть преувеличено, в полмиллиона людей. Мотивом к этому долгу Европы является то, что все эти беженцы суть жертвы их верности союзникам и, во-вторых, идеи Великой и Единой России. Родзянко, по-видимому, и не приходит в голову ни того, что это еще не оставляет никакого долга для союзников, ни того, наконец, что союзники превосходно знают, что эти беженцы вовсе не жертвы их верности союзникам, что громадная часть их в свое время с удовольствием перешла на германскую ориентацию, грозит ей и сейчас, а что все они исключительно и главным образом жертвы нашей русской несостоятельности в управлении громадной страной. И на ряду с этими претензиями, которые эти беженцы всюду заявляют, идет и нежелание брать работу, если она слишком черна, и изумляющая здесь за границей и личная недобросовестность, которая своего апогея достигла в Сербии, и желание, чтобы не только их кормили, но и соответственно их рангу не смешили с простыми. И все это *à la longue** претензии, будучи, в сущности, начинают возбуждать такое недоброе чувство к эмигрантской России, что и наши посольские претензии, будучи, в сущности, тоже эмигрантскими, говорить от имени будущей России, теряют всякую почву»³⁴.

Позже, продолжая эту мысль, Маклаков в письме Бахметеву 6 сентября 1920 года писал об опасности объединения местных французских политических деятелей с эмигрантскими политиками: «Наши здешние политики плохо осведомлены о том, что там делается, судят только по отрывочным письмам и рассказам, здесь занимаются политической хиромантией. У каждого есть свои любимцы в зависимости от степени его левизны, и все сводится к тому – побеждает ли он или уходит»³⁵.

В этом же духе критической оценки белой эмиграции и реального взгляда на роль большевистской России было выдержано выступление Ключникова на заседании Парижского комитета партии Народной Свободы 7 июня 1920 г. (Протокол номер 9). Он задает

вопрос: *«Верно ли, что сейчас для России самое страшное зло – большевики? После свержения большевиков наступит анархия, которая будет еще хуже большевизма. Если же большевики сгинут, то не полякам их разбить, а тем временем разрушаются остатки материальной культуры России и гибнет бесцельно масса ценных жизней. Польской программой может быть только расчленение России, и в этом отношении Польша воплощает чужие задачи»*³⁶. Как юрист-международник Ключников пытается первым среди коллег по Конституционно-демократической партии указать на переход к новому международно-правовому статусу Российского государства. *«Мы, – говорит Ключников, – стоим перед колоссальным рубежом. Антанта ведет переговоры с большевиками и накануне признания их правительства. В этих переговорах Антанта играет польским оружием, как большевики Персией. А мы, ограничив задачу Крымом, действуем в чужую руку»*³⁷.

В новых условиях, по мнению и Маклакова, и Бахметева требуется по-новому определить задачи русских патриотов. Маклаков по этому поводу пишет Бахметеву 12 марта 1920 года: *«Вы недоумеваете, что я говорю: нам нужно либо драться, либо мириться; тут либо недоразумение, либо разномыслие. Под примирением я, конечно, не понимаю того, что мы признали большевизм в его настоящем виде настоящей формой правления, но я понимаю так, если мы не могли задавить большевизм извне, и если крушение Деникина или наш отказ от польской комбинации делает победу извне иллюзией, то Россию спасем уже не мы, заграничные счастливицы, а те, кто сейчас в России, и те из большевиков, которые одумаются и те из патриотов, которые пошли на службу к большевикам для того, что бы их переродить. Всю надежду тогда приходится возлагать на рост отрезвления изнутри большевиков России: наша деятельность должна быть согласована с ними. Я бы сказал, руководство движением должно быть передано им. Кому это им? Для меня очевидно: уже не тем, кто, спрятавшись в подполье, готовил кадры восстания на случай приближения Добровольческой армии. Без Добровольческой армии это уже пустое занятие»*³⁸.

После поражения Деникина и Колчака, возникает вопрос о том, кому теперь принадлежит решающая роль в государственном строительстве России. По мнению Маклакова (письмо Бахметеву от 12 марта 1920 года), *«Надежду приходится возлагать тогда на те элементы большевизма, которые могут одуматься, нап[р]им[ер], Красина и Троцкого. Говорят, что он сейчас правое крыло большевизма, обвиняемое в реакционности. Вот – те элементы русской жизни, которые выведут ее из той ямы, в которую мы*

попали, и которую нужно будет поддержать отсюда. Более того, нужно будет рекомендовать всем, кому угодно поддержать этот элемент не отсюда, а идти работать вместе с ними в Россию, т.е., становиться в положение тех, кого мы осуждали. Вот это-то я и называю примирением с большевизмом, оно также мало примирение, как участие либералов в государственной жизни прежде было примирением с самодержавием, но все-таки, внешне, это примирение»³⁹.

Только в письме к Бахметеву 12 марта 1920 года Маклаков мог доверительно говорить о тех, кто не пойдет на примирение с большевиками. *«Конечно, отдельные лица могут на это не пойти, и предпочтут остаться где-то за границей, сохраняя свою чистоту. Не думаете ли Вы, однако, что эта позиция самая бесплодная и что они навсегда вычеркнут себя из числа тех, на кого Россия может положиться. Я еще понимаю, что дипломатические представители могут жить здесь для поддержки фикции законной власти и единой России, но вся эта масса русской эмиграции, чем она оправдывает свое существование здесь. Поэтому-то я и ставлю эту альтернативу – либо бороться извне, что кажется невозможностью не привлекиши сил поляков, либо сложить оружие и ехать в большевизацию и работать с их позволения над их уничтожением»⁴⁰.*

В доверительной переписке Маклакова и Бахметева достаточно последовательно проводится мысль о том, что Советская власть является современной единственной носительницей российской государственности. Вот рассуждения Маклакова: *«Большевизм сейчас все-таки не выпустил из рук идею единого Государства и единой власти. Когда мы покорим большевизм не победой извне, не даже постепенным его исправлением, а просто тем, что его разорвет возмущенная толпа, или что большевики удержат сами с награбленными деньгами, то он сменится просто анархией. Вы, может быть, скажете, что это будет лучше, тогда и появятся Минин и Пожарский, которые начнут объединять Россию не встречая никакого сопротивления, которое оказывал большевизм. Это, может быть, но это сделается только одной ценой: захватом у России всего того, что можно будет захватить – идею же единой России Вы этим не спасете... Новые Минины на почве анархии Россию воссоздадут, – это конечно, – но она выйдет и без Кавказа, и без Прибалтики, и без Литвы, и без Белоруссии и т.д., и поэтому, мне кажется, отсюда, что если мы потеряем всякую возможность раздавить большевизм извне, то вся наша ставка должна быть поневоле на перерождении большевизма и поэтому мы должны ехать туда; ехать не в качестве нелегальных*

метателей бомб, а в качестве “rallies”. Один умный француз здесь недавно сказал: “Tout regime est perdu par ses rallies”**... Если мы бесполезны здесь, и не хотим ни менять подданства, ни стреляться, – мы фатально будем приведены к решимости вернуться назад, т.е. просить пощады у большевиков для начала и изменить им при первой возможности»⁴¹.*

Если мысли, изложенные Маклаковым и Бахметевым в тайной переписке оставались неизвестными широкому кругу российской общественности, то те, кого позже стали называть «сменовеховцами» не имея официального статуса в эмиграции, действовали открыто, публично излагали свои взгляды. К концу 1920 года Ключников более решительно ставит вопрос о необходимости существенного изменения позиций кадетской партии с учетом победы большевиков и поражения белых сил. Так в Протоколе заседания Парижского комитета партии Народной Свободы 2 декабря 1920 г. зафиксировано следующее выступление Ю.В. Ключников: *«Совершенно необходимо поставить вопрос о переоценке наших позиций. Но мне чувствуется, что в этом вопросе появятся разногласия, чуть ли не у каждого члена партии. До сих пор мы шли по линии наименьшего сопротивления, не выявляя нашего лица. Такой путь завел нас в тупик. Необходимо теперь переработать общую программу и дать себе отчет, какое социальное место мы ныне занимаем. Переходя к вопросу о переговорах с с.[оциалистов] р.[еволюционеров], считаю, что эти переговоры есть отвлечение нашего времени и нашей энергии на второстепенную задачу. Но все-таки в них есть весьма существенный момент – это вопрос об армии. Его нужно теперь решить. По отношению к дипломатическому корпусу я согласен с точкой зрения П.Н.[Миллюкова]. Однако, все это задачи дня, главная же задача – выявить новую сущность кадетизма, как подготовку для занятия нового социального места в будущей России»⁴².*

На следующий день (Протокол заседания Парижского комитета партии Народной Свободы 3 декабря 1920 г.) Ю.В. Ключников продолжает отстаивать эту же мысль: *«Беда к[онституционных]-д.[емократов] не в том, что они наделали ошибок, а в том, что нет никакого антибольшевизма. Вопрос нужно свести не к выработке методов, а к оценке антибольшевистских сил. Мы не учитываем большевизма, как мировую силу. У большевиков была историческая и политическая правда. Они учли массу, выброшенную на волну революции, и знают, как ее вести. Мы отстали от жизни и не хотим с нею считаться, иначе мы должны были бы признать, что с момента одновременного провала белых фронтов сознание русской народной массы изменилось. Теперь она Красную армию рассматривает как свою армию, как свою силу. Большевистская*

революция победила, и с нею теперь нельзя бороться двумя-тремя генералами. Можно было бы бороться только консолидацией мировых сил. Однако Лига Наций провалилась, а такая консолидация неосуществима. Потому следует наметить иной путь и путь этот вытекает из следующего положения: Большевизм падет, как только перестанет встречать внешнее сопротивление; он держится исключительно разрухой и рассыплется, как только наступит улучшение внутренней жизни страны. То, что я здесь прослушал – это проекты большевизма наизнанку. Наши новые методы должны вытекать из переоценки не нашего опыта, а мировой обстановки»⁴³.

17 февраля 1921 г. на заседании Парижского комитета партии Народной Свободы был заслушан доклад Ключникова «Новые задачи кадетизма». К протоколу приложены тезисы доклада, написанные рукой автора. В тексте выделены следующие положения:

- 1. «Мы слишком заняты очередными делами и не делаем общей оценки общей политической ситуации.*
- 2. Только такая оценка укажет, каково теперь должно быть социальное место кадетизма. А не зная своего нового социального места, к.-д. не могут принимать правильных тактических решений.*
- 3. «Новое социальное место» кадетизма отнюдь не есть отказ от кадетизма. Напротив, вопрос таков: чего требует от к.-д. политическая сущность кадетизма в современной обстановке.*
- 4. Кадетизм как либерализм.*
- 5. Либерализм, как один из общих типов политического творчества (служение политическому прогрессу – без разрыва с прошлым; эволюционные методы: правовой идеал).*
- 6. Либерализм во время революций (все зависит от идеалов и от достижений революций).*
- 7. Значит, все дело в вопросе: к чему пришла русская революция и каковы окончательные изменения, внесенные ею в русскую жизнь. Одно, – если мы считаем, что русская революция ничего особенного не сделала – тогда можно не искать новых путей. Другое, – если мы признаем, что коренные изменения в русской жизни произошли. Третье, – если изменения произошли и в мировой жизни.*
- 8. Русская революция не только 27-го февраля 1917, но и окт.[ября] 1918 г. и, особенно, ноябрь 1920 г. Итак требуется серьезная оценка большевизма.*
- 9. Корни и сила большевизма: а.) в русском прошлом, б.) в истории русской революционной мысли, в.) в ошибках революций до октября 1918 года, г.) в свойствах*

антибольшевизма, д.) в мировой войне и е.) в современной мировой обстановке.

10. Политическая и социальная программы большевизма; условия их торжества и провала. Торжество – при условии мировой революции; провал, – если удастся немедленное «восстановление» России в антибольшевистском стиле; эволюция большевизма при постепенном улучшении мирового положения – в контакте с большевизмом в стиле Ллойд-Джорджа⁴⁴.

*)

11. Борясь с большевизмом без малейших данных, мы лишь усиливали бы большевизм.

12. Необходим отказ от вооруженной борьбы.

13. Сила кадетизма – сила русской интеллигенции. Она достаточно велика при условии умения сказать самостоятельное слово: признание факта большевистской России и не препятствование большевикам при известных условиях»⁴⁵.

Принципиальное значение данного доклада на заседании Парижского Комитета партии Народной Свободы 17-го февраля 1921 года и его обсуждение требуют их полного воспроизведения по протоколу⁴⁶: «Докладчик начинает с заявления, что он хотел бы сделать свой доклад в Группе и потому ограничивается сейчас лишь изложением своих основных положений. Опыт революции, говорит он, показал нам, что к.[онституционно]-д.[емократическая] партия в течение последних лет стояла на неверном пути и если она пойдет по нему далее, то и впредь неизбежны те ошибки и неудачи, какие имели место в прошлом, чтобы избежать их, необходимо вернуть партию к ее прежней исходной психологии. Эти ошибки следующие: в начале революции мы не поняли, не оценили того обстоятельства, что воевать больше Россия не в состоянии, не сделали из этого своевременно соответствующих выводов и дали этот козырь в руки большевиков; далее, мы упорно стояли за интервенцию, которая не могла осуществиться, за военную диктатуру, не оправдавшую, возлагавшихся на нее надежд, и, наконец, сейчас хватаемся за коалицию с социалистами, которая даже в лучшем случае не приведет, также, ни к каким положительным результатам. Мы, ведь, всегда думали, делая новый опыт, что впредь ошибаться не будем и каждый раз, однако, приходили к неудаче. Причины этих неудач в прошлом кроются в том, что, во-первых, мы исходили в своих тактических построениях из злобы дня, т.е. из предпосылок, слишком малых по сравнению с мировыми событиями, а во-вторых, обычно или по линии наименьшего сопротивления, сильных шагов избегали и всегда проявляли максимум осторожности, подсказываемой данным

моментом, в результате оказываясь самой неосторожной партией. Большевики действовали совершенно иначе, все время базируясь на новых международных условиях – на новой мировой конъюнктуре – и учитывая, как преходящие детали, явления сегодняшнего дня, и потому оказались победителями в борьбе. В будущем нас, благодаря нашей неверной тактике, ждет новая неудача: намечается раскол партии, уход вправо и влево, далеко от центра, обоих ее флангов, что приведет к распылению интеллигентских сил. Между тем сейчас в мире все так перепутано и перетасовано, что даже сравнительно малые, но организованные силы торжествуют, как это мы видим на примере большевиков, и силы кадетизма, если бы он шел правильно, было бы достаточно для оказания большого исторического действия. Мы же теперь тратим массу энергии и нервов на преходящие явления, изнашиваемся и теряем силы, необходимые для будущего творчества. Мы до сего времени сосредоточивали всю свою волю, все внимание на борьбе с большевизмом и брали последний в каком-то упрощенном виде, говоря, что это кучка бандитов, разбойников, негодяев и ничего больше. В действительности же большевизм оказался гораздо сильнее и по существу, и по форме, чем мы его себе представляли, и живет, вот уже три года.

Далее, в своей тактике мы постепенно усваивали все отрицательные стороны большевизма. Большевики начали как, в самом деле, кучка бандитов, сами, не веря в свой успех, и пришли к очень большим результатам; мы же начали с широких горизонтов и постепенно сходили к узким элементам – к оправданию насилия, миру с неправдой и т.д. Вначале мы легкомысленно думали, что большевики просуществуют всего 2 недели, ошиблись в этом, начали с ними воевать и, не имея данных для победы, продолжали войну, даже тогда, когда сами не верили в успех, содействуя этим только разрушению России. Большевики разрушали ее, но достигли со своей точки зрения огромных результатов – в смысле подготовки мировой революции, и последняя не произойдет лишь в том случае, если мир пойдет им на уступки. Большевики начали свой страшный социальный эксперимент (имеющий, однако, корни в будущем) правильно учтя, что, когда нарушено (войной) равновесие, создается благоприятная предпосылка для такого эксперимента, и поэтому их программа стала исторической реальностью. В то время, как мы не оценивали мировых условий жизни, они правильно уловили смысл мировой конъюнктуры. Их программа есть одна из трех основных мировых программ: консервативной, либерально-демократической и революционной. Первая из них, наиболее яркой выразительницей которой была довоенная Германия, сильная, желавшая подчинить себе другие государства, стремились к разрешению международных

противоречий и приведению мира в порядок путем империализма, основанного на господстве над другими народами. Эта программа потерпела поражение в войне, которую выиграла другая сила, вторая – основная программа – программа либерально-демократическая, выразителем которой являлся Вильсон и которая, отрицая насилие в международных отношениях, стремилась урегулировать их путем свободного соглашения, но оказалась не в состоянии разрешить этой мировой проблемы. И тогда на мировую арену выступила третья программа – революционно-коммунистическая, носителем которой является преемник марксизма и бакунизма – большевизм, выдвинувший принцип единства и основывающийся на международной силе – силе мировой социал-демократии рабочего класса. Эта объединенная даже небольшая сила оказалась способной овладеть положением, ибо условия проявления и торжества любой из трех перечисленных программ вытекают из известной обстановки, своеобразной для каждой из них. Для торжества консервативной программы нужно, чтобы все было благополучно, война же нарушила это благополучие. Для успеха второй – либеральной программы необходим тот избыток материальных благ и душевного богатства, какой был в Америке, дающий возможность шиковать, но война вызвала такие потрясения в этой области, что все государства и народы оказались в положении близком к краху, и в результате ее неудача. Наконец, для торжества третьей – революционной программы требуется удовлетворенное состояние, вызывающее всеобщее брожение и недовольство, что как раз случилось в итоге войны, почему большевизм и оказался самым реальным в данной исторической обстановке. Чем дольше разрушения и драки с ним, тем лучше для него и борьба антибольшевиков лишь усиливала его: слабый и разваливающийся в первый период своего существования, большевизм окреп как раз тогда, когда, окруженный со всех сторон силами Колчака, Деникина, Юденича и Миллера, казался многим окончательно гибнущим. В этот критический для него момент создался своеобразный большевистский национализм, давший ему силу для сопротивления и победы, ибо народная психология была скорее за него, чем за белых генералов. В силу всего сказанного, нам надо перестать исходить из малых предпосылок, делая ставку то на Врангеля, который сегодня падает, то на комбинацию с эсерами, которая завтра неизбежно лопнет, ибо в мировой обстановке нет условий, благоприятных для успеха коалиции двух таких течений. После свержения большевиков от такой коалиции ничего не останется и на другой же день начнется новая страшная драка между 3-мя течениями: эсерами, кадетами и более правыми, худшая, чем сам большевизм, и при таких условиях восстанавливать и спасать

Россию будет нельзя. На почве этой анархии и драки большевизм, павший как режим, будет психологически и принципиально усиливаться, и, может быть, впервые действительно идейно восторжествует и в России и в других странах. Такую опасность нам необходимо заранее учесть и постараться найти свое определенное место в данной исторической обстановке. Для этого мы должны в своей тактике исходить из духа кадетизма, а не из своих прежних догматов, ибо легко может оказаться, что вся старая наша программа (и политическая, и социальная) уже устарела, если к ней подходить с точки зрения буквы. При царизме, например, наше заявление о республике было бы стремлением к прогрессу, а теперь оно уже регресс. Поэтому мы должны исходить сейчас не из отстаивания старой буквы – старой догмы, а из осознания себя, как силы прогресса, ибо сущность кадетизма есть служение прогрессу в условиях данного момента. Мое отношение к большевизму и исходит из духа, а не буквы кадетизма. Я ясно вижу, что наиболее реальное будущее как раз у большевизма и хотя он в России, вероятно, распадется, но в мире будет духовно торжествовать. Необходимо поэтому добиваться, как исторически [...], мирного сосуществования либерализма с революционным большевизмом и, вместо борьбы с ним, которая только его усиливала, взять из него все хорошее в порядке эволюционного творчества. Отказ от борьбы с ним одного П.Н. Милюкова несравненно важнее и полезнее для России, чем вся работа Комиссии Уч.[редительного] Собр.[ания]. Нам надо омолодиться душой и, как ни противен, не гнусен подчас большевизм, надо идти туда – в Россию, как идут на чуму и холеру, а не бежать от него. Все равно к этому, т.е. к возвращению в Россию и к борьбе с ним в политических формах, вместо попыток вооруженной борьбы и взрыва его, мы рано или поздно придем. И лучше сделать это раньше – теперь же, поддержав, например, Красина, вместо того, чтобы мешать ему, ибо сейчас мы будем иметь несомненный успех. Россия не умрет, но где будем мы, если этого не сделаем. В подтверждение своих мнений, докладчик цитирует затем полученные им в разное время письма от нескольких молодых (в возрасте от 30 до 35 лет) кадетов – Устрялова, Потехина и своего брата, а также ссылается на публичные выступления Коровина и Лукьянова. Все эти лица, говорит он, разбросанные по разным местам, пишут и высказывают те же мысли, что и я; и вместо новых попыток бесплодного минимального творчества, вроде Комиссии Уч.[редительного] Собр.[ания], необходимо идти к ним, ругающим большевиков, но желающих работать политически внутри России. Надо исходить в своей тактике из факта существования большевизма – из признания его»⁴⁷.

Провозглашение большевиками перехода к «новой экономической политике» рассматривалось изучаемой нами патриотически настроенной группой эмигрантов-либералов как новая фаза в борьбе за эволюцию большевизма в национально-демократическое государство. В письме 19 марта 1921 года Бахметев писал Маклакову: *«В области русской политики, мне представляется, мы подошли к новой фазе, которая требует новых начал... Ныне мы вступили в период активной народной борьбы и, надо думать, момент свержения большевистской власти не за горами. Признаками этого периода являются также и те уступки, которые Ленин делает крестьянам и иностранным капиталистам, с очевидной целью, во что бы то ни стало сохранить власть»*⁴⁸.

По мнению Маклакова, в условиях окончания гражданской войны большая ответственность ложится на эмиграцию: *«Откуда же явится подлинная Новая Россия? Тут у меня начинается вера в чудеса; но если нужно искать не столько конкретного, сколько принципиального ответа, то я думаю, что этой Новой Россией будет та большевистская Россия, которая переживает поучительный опыт, перенесет ярмо власти и сопряженную с нею ответственность, так как эту ответственность начинают сейчас чувствовать даже Ленин и Троцкий; люди этой психологии и этого прошлого выработают из себя разновидность того класса, который будет Новой Россией. Я не хочу сказать, что они выдумают что надо сделать; им поможет в этом и эмиграция, т.е. те отдельные люди, которые используют свои досуги, знакомство с Европой и результаты наблюдений, чтобы открыть и показать пути, на которых спасется Россия»*⁴⁹.

При этом Маклаков в письме Бахметеву 15 апреля 1921 года предостерегал от перенесения дореволюционного критиканства царского самодержавия на критику Советской власти: *«Мы же люди, которые воспитывались в иной школе, в школе критики действий власти, которые сразу провалились в творчестве и провалились так быстро, что не успели к нему даже привыкнуть, и сейчас критику большевизма ведем такими же аргументами и путями, которыми вели критику против царизма. Ведь и тогда мы были уверены, что царизм скоро рухнет, и нас позовут, и потому нужно иметь и готовое министерство и готовую программу. Мы думали тогда так, живя внутри России и упражняясь в игре в земские и городские союзы, как сейчас, живя за границей и читая газеты, спрашивали себя, когда же, наконец, мы вернемся в Россию. Я начинаю думать, что мы никогда не вернемся, или вернемся так, как роялисты вернулись к Наполеону, покаявшись, капитулировавши и пойдя к нему на службу»*⁵⁰.

В этом же письме Маклаков уточнял свое отношение к большевикам в новых условиях: *«Я не хочу этим сказать, что большевизм победил; напротив, для меня ясно, что движение внутри России потому и начнется, что большевизм уже побежден и побежден самой Россией силами крестьянства, и даже честных, но глупых коммунистов, которые сообразили необходимость собственности и т.д. Эти силы вчерашних коммунистов – наша главная надежда и опора; нам нужно только найти к ним доступ и говорить с ними языком, который они бы поняли. Контакт именно с ними есть наша задача и задача нелегкая, так как по всем данным и это слишком понятно, в этих силах, на которые мы рассчитываем, скопляется против нас такое озлобление, при котором нам смешно думать о возможности повелевать и управлять ими. Та мысль, которую Вы здесь когда-то высказали о необходимости обращения к большевистской России, к тем, которые там работают и борются, обращение к ним на таком языке, который был бы для них понятен, это была неотложная задача; Учредилка не поняла этой задачи, не поняла даже, что она существует, а если поняла, то не сумела ее исполнить. Достаточно этого, чтобы поставить на них крест. Я часто гляжу лично на Вас и думаю, сколько правильных мыслей, которые Вы высказываете, пропадают без всякого результата; это доказывает, что либо до них не пришло еще время, либо что Вы даете их людям, которым с ними нечего делать, у которых совершенно другая психология. Представьте себя в роли Красина, в роли консультанта Совета Народных Комиссаров с Вашим знанием Америки, ее психологии, с Вашей творческой мыслью, так как у Вас творчества больше, чем знания, – представьте, что Вы с ними говорили бы, и я нисколько не сомневаюсь, что результаты таких разговоров были бы бесконечно выше разговоров с учредилковцами. В конце концов мы все обречены на провал потому, что то движение, которое собралось за границей, будь то реакционное офицерство или демократические общественники, одинаково отмечены политическим бессилием; право претендовать быть властью в России дается не даром; его нельзя заслужить тем, чтобы самовольно присвоить право распоряжения казенными деньгами и живя в атмосфере сравнительного благополучия и полной безопасности твердить Европе про то, что мы в будущем будем править Россией. Это, может, было полезно твердить, так как лучше, чтобы Европа разговаривала с большевиками теперь, чем, если бы она разговаривала с ними месяц тому назад. Но эти слова для внешнего употребления. Претендовать быть будущей властью и вести Россию может только тот, кто все ее горе пережил вместе с нею,*

кто рисковал своей собственной шкурой, кто исходным пунктом всех своих построений возьмет теперешнее фактическое состояние страны и будет лечить его, а не тот, кто воспринимает формы, в которые вольется новая Россия, только как необходимую уступку, делаемую старым порядкам. Конечно, наступило время компромиссов и эволюций; но не старый порядок должен произвести эту эволюцию в демократическом смысле, а эволюцию назад направо должен произвести новый порядок, фактически установившийся у нас большевизмом. Мы придем к одному и тому же месту, откуда бы ни вышли. Но не старый режим полевееет, а большевизм поправееет. Вот тот основной вывод, к которому я прихожу, чем более думаю; говоря его Вам и только Вам в порядке откровенности, не рекомендуя из него ничего делать, кроме того, что время от времени размышлять на эту тему, и сообщать мне, что Вы об этом надумали»⁵¹.

В ответном письме 6 июля 1921 года Б.А. Бахметев писал В.А. Маклакову: *«Перечитывая Ваше письмо, я чувствовал, что я почти во всем с Вами согласен. Поскольку Вы касаетесь анализа происходящих в России событий, поскольку вскрываете всю неудовлетворенность парижских организаций – все это, к сожалению, верно. Я бы высказал тоже, но с меньшей силой и талантливостью. Я не согласен, однако, с Вашими практическими выводами и протестую внутренне очень сильно против лично Вами занятой позиции: Вы все критикуете, все поносите – и не говорите, что же нужно делать? Это было бы простительно, если бы Вы не понимали, в чем дело – но, ведь, Вы же понимаете и понимаете так глубоко и правильно. Тогда почему же Вы не предложите правильного, по Вашему мнению, пути? И так, с выводами Вашими я не всегда согласен, а в некоторых случаях и в корне расхожусь. [...] Во всей Вашей характеристике происходящих в России событий, которую Вы даете в письме от 14 мая и во всей оценке задач, стоящих, будем говорить, не перед интеллигенцией вообще, а перед тем, что представляем мы с Вами, – интеллигентами-государственниками – у меня нет с Вами спора. Я уже в одном из писем отмечал то глубокое удовлетворение и радость, которые Вы мне доставили Вашим письмом, подтверждая, на основании непосредственных сведений из России, справедливость моих догадок и практичность моих советов. К сожалению, и вот в этом весь трагизм, мудрые советы пока еще бесполезны. Опасаюсь, что еще не пришло время, и созрела та обстановка, не совершились те внутренние процессы, которые готовят русскую ткань для восприятия соответствующих ориентаций и волевых импульсов. И*

вот это, может быть, главное, что меня лишает воодушевления в переписке.

Когда я Вам писал о новом курсе после падения Деникина и в момент крымской катастрофы, я чувствовал, что необходимо формулировать что-то новое и отбросить что-то старое. Тогда самый факт формулирования был важен, так как, хотя бы идеологически, надо было выйти из узла противоречий, в котором запуталось русское национальное движение и хотя бы теоретически правильно показать пути к исходу. Это было сделано; пути ясны и ничего иного сказать нельзя. Каждый день подтверждает правильность принятой точки зрения, но сейчас нужно не умствование, а работа, не теоретизирование, а приспособление – приспособление, конечно, не в смысле соглашения с большевиками...⁵².

Далее Бахметев пространно отвечает на все основные пункты посланий Маклакова. В первую очередь он касается вопроса об эволюции большевиков: «Прежде всего, что правильно и что неправильно, с моей точки зрения, в Вашем письме от 15 апреля. Вы справедливо ограничиваете непосредственный результат крестьянских восстаний и правильно пишете, что большевизм падет только тогда, когда сломается до конца весь правительственный аппарат в России. Тогда, вместо большевистского режима, наступит полоса анархии, которая, как Вы пишете, долго не продлится. Но все же это процесс такой, при котором российской эмиграции всего менее можно являться в России в качестве правительства с какой-то программой. Потому выработать программу и создавать правительство – несвоевременно. Вы дальше говорите, что основа власти в России рождается в ней самой, явится из недр большевизма и что восстание вообще – начало конца, но только большевизма, а не большевиков. Практический вывод, который Вы из этого делаете, заключается в том, что изменятся большевики – как в смысле направления остальных, и потому практический путь – обдумывать те этапы, на которых, с помощью самих большевиков, надо их уничтожить. Но это значит вступить с ними в переговоры, идти с ними на соглашение. Тут Вы останавливаетесь, отмечая, что это – постановка вопроса, которую Вы считали бы правильной, но которая должна остаться между нами, так как вслух говорить о ней – значит увеличивать смуту в умах»⁵³.

*Далее Бахметев излагает Маклакову свое видение событий в современной России: «В России существуют две полюсности: одна полюсность – большевистско-правительственная, другая – народная. **Отличие** того подготовительного революционного*

процесса, который происходит внутри России, от подобных процессов в других революциях – в том, что между этими полюсами имеются силы лишь отталкивания. Никакого притяжения, никакого взаимодействия, никакого сотрудничества нет. Всякое правительство, в прошлом, даже самое самодержавное, не только брало, но и давало народу, и население, в общем, участвовало в организованной государственной жизни. Население имело привычку пользоваться, а потому и считаться с властью, получая от власти нечто реальное и необходимое. Следствием всего этого и был факт, на который Вы правильно указываете, что в прошлых революциях одна власть сменяла другую и, сменив, управляла страной, в значительной мере пользуясь старым административным аппаратом. Вы правы в том, что теперь этого не будет, так как народная полюсность от правительственной ничего не получает. Последняя только вымогает и преследует. Таким образом, постепенно, в процессе развития, складываются две России: одна – пока еще внешне сохраняющая подобие централизованного государства и другая – внутренняя, со своей организацией, психологией, пониманием и волей, Россия слагающаяся вокруг чисто-отрицательных действий спасения жизни и обезопасения себя от правительственного воздействия, но все-таки Россия, организующая сильные политические и социальные атомы, из которых в будущем, путем интеграции, и родится обновленная родина. Народная полюсность постепенно вытесняет большевистскую полюсность, вытесняет целиком, без остатка. Я думаю, Вы правы, что на девять десятых в России большевизма уже нет. В процессе этого вытеснения огромную роль играют уступки, на которые принужден идти Ленин. Эти отступления не от теории или цели большевизма, это – отступление перед победоносными фактами, уступки, которые делаются во имя спасения большевистской власти. Они являются трещинами в большевистской плотине, через которую хлещет волна народной стихии и подрывает самые корни большевистского здания. Каждая уступка открывает новые возможности народной полюсности и после каждой реформы большевистский государственный аппарат слабеет, а народная организованность крепнет и расширяется. Таким образом, как Вы справедливо говорите, все движется, все находится в эволюции. Но вот здесь и есть главное различие между тем, что Вы пишете в первом Вашем письме и моими мыслями.

Вы говорите об эволюции, если не большевизма, то большевиков, думая, что даже окончательный результат этой глубокой социальной динамики произойдет под главенством нынешних вождей. Я же, наоборот, вижу во всем этом

исключительно не эволюцию большевиков, а только динамику событий. Эволюционирует русская жизнь, крепнет та самая демократия, о которой Вы пишете в Вашем первом письме, национальная демократия, которая по существу несовместима ни с каким, даже сильно эволюционировавшим большевизмом. Во втором письме, впрочем, Вы отмечаете тот резкий антибольшевистский дух, которым дышит Россия. Это глубоко народная психология интуитивно отражает глубокую и бесспорную социологическую истину, что большевизм, как таковой, как известная политическая и экономическая система, неспособен к эволюции и не может, путем непрерывных изменений, перейти в тот политико-экономический строй, основанный на принципе народовластия, частной собственности и экономической свободы, который является предпосылкой восстановления России и основой ее будущего строя. Разные мелкие пичужки, разные маленькие люди, которые год тому назад называли себя большевиками, могут «переменить точку зрения» и стать «буржуйчиками» и демократами. Иначе и быть не может, так как вообще суть истории в замене различных фаз, характеризуемых тем или иным состоянием народного ума и ориентации. Но именно на верхах, где, по необходимости, известные принципы должны проводиться и поддерживаться с отчетливостью и целостностью, этот непрерывный переход от одного полюса к другому невозможен. Тут необходим разрыв непрерывности, выражаясь математическим языком, разрыв, который мы ежесекундно видим в химии, физике, биологии, вообще во всех явлениях природы. Для того, чтобы этот социальный разрыв произошел, одна полюсность должна ослабиться до значительных пределов, другая, наоборот, должна укрепиться и организовать. Момент взрыва определить нельзя и неправильно исключать его приход ссылкой на слабость восстания, возможность подавления любого крестьянского беспорядка организованного кучкой и проч.»⁵⁴.

Судя по этим высказываниям, Бахметев не верил, в отличие от Маклакова, в эволюцию большевиков. И в этом вопросе он был ближе к идеям «новой тактики» лидера кадетской партии П.Н. Миллюкова. Далее Бахметев писал в этом письме Маклакову: «Как Вы видите, я не верю в эволюцию большевиков, наоборот, убежден, что на известной ступени произойдет насильственная смена и потому, конечно, отбрасываю всякие идеи соглашения, как бесполезные и противоречащие существу дела. Усилия наши должны быть направлены на организацию и прояснение народной полноты.

Особый характер этих полюсностей и, как я отмечал, присутствие лишь отрицательных сил отталкивания исключает перспективу смены одной власти другой. Я в этом совершенно убежден и с этим примирился, как с печальной неизбежностью. Я пришел к убеждению, что одним из основных результатов большевистского режима является то, что на смену его в России вообще не может придти никакая центральная власть. В этом, между прочим, кроется внутренняя безнадежность всяких реакционных попыток. По существу можно долго спорить о том, хороша или плоха реакция и не лучше ли все же хотя бы реакционная централизованная власть, которая, по Вашему выражению, нас ударит больно, но все же – власть. Я к этим спорам отношусь совершенно равнодушно, т.к. по-моему, для них нет почвы. Повторяю, по моему убеждению, непосредственным наследником большевиков не может быть никакая центральная власть. Если бы Врангель со своей армией пришел в Москву и пытался чем-то управлять, то он оказался бы совершенно в том же положении по отношению к народной стихии, в каком оказывались большевики. Он также должен был бы встретиться с отсутствием желания подчиняться, о которое разбились большевики и которое явилось следствием чисто отрицательного, паразитического характера их управления. Он также бессилён был бы помочь народу экономически, и единственный путь, которым армия могла бы питать себя – были бы те же насильственные реквизиции, с подавлением всякого сопротивления, которые характеризовали большевистскую власть. Большевики вообще показали наибольшую способность к активной воле, наибольший централизованный энтузиазм и наибольшую действенность. Если можно говорить о власти вообще, оперирующей над народом и использующей известный механизм принуждения, то большевики в этом деле были высшими виртуозами, и если они провалились, то провалятся и все иные. Единственно возможно, если бы эти иные пришли в Москву, опираясь, как на внешний источник материальной силы, так и на внешний, независимый от России, источник финансового и материального снабжения. Другими словами, если бы восстановление России сделалось бы сознательной целью какой-то внешней державы, способной уделить для этого военные материалы, пищу и снабжение. Но это равносильно завоеванию; эта такая форма интервенции, которая невозможна, даже если бы ее кто и желал. Она еще менее осуществима, чем захват России через большевистский цезаризм, о котором я писал в предыдущем письме, трактуя об объективных задачах английской политики»⁵⁵.

Далее в этом письме Маклакову Бахметев рассуждал о новой ситуации в России в связи с провозглашением большевиками «новой экономической политики»: *«Вы спросите меня, куда же делся мой оптимизм, Вы скажете, что я пессимистичнее Вас. Но разве я когда-нибудь закрывал глаза на трудности, на неизбежность невероятных страданий и мучений? Я просто принимаю это как должное, и мой оптимизм относится к результатам процесса и я, сказал бы, еще к быстроте его движения. Процесс разложения большевиков происходит невероятно быстро, быстрее, чем можно было ожидать, и странно, что национальный съезд [эмиграции – А.К.] даже не обмолвился по поводу нового курса Ленина и вообще всего трезвония большевистской настройки. Вот эта-то быстрота и питает преимущественно мой оптимизм, и сейчас, собственно говоря, я настроен гораздо более оптимистически, гораздо более воодушевлен, чем год тому назад, когда так много писалось о непреступности переконских позиций. Я вижу и ощущаю эту историческую динамику и ощущаю ростки тех настроений и той психологии, которая необходима для успеха.*

Тут мы подходим к другому очень важному пункту: кто же явится носителем восстановления России? Скажу больше: какие психологические перерождения необходимы, хотя бы в интеллигенции, чтобы новая фаза реально возможна? Отвечу опять парадоксом: одна из причин, почему большевизм так долго держался, в том, что у него не было еще наследников. Раньше, чем исторические фазы делаются реальностью, они должны существовать в понимании и в воле будущих носителей. Носители этой новой, органически демократической психологии, по крайней мере, среди интеллигенции в широком смысле, еще не родились и это – показатель того, что час большевиков еще окончательно не пришел. Все наши демократы в прошлом исходили из идеи опеки над народом. Даже русское революционное народничество, в конце концов, рассматривало народ, как объект, которым, во имя его же блага, должны руководить какие-то просвещенные идеалисты. Эта психология в уродливой форме лежит в основе большевизма: психологией этой дышит «варяжская теория», как я в шутку окрестил направление, исповедуемое Шульгиным⁵⁶, Струве⁵⁷, Набоковым⁵⁸ и вообще огромным большинством русской эмиграции, которое сгруппировалось вокруг константинопольских и парижских, т.[ак] наз.[ываемых] национальных образований. Сущность этой варяжской психологии заключается в глубоком недоверии к творческим силам нации, как таковой. В лучшем случае народ может свергнуть большевиков, т.е. совершить чисто

отрицательный акт, но ничего положительного он построить не может»⁵⁹.

Далее Бахметев рассуждает о месте и роли российской интеллигенции в грядущей России. Необходимо отметить, что эти рассуждения почти дословно совпадают с суждениями Н.В. Устрялова⁶⁰. Важно и то, что Бахметев солидарен с мыслями Маклакова по этому вопросу: *«Относительно роли интеллигенции в Ваших письмах есть две глубоко правильные мысли, правильные, конечно, с моей точки зрения, потому что они совершенно совпадают с тем, что я исповедую. Вы пишете, что массы поняли, что интеллигенция им нужна и что сейчас интеллигентов окружают всяким уважением и почетом. С другой стороны, Вы отмечаете, что и интеллигенция подходит к народу на иной манер. Она несет полноту технических знаний, идет, как бы служить народу. Вы глубоко правы. Кажется, я писал Вам о той форме, которой я здесь широко пользуюсь, говоря, что лишь то правительство сможет иметь успех в России, которое будет не government of rule*, но government of service**, и что правительство это должно отказаться от мысли кем-то непосредственно управлять и кому-то навязывать свои желания. Наоборот, правительство должно помочь населению осуществить и наладить тот государственный аппарат, который необходим населению для его экономических нужд и для удовлетворения его национального духа и который само население пожелает построить при участии и помощи просвещенных сил. Вот это-то психология готовности служить должна предшествовать возможности смены большевизма и то, что Вы пишете об этом, притом ссылаясь на письма из России, а также пишут и разные другие лица, свидетельствует, что начало конца – близко. Огромным удовлетворением для меня в этом смысле явился торгово-промышленный съезд. Еще в ноябре торгово-промышленники, в общем, безнадежно плелись в хвосте “варягов ”»⁶¹.*

Наибольший интерес в данном письме Бахметева Маклакову представляют размышления о возможности компромисса с большевиками: *«Почему же, спрашиваю я Вас, Вы не хотите открыто делать тех выводов, к которым Вы приходите? Я не говорю о соглашательстве с большевиками, потому что этого не требуется и, судя по письму Вашему от 14 мая, непосредственные сведения из России, которые в конечном исходе являются основным оселком, на котором нужно проверять всякие умствования, определенно свидетельствуют против подобной тактики. Отчего же, спрашиваю я, Вы, с Вашим блеском, талантом, поразительным анализом и другими всякими качествами, молчите? Отчего, так*

прекрасно понимая сущность происходящих в России процессов, столь справедливо осуждая бесполезность и ветошность тех понятий, в которых мы пока возвращаемся, Вы храните это драгоценное понимание для себя? Я пишу это не с целью упрека, я знаю, как трудно – трудно потому, что все окружение, большинство друзей – органически связаны с отжившей ныне психологией. Я пишу это с целью только убедить Вас открыть Ваше настоящее лицо, сказать то, что Вы думаете о вещах и явиться одним из новых центров кристаллизации мысли и новой психологии. Сейчас нет ничего более важного: всякие организационные последствия придут позже, сами собой; но слова нового Евангелия должны говориться со всей прямотой и смелостью»⁶².

По сути дела, в этом письме Бахметев призывает Маклакова стать лидером нового идейного течения, вокруг которого должна кристаллизоваться общественная мысль и новая психология после окончания гражданской войны. При этом для понимания сущности новой идеологии в представлении Бахметева важно утверждение последнего о силе и бессилии большевизма. *«Я жду многого от нашей буржуазии, но, к сожалению, должен поставить крест над всем тем, что вышло из предприятия Бурцева»⁶³. Перечтите вступительную речь В.Л.[Бурцева]: “Для нас большевики – не политическая партия. Для нас большевики – захватчики, убийцы, палачи, предатели родины, иуды... Для борьбы нужен блок всех честных политических партий”. – Я понимаю моральное негодование в личных переживаниях и вполне искренно сочувствую возмущениям В.Л.[Бурцева] но почему же никто на съезде не задумался над простой истиной, что большевики, несмотря на все эти эпитеты – реальный, существующий факт, факт огромного значения и последствий; факт, который, очевидно, утвердился на глубоких органических причинах, бороться с которыми надлежит не анафемой, а уяснением тех сторон русской жизни, на которых держится большевистская власть.*

В России происходит глубокий процесс. Каждая новая речь Ленина – откровение. Съезд проходит мимо, констатируя с негодованием лишь результаты большевистского хозяйства. Это поведение гробкопателей, а не строителей новой жизни»⁶⁴.

И далее Бахметев осуждает тех, кто по-прежнему пытается вернуть Россию в дореволюционное состояние: *«Смешно скорбеть о прошлом России [...] – России сильной и богатой и культурной, которую мы-де не дооценили и помогли столь легко уничтожить. Это – уже совсем покаяние перед алтарем Кобленца»⁶⁵, тем более, что Струве совершенно справедливо показал, что основным*

источником большевизма была российская бедность и что практический опыт социализма в России был возможен лишь благодаря ее отсталости и некультурности. Россия в последние десятилетия, по сравнению со своими западными соседями, была не сильна и некультурна и небогата. В этом был трагизм ее положения, и судьбе было угодно, чтобы из этой ямы она должна была выйти не путем восхождения по ступеням просвещенного реформаторства, а путем злейшей и глубочайшей революции. Но революция эта была, как тиф для организма, которого не в состоянии убить тифозные палочки: она оживет и сможет стать "великой, культурной и богатой". Обстоятельства показывают, что мы подходим к исторической черте. Год тому назад мы еще жили в психологии той гнетущей неподвижности, которая напоминала траншейную войну первой половины 1918 года: все безнадежно остановилось, никакого движения, никакого просвета ни в ту, ни в другую сторону. Сейчас, наоборот, мы политически переживаем, по отношению к большевизму ощущения военной эпохи августа и сентября 1918 года: силы противника подточены, все трещит, все движется. Вы справедливо зовете отбросить все старое и смотреть только вперед. Это надо пытаться сделать в положительной работе, работе откровенной и смелой. В этом и заключается та малая толика, которую мы с Вами можем внести в настоящий момент в общую сокровищницу»⁶⁶.

По сути дела, это был призыв возвращения в Россию, Россию советскую, большевистскую для вывода ее из состояния «траншейной войны». Во многом данный призыв совпадает с основополагающими идеями сборника «Смена Вех» (Прага, 1921) о вынужденном соглашении с большевиками с целью возрождения России. Эту тему продолжил в ответном письме от 30 августа 1921 года Маклаков. При этом он сделал упор на опасность непримиримого антибольшевизма: «До сих пор не исключена возможность, что Россия, как великая мировая держава не погибла вместе с революцией, не погибла надолго или даже навсегда. Пока мы отправимся от беды, пока еще не обнаружилось, что Революция вышла на пользу, требовать преклонения перед ней могут только те, кто понимает, что критика этой революции есть их собственное осуждение. [...]

Если бы я был честолюбив и не мирился с тем, что не могу действовать, я, может быть, нашел бы позицию, на которой мог бы стоять. Но я не честолюбив, но за то думаю, что каждый из нас имеет свой облик, идею, которую он отражает. Если он этой идее служить не может, то за другую ему лучше не браться. Для нее найдутся другие. У меня была политическая идея, которую я

выражал с самого выступления на этом поприще. Юношеское увлечение революцией сменилось у меня глубоким отвращением к ней, вернее боязнью революции. Я был убежден, что она придет, если мы пойдем той же дорогой, и ждал ее с трепетом и ужасом; она представлялась мне одновременно и разложением общества, о которой так хорошо писал Тэнь, торжеством «черни» и «черных» инстинктов, и пушкинским русским бунтом беспощадным и бессмысленным. И за этой революцией я предвидел эпоху реакции, неизбежной и заслуженной. Вся моя политическая деятельность сводилась, поэтому не к борьбе против власти, а к влиянию на власть, к желанию толкать ее на путь эволюции, на путь необходимых реформ, к тому, что Струве назвал в одной из своих статей «оздоровлением власти». В этом отношении я был, безусловно, последователен. От этого признания убеждал меня в частной беседе сам Милюков. Прибавлю, что такая позиция была мало обычна среди наших политических партий. У нас принято либо колебать саму власть, как врага, либо ее оправдывать и защищать от нападок. [...]

И когда я Вам писал о необходимости соглашения с большевиками, ибо только оттуда может что-то выйти, моя позиция слагалась из разных мотивов: и понимание момента, и презрение ко всем антибольшевистским лам, которые обнаружили такую бездарность, и мысль, что нет иной дороги; но, может быть, инстинктивно меня толкала на эту дорогу и моя старая позиция, которая всегда заставляла меня обращаться к власти, хотеть эволюции, не революции. Я писал, что об этих мнениях нельзя говорить вслух, ибо это вносит смуту в умы. Теперь скажу больше. Когда я для себе по совести ставлю вопрос, мог ли бы я занять серьезно эту позицию, стать лидером тех, кто в настоящее время говорит о соглашательстве, как Гредескул⁶⁷, Ольденбург⁶⁸ в России, Путилов⁶⁹ здесь и т.д.; когда я ставлю себе этот вопрос, то говорю: нет, я такую позицию занять не могу; это для меня невозможно по моральным причинам, даже, если я поверю, что полезно для России сотрудничать с Лениным, Троцким другими, то я все-таки сотрудничать с ними не стану и не смогу. Пусть мой ум скажет, что это нужно, пусть это делают другие, я осуждать их не стану; но самому подать большевикам руку и им простить то, что ни сделали с Россией, я не могу. Я предпочту не вернуться в Россию, чем ехать мириться с большевиками, принять их амнистию. Этого я не могу, но не вижу пока и никакого пути, которым я мог бы активно с ними бороться. Белое движение кончилось, да я и потерял веру в них. Савинковская⁷⁰ деятельность мне тоже морально противна, как всякое переодевание, лганье и

подпольщина. Он во многом меня с собой помирил; он ведет свое дело умно и может талантливо; сейчас он полезен. Но я не мыслю себя рядом с ним, в его организации. Мне там нет места. Если бы я не был прикован к своему посту, я сейчас сознательно бы отошел от политики.

Пока я здесь, я изображаю эмблему и наблюдаю; но действовать я не могу, ибо, надо ли мне Вам доказывать, что как ни осуждаю я Милюкова⁷¹, и Львова, и Учредилку, и Земгор⁷², все эти отпрыски той позиции, когда мы все были оппозицией, то я еще дальше от тех, кто с ними со всеми борются во имя старого, кто также как и оппозиция в своих грехах не повинился и их не сознал; что если я считаю, что Львов и Милюков своей бездарностью погубили Россию, то, конечно, вместе с ними еще больше чем они погубили ее те, кто им предшествовал. Только издалека, притом там, где этого не ждешь, встречаю я среди политических деятелей лица, с которыми и я могу говорить без досады и мысли которых меня радуют, как откровение будущего. Но это все единицы и крохи. Не эти лица и даже не эти идеи сейчас занимают авансцену. Тем, кто ее сейчас занимает и займет завтра, я мешать не хочу. Если я их «поношу», как Вы пишете, то только в интимных разговорах с Вами и с другими друзьями. Я даже думаю, что они непременно вернуться к власти, чтобы окончательно похоронить себя и закончить период старых воспоминаний. Я смотрю на них как на обреченных. Но быть вместе с ними, говорить на их языке и делать с ними одно общее дело пока я не могу. Я это хорошо понимаю и этому подчиняюсь. Мне сейчас действовать негде»⁷³.

Необходимо обратить внимание на ряд существенных положений, изложенных в данном небольшом отрывке. Во-первых, Маклаков пишет о том, что «Революция вышла на пользу». Во-вторых, он считает, что нужно не призывать «к борьбе против власти, а к влиянию на власть, к желанию толкать ее на путь эволюции, на путь необходимых реформ». Далее, Маклаков опять пишет «о необходимости соглашения с большевиками», отмечая невозможность для себя занять «сменовеховскую» позицию («пусть это делают другие, я осуждать их не стану»). При этом он откровенно заявляет о гибели белого движения, в которое у него «потеряна вера».

В письме от 28 сентября 1921 года Маклаков предостерегает Бахметева от напрасной веры в скорое свержение большевизма: «...Это трагически образом совпадает с тем инстинктом, который давно мне говорит, что не приходится ждать падения большевистской власти, что оно могло выйти только от белых движений, что вне этого есть только либо оздоровление и

отрезвление большевизма, которое путем скачков и частичных крушений всех попыток управлять Россией и наступление в ней той анархии, которая явится началом оздоровления. Когда помотришь на этот второй процесс, то оказывается, что все то, что есть здорового и сознательного в России боится этого процесса и будет ему сопротивляться. Этот процесс приветствует только за границей наша эмиграция. Все же здоровые элементы внутри России, которые будут ему сопротивляться, все они будут терпеть большевистское правительство, будут толкать его на тот другой путь, в котором может быть его спасение, но будут удерживать его от крушения. А мы по-прежнему ставим ставку на крушение; признаюсь, что чем ближе вглядываешься в то, что делаешь, тем меньше видишь элементов такого крушения. [...] Напротив, кажется, что как ни отвратителен, как ни мерзок большевизм, его крушение не предвидится; и все политики, которые ставят свою ставку на это крушение, рискуют сделать большую ошибку»⁷⁴.

В письме Бахметеву от 18 октября 1921 года Маклаков, выступая с точки зрения русского патриота, подчеркивал: *«Среди многих пороков и слабостей эмиграции не могу закрыть глаза на это коренное ее свойство: недостаток настоящего патриотизма – мы сохранили психологию «пораженчества», борьбу друг с другом за счет России»⁷⁵*. Во многом здесь есть созвучие с идеями сборника и журнала «Смены Вех».

Впервые в переписке двух послов об этом общественно-политическом течении прямо говорится в письме Маклакова Бахметеву 24 октября 1921 года. При этом автор характеризует «сменовеховство» как *«самое интересное из всего того, что за последнее время писалось»*. Интересна и информация о личных контактах Маклакова и Ключникова: *«Я посылаю Вам почти одновременно с этим [письмом – А.К.] книжку «Смена вехов»; посылаю потому, что не уверен, что она продается в Америке, а между тем настойчиво рекомендую Вам на досуге не торопясь ее прочесть. Я об ней когда-нибудь поговорю с Вами подробнее; для меня эта книга представляется самой интересной из всего того, что за последнее время писалось, не только потому, что она ставит самые интересные вопросы, злободневные и острые, но и потому, что подходит к их разрешению не по-старому, а по-новому. В самой книге перемешаны правда и неправда, бесспорное и очень спорное; вся ее критическая сторона, нападки на белое движение, на первое временное правительство, на эмиграцию и ее методы борьбы, в значительной степени верно и трагически верно; то, что в ней «от лукавого» – это признание, что большевизм*

принес какие-то новые слова, которые должны восторжествовать и в Европе, которые переживут большевизм и т.д.; читая эту книгу можно подумать, что не из тактических соображений, а всерьез авторы стали коммунистами. Мне было интересно выяснить, чего они хотят на самом деле, и я вызвал к себе Ключникова и вчерашний день, воскресенье, четыре часа с ним беседовал. Все, что он мне говорил настолько интересно и ново, что мне хочется не теперь, когда ни мне, ни Вам некогда в это вникать, рассказать Вам подробнее об их мечтаниях, планах и надеждах.

[...] Ключников, к слову сказать, только что вернувшийся из Лондона, где он много, долго разговаривал с Красиным⁷⁶, приподнимает завесу над их иностранной политикой, которую Вам полезно знать. Искренне или неискренне, ни намерены взять курс, который может быть опасен, поскольку речь идет об улавлении Америки. Они, во-первых, станут всецело на защиту единства России; они не считают серьезными наши упреки, что они же раздавали ее направо и налево; на этот упрек они отвечают, что всякое признание чьей бы то ни было независимости сопровождалось немедленно той работой внутри независимой страны, которая водила ее обратно в состав русского государства. [...]

...Ключников находится в периоде увлечения большевизмом, по крайней мере, поскольку речь идет об его иностранной политике, и думает, что ради дружбы с Америкой большевики действительно в значительной мере способны свою политику изменить.[...]

Второе, что я хотел сказать в связи с Ключниковым – это своеобразие личных переживаний. Формулирую их кратко. Я проверял себя во время разговора с Ключниковым, и могу сказать, что разумом я допускаю целесообразность такой политики, хотя не берусь утверждать, что для нее наступил подходящий момент; но морально ни сегодня, ни завтра она для меня недоступна; я не мог бы идти вместе с теми, которые не отвергли солидарности с большевиками первого периода, т.е. Брест-Литовска и террора. Только тот большевик, который низвергнет большевиков-предателей, мог быть приемлем. И так, разум принимает, моральное чувство отвергает. Есть другая политика разрушения, которую олицетворяет Савинков, о которой, не называя ее прямо, говорит и «Смена вехов»; морально я эту политику понимаю; не усмотрите противоречия с тем, что говорил раньше, что эта деятельность Савинкова для меня недоступна по моральным мотивам, ибо эти слова нужно понимать в более узком смысле, т.е., что я лично не был бы способен делать то, что нужно делать на этом пути. Это то же, что было и при царизме; я понимал

революционную деятельность и даже считал ее полезной, но сам не мог в ней участвовать, не из страха за собственную шкуру, а из безразличности к систематической лжи. Но, если моральное чувство мирится с работой Савинкова потому, что она отвечает чувству ненависти к большевизму, то разум мне говорит, что в результате этой деятельности нет блага, что это поражение, которое бьет по России для того, чтобы ударить по правительству, что в лучшем случае эта деятельность может достигнуть успеха линии Ключникова. И так, здесь обратный вывод: мораль оправдывает, разум осуждает. Но когда я смотрю на деятельность учредителей и эмиграции, я прихожу к выводу, что их одинаково осуждают и разум и мораль. Это пустое место по результатам и непохвальное дело по противоречию с сознанием своего долга охранять интересы России»⁷⁷.

В ответном письме Бахметев сообщал Маклакову о том, что уже давно внимательно изучил сборник «Смена Вех» и нашел многие его положения неприемлемыми для себя. Ему представлялась более продуктивной линия, близкая «новой тактике» Милюкова, основанная на союзе с эсерами. Тогда в просторном письме от 31 октября 1921 года Маклаков попытался переубедить Бахметева: «Не хочу отговаривать Вас от линии, которую Вы взяли и держите; то, что я Вам говорю, я говорю только для Вас. Я хотел бы только, чтобы мы, и особенно Вы, себе иллюзий не делали. В эмигрантской психологии здорового нет ничего; Вы рекомендуете в своем письме избегать «ископаемых»; Вы «ископаемых» видели только в правых элементах; левые – это такие же ископаемые. То, что они, став у власти, погубили Россию не только потому, что задача ее спасти, была выше их сил, но потому, что все, что они делали, вело к заведомой гибели, – их ничему не научило. Недаром, когда Милюков прочел о составе Комитета для голодающих [Комитет помощи голодающим – А.К.], он искренне поверил, что именно этот комитет – будущая Россия, что он станет властью и порыв народной любви к нему его оградит. И он не только так думал, но он имел такт это написать в своей газете. Он уверял, что на местах отделения этого Комитета заменяют большевистскую власть, и что его начало – конец большевизма; между тем, об этом Комитете приходят вести из России и они очень характерны. В Комитет в России никто не верил. К Кишкину и Прокоповичу⁷⁸ все отнеслись с нескрываемым осуждением, как людям, которые либо играют дурака, либо себя продают. Вы в Вашем письме по поводу Комитета констатировали в нем отсутствие хороших имен; Вы были правы; а Милюков был доволен его составом, и, если бы зависело от него и его единомышленников,

то тех имен, которые Вы считаете настоящими, они бы туда как центровиков не допустили. Как после Февральской революции Временное правительство вообразило, что революция была сделана только для того, чтобы иметь возможность видеть их во главе правительства, так, и, теперь, они живут той же идеологией и иллюзией.

Из того, что доходит к нам из России видно одно; что там не интересуют[ся] больше политикой, но за то увлекаются торговлей, спекуляцией, различными формами экономики; если большевики поймут это – а они способны понять – они смогут попасть в тон народного настроения; они смогут привлечь всех к живой работе и страна на первое время простит им пролитую ими кровь и разорения. Конечно, это их не спасет, ибо, поставивши во главу угла производство, они должны будут соответственно этому изменить административный аппарат; тогда начнутся внутренние конфликты, которые приведут их к гибели. Но курс будет взят ими правильный, народная масса будет ставку ставить на них, на тех, кто это поймет, а не на эсеров в эмиграции. Мы приближаемся к тому, что в истории называют аполитичным моментом. Равнодушие к политике, особенно к внутренней политике, поможет России пережить моральные унижения от примирения с большевизмом; да его трансформация все же будет сопровождаться некоторыми гекатомбами, в которых увидят расплату за старые грехи; но эмиграция, которая сунется в Россию не с этими лозунгами, а с политикой, потерпит окончательное крушение. Большевики привлекут к себе и интеллигенцию, играя на патриотической струнке, и капитал, играя на струнке наживы. А эсеры и «новая тактика» прозевают и то, и другое»⁷⁹.

В письме от 8 ноября 1921 года Маклаков специально подробно останавливается на своем отношении к идейно-политическому движению «Смена Вех» (в тексте письма он их называет «движением новых “Вех”» или «вехистами»). В четвертую годовщину установления Советской власти в России он прямо пишет: «Мы, очевидно, вступаем в новую фазу отношений к большевикам. Для меня несомненно, что в том движении, о котором я Вам писал, в движении «вех», много здоровых мотивов; их сила, кроме того, в том, что это движение ново, еще не истрепано и не изжило себя самого. Думаю даже, что оно, наверное, станет тем руслем, к которому в известный момент мы придем все, как к неизбежному концу [выделено мной – А.К.]. Вопрос только во времени; но в этом движении и сейчас обнаруживаются две слабые стороны. В первом номере их

журнала, который они выпускают под тем же заголовком, можно видеть обе эти опасности.

Первая в том, что, либо по тактическим соображениям, т.е. желая как можно скорее завести близкие отношения с большевизмом, примириться с ним, а, может быть, даже и получить его поддержку, ибо по законам психологического равновесия движение новых вех вместо того, чтобы неприкосновенно выставлять себя как новый вид борьбы с большевизмом, вырисовывается как примирение с ним. По моему мнению, вехизм должен был бы соответствовать тому, что в старое время представлял русский либерализм. Борьба велась между старым режимом и революцией. Либерализм был движением, которое должно было угрозой революции побуждать старый режим идти на уступки; он должен был воплощать те идеи, которые одни могли остановить революцию и отсутствие которых революцию питало и укрепляло. Но, идя по одной дороге с революцией, или, по крайней мере, борясь с ней, либерализм должен был сам от себя наносить удары старому режиму. Только поскольку он это делал, он имел право осуждать революцию. Вехизм должен был объявить большевизму войну не на живот, а на смерть. Он мог оправдывать отдельных людей и объяснять эксцессы переходного периода их неизбежностью; но он должен был бороться с ними, с их продолжением, с возведением их в систему управления; он должен был резко отречься от знакомого принципа: сначала успокоение, а затем реформы; только делая это, борясь с большевизмом, апеллируя к тому, что в нем осталось разумного и честного, только делая это, он мог осуждать эмиграцию. Вместо этого вехи уже усвоили принцип: [пропуск в тексте – А.К.] иными словами, сначала успокоение, а потом реформы. Вместо того, чтобы, идя из лагеря типичных белых антибольшевиков сделаться антибольшевиками новой формации, вехисты становятся апологетами большевизма; так, когда Лев Тихомиров в свое время разочаровался в революции, то он стал не либералом, а перешел в «Московские Ведомости». Вторым недостатком вехистов это то, что они стали обраться всякой дрянью, ибо это течение представляет слишком много соблазна для продажных людей, которые к ним уже примазываются и пристраиваются. В первой книжке журнала появилась уже статья Носкова; плохое начало, хотя вполне естественное и неизбежное. Но стоит им дальше пойти по этой дорожке, как все это движение потеряет весь налет идеализма, станет простой спекуляцией, собранием новых продажных людей, которые продаются новому хозяину. Но пока это не совершилось и не отделено то, что в этом течении было

здорового, векизм представляется настолько оригинальным, что те, кто с ним знакомится, невольно поддаются его влиянию...»⁸⁰.

При этом письме Маклаков подтвердил уже высказанное ранее суждение о том, что изменение режима произойдет в результате внутрироссийских процессов: «...Мое убеждение, что спасение придет не из эмиграции, а из среды большевизма; что совершается теперь, если даже считать, что оно и неискренне, показывает по какой дорожке пойдет эволюция большевизма, где принуждены будут искать спасения. Эта дорога все-таки правильная и единственная задача, которая стоит перед нами – это чтобы не ошибиться временем, когда можно будет раскрыть карты и выступить на помощь одной стороны во внутренней борьбе среди большевизма. Пока я не считаю эту борьбу дошедшей до того момента, когда можно не опасаться, что появление третьего заставит враждующие стороны соединиться вместе против этого третьего; так появление Корнилова когда-то бросило Керенского в объятия Троцкого, так и сейчас преждевременное появление «Европы», т.е. буржуазии, может сделать цель, которая в большевизии уже намечается. Нужно пока ждать и действовать очень дискретно. Что в этом отношении я не ошибаюсь, доказывают последние сведения о переговорах, которые ведутся с правым крылом большевизма. [...]

[...] *И единственное, с чем нужно бороться, и чего нужно опасаться – это поддержки настоящего равновесия между правыми и левыми элементами большевизма, т.е. того состояния, которое устоять не может, ибо совмещает в себе недостатки обеих идеологий – и коммунистической, и буржуазной, не имея ни одного из их преимуществ. Это состояние неустойчивости, как всякое ненормальное положение, конечно, преходяще; но обращение к Западу от имени большевизма в тех условиях, в которых оно сейчас происходит, есть обращение именно этого неустойчивого положения и просьба поддержать именно его; этого никакими путями мы допускать не должны. С этой точки зрения, позиция «Вех», если она не изменится, может оказаться и фальшивой, и вредной»⁸¹.*

В ответном письме от 14 декабря 1921 года Бахметев дал развернутые ответы по всему комплексу вопросов, поднятый в письмах Маклакова, в том числе и по отношению «Смены Вех». В первую очередь, интересны его размышления по поводу политической позиции посла в США: «...Я не принадлежу ни к какой партии, ни к какой определенной группе. Я настолько беспартиен и терпим, что иногда даже упекаю себя в отсутствии темперамента и безразличии. [...]

На самом деле, работа посольства ни разу не сошла с пути надпартийности и широко государственного национализма, да и в отношении русских вопросов трудно сказать, что лево и что право. Я, конечно, очень левый с точки зрения всех тех, кто мечтает о какой-либо реставрации и кто еще придерживается мыслей и надежд, что Россию можно устроить и восстановить организованным усилием пришедшей извне группы. Я твердо верю в народовластие, а не в силу абстрактного принципа, а на основании опыта последних лет, своего знакомства с различными частями России и с народной жизнью в различных ее проявлениях, а также, может быть, благодаря совокупности впечатлений и навыков, которые я получил, живя четыре года в Америке, по существу самой демократической и самой консервативной страны. Мой политический демократизм или, вернее, твердое представление и убеждение в том, что Россия восстановится благодаря глубоким внутренним процессам в ней самой, сочетается с большой твердостью, прежде всего, в вопросах экономических. Я не верю в социализм и даже в очень относительном свете рассматриваю те течения, которые называют кооперативной государственностью, течения, которые так диспропорционально выдвинулись в связи с ростом кооперативного движения и которыми так много людей чрезмерно увлекаются. Я Вам неоднократно высказывал, что будущую Россию я рассматриваю как страну с остро собственническим основанием и что развитие ее ресурсов связывается у меня с представлением о безудержном и диком капитализме, капитализме, который войдет в более цивилизованные и сдержанные формы лишь на последующих этапах своего развития, – вероятно уже не в нашем поколении.

Не мало удовлетворения вызовет в Вас еще признание, что я, по своему характеру и склонностям, большой сторонник твердой и инициативной власти. Что это – правое или левое, я не знаю; обыкновенно твердая власть у нас связывается с правыми представлениями; на самом же деле я всегда придерживался убеждения, что только власть, опирающаяся на поддержку населения и убежденная в своей правоте и прочности, может и должна дерзать и не бояться»⁸².

Далее Бахметев выразил свое отношение к эмигрантским политическим группировкам: «Походя к существующим группировкам, оценивая свое отношение к правым и левым течениям, как могу я провести грань симпатий и антипатий, когда по существу я все существующее сейчас рассматриваю в процессе преобразования и перерождения? Вот сейчас наш друг, Павел Николаевич Милуков, для всех является левой букой, а два года

тому назад, когда мы съехались в Париже, он был самый твердокаменный варяг. Вся масса наших либеральных политиков, профессионалов, чиновников и проч., из которой в значительной мере формируются и Русский, и Национальный советы, учредилка, и пр. в конце концов, не разделена непроницаемыми переборками в силу каких-то материальных или социальных привязанностей. Это – ничто иное, как жертва того огромного кораблекрушения, которым явилось расстройство русского государственного механизма и которое, подобно осколкам корабля, мечется и сталкивается на волнах бушующего моря. Я от того так и упрекаю, в частности Милюкова, за его непримиримость и резкость, что считаю, что кристаллизация новых направлений государственно-национальной мысли должна по преимуществу идти путем синтетическим и, что необходимо тем завязям, которые при этом образуются, открыть широкое, любвеобильное лоно, где найдут успокоение все передумавшие и переболевшие.

Таково же мое отношение и к с.р. Меня совершенно не интересует их партия в прямом смысле слова; все же меньше я считаю с Черновым и т.п. талмудистами, которые, по сути, почти такие же большевики, но которым, я твердо верю, в будущем не будет места. Меня с.р. интересуют вот почему: в постройке будущего русского государственного здания огромную роль должны играть крестьяне. Как все другие классы, они должны будут пройти период эволюции и приспособления. Главная часть этого развития уже совершилась: нет человека, который бы не признавал, что школа большевизма принесла огромные плоды крестьянской массе. В крестьянской среде, насколько я могу судить, уже сейчас слагаются элементы будущей организации. Это все тесно переплетено с тем, что можно назвать деревенской интеллигенцией, а эта интеллигенция в значительной мере примыкает к с.р. С.р.-ство для них сейчас является не столько какой-то определенной программой или даже платформой, как внешним объединяющим признаком и родственностью психологии. Принадлежность или примыкание к какому-то прошлому политическому образованию открывает естественные пути к солидарности и взаимному доверию. По существу надо думать, что вся эта интеллигенция проходит тот же путь изменения своей политической и экономической психологии, который проходит крестьянская масса. Когда спадет большевистский футляр, мы вдруг, что все эти люди фактически проникнуты собственнической психологией и являются руководителями фермерских настроений. Ведь, французские радикалы-социалисты тоже представляли что-то другое в прошлом. Разительный пример этому – Авксентьев. Я с

ним несколько раз разговаривал тут: в нем и тени нет социализма, он самый форменный буржуазный демократ.

Вот, с этой точки зрения понимания вещей в процессе развития я и считаю необходимым подходить ко всем русским внутренне-политическим течениям. Весьма возможно, что такую философскую позицию можно занимать только здесь, не видя этих течений и не сталкиваясь с их повседневными проявлениями; но я думаю, сказанного достаточно, чтобы успокоить Вас и ответить на Ваши рассуждения о различных течениях. [...]

[...] Вот здесь то и нужно иметь в виду ту неизменно правильную мысль, что спасение России пойдет не от эмиграции, а от процессов, развивающихся внутри самой России, и что всякий, кто судит о России по соотношению сил в Париже и в других центрах заграничной эмиграции, является в сильной степени жертвой политико-оптической aberrации»⁸³.

В конце данного письма Бахметев высказывает свою точку зрения на «сменовеховство» (называя его «веховством»), не соглашаясь при этом с суждениями Маклакова: «Вы абсолютно правы, говоря, что все произойдет от России, и я с трепещущим интересом слежу, прежде всего, за большевистской печатью, констатируя, что происходящий в России процесс разворачивается ныне с титанической быстротой и последовательностью, подрывая фундамент большевистского здания.

Из этого только не надо делать выводов в направлении веховцев. Это течение я просто считаю дряблым желанием приспособиться; это вроде тех американцев, которые настаивали, чтобы правительство здесь пошло по пути Л. Джорджа, так как иначе англичане получают выгоды, а американцы их лишатся. Если Вы меня спросите – что делать русским за границей – (я имею ввиду, конечно, внутреннюю борьбу) – я Вам не сумею ответить. Вернее, я смогу Вам ответить общей фразой: способствовать разворачивающимся внутри страны процессам. Как это фактически сделать, я отсюда не знаю. Может быть ничего нельзя сделать, может быть, можно; в двух вещах, однако, я твердо убежден: прежде всего, я утверждаю, на основании собственного опыта, что можно достигать совершенно определенных результатов в области иностранного окружения России. [...]

[...] Одной из главных причин того, что большевики не пали, является факт, что такой идеологии нет. В истории всегда выходит так, что известное правительство или группа не проваливаются раньше, чем для них не выработается заместителей. Когда я говорю о заместителях, я вовсе не имею в виду какой-то стройной организации, способной произвести

революцию и затем встать во главе правления по точно выработанным планам и диспозициям. Я даже не имею в виду отдельной программы или платформы, как, скажем, имеется у савинковской группы. Тут дело идет о гораздо более обширном и универсальном, и, может быть, в силу этого, неорганизованном; дело идет о каких-то общих началах будущей политической и экономической деятельности, которые коллективно противопоставляются существующему строю. Такие принципы, например, постепенно выработались при царизме вокруг либеральной идеологии. Эта идеология составляла содержание «несбыточных мечтаний». Сейчас такой идеологии нет и этот факт, может быть, один из самых сильных устоев большевизма. По моему скромному суждению, пока такая идеология более или менее не образуется, – большевиков не свалить.

Вот с точки зрения орудия, которое должно помочь выработать подобную идеологию, я и смотрел на учредителей. Несмотря на все эти недостатки, о которых я, может быть, жалею больше, чем Вы, они не утратили своей пользы, как не утратили ее и другие более правые промышленные и политические группировки. Это все – необходимые части и звенья развертывающегося процесса.[...]

[...] Может быть, впрочем, и идеология эта выработается в России, включив какие-то переходные формы, вроде: вся власть свободно выбранными советам; фабрики – старым собственникам, а земля – крестьянам, и пр. кустарные, но глубоко правильные лозунги. Сейчас же пишу об этом, имея в виду Ваш вопрос: что делать?»⁸⁴.

Свое отношение к «Смене Вех» (в письме «вехи», «веховство») Бахметев подробно изложил в письме Маклакову 22 ноября 1921 года. Он категорически не согласен с положительными характеристиками Маклакова данному идейно-политическому течению: «Два слова о «вехах». Я эту книгу получил уже довольно давно. Как-нибудь я Вам напишу свои соображения о том, как «варяги» пришли к «вехам»; это – та же психология. Я совершенно не приемлю ее, хотя предвижу, что многие русские увлекутся примирением с большевиками и возможностью практической работы с ними. Мое отношение к большевизму основывается на убеждении в неспособности большевизма и настоящих большевиков к эволюции. Я Вам это писал неоднократно, и в этом отношении мои мысли не изменились. Пока здесь никакой опасности от «веховства» нет. [...]

О «вехах» здесь пока не знают. Я не исключаю возможности большого «соблазна», если это течение захватит широкие круги

русской эмиграции и сделается господствующим. Я согласен с Вами, что тут никакой борьбы с большевизмом нет, да я думаю, что ее не имеется и в отравных мотивах веховцев. Я объясняю это мирозерцание типичным для русского так наз.[ываемого] национализма; органической неспособностью понимать исторические процессы, непреодолимым стремлением, в конце концов опирающимся на здоровое чувство, выйти из периода ничего не делания и начать что-то строить. Я думаю, что этот психологический перелом, утомленность чисто разрушительной работой и стремление к положительной деятельности, вообще типичны для всей России как таковой. Вы знаете, как быстро наша родина захватывается поветриями. Кроме того, это – просто здоровая реакция против оппозиции или разрушения. Сам я очень сильно чувствую, что разрушительный период российской революции прошел; период, характеризовавшийся безраздельным господством советской центральной власти и полным маразмом населения, когда обыватель едва подымал голову и думал только о том, как бы не быть убитым и не умереть с голоду. В настоящее время, по-моему, жизнь в России оживилась. Все говорят, что обыватель перестал бояться, поднял голову и осматривается кругом. Кроме того, экономические уступки большевиков местной торговле и кустарной промышленности открывают цель для какой-то положительной деятельности и положительных интересов. У людей появляется активное желание что-то такое сделать и работать. На почве положительных интересов зарождается солидарность. Вот Вам внутренняя механика первоначальных, элементарных процессов складывающейся коллективной жизни, процессов, которые неминуемо столкнутся с большевистской властью и ее свернуть. Я это чувствую всеми своими фибрами, и это подтверждается каждым письмом и каждым номером большевистских газет»⁸⁵.

Вновь «сменовеховство» упоминается в письме Маклакова Бахметеву 6 декабря 1921 года, когда заходит речь о «психологии побежденных»: «У нас, кроме неудач, не было ничего, у нас создалась психология побежденных, опасливое отношение к будущему, боязнь себя выявить. [...] Нет убеждения, нет веры; осталось только знание. Мы только спецы. Это еще не беда, этим «спецам» – надлежит служить людям новой веры; но признак нашего времени, что самое «спецство» стало почитаться за политику, за веру; одни из «спецов» понимают, что этого недостаточно и потому они либо притворяются, что чему-то поверили и цепляются за новую веру, как, например, Бобринцев-Пушкин в «Вехах». А иные просто не понимают, что у них не

хватает главного, и считают себя способными вести народ и управлять ходом событий оттого, что смогут впоследствии написать историю событий или обладают сведениями, которых нет у других. Россия начнет выздоравливать, когда у нее появится разумная, новая вера; новая, ибо старые у нас остались; есть и старый империализм, и новый коммунизм. Но то, что Вы называете третьей Россией, пока еще витает в области логических выкладок, не создана еще буржуазная «вера»; она явится там, в России, и ей пойдут служить «спецы»; но, конечно, ни Гирс⁸⁶, ни Нольде⁸⁷, ни Милюков, ни Львов не выстроят этой веры, и от них этого нечего требовать. Напротив, по мере того, как им будет казаться, что наше положение укрепилось, что большевизм разлагается, они опять все соскользнут на старые позиции. Это самим Богом так устроено, и вольтерианцы напрасно против этого говорят»⁸⁸.

В другом письме (от 29 декабря 1921 года) Маклаков говорит о позиции «сменовеховца» Ключникова накануне Генуэзской конференции: «Не знаю, прав ли Ключников, когда уверял, что у большевиков проснулось сознание ответственности перед Россией, чувство обязанности к стране, которая создала их благополучие, занесла их имена в историю, доверчиво шла за ними в течение четырех лет. Но, во всяком случае, есть более прозаическое объяснение, а именно, что они вошли во вкус жизни, ее благ и хотели бы их сохранить. Как бы то ни было, можно констатировать, что большевики понимают, что зашли в тупик, и что из тупика нет выхода без полной перемены политики. На словах и для посторонних они еще могут говорить другим языком, уверять, что все благополучно, что промышленность налаживается, что с голодом они справились, что ничто их не свалит, что перед ними капитулируют, – все это они могут говорить. Но это обман, который никого не обманет». И далее без упоминания Ключникова говорится о «приглашенных» в состав советской делегации в Геную, в числе которых был и Ключников, а с ним Маклаков встречался накануне, что дает возможность предположить источник информации автора письма: «...Характерно, что люди, ими [большевиками – А.К.] приглашенные, говорят им всю правду уже не стесняясь, правду, из которой следует один вывод: опыт, который был проделан, не удался и нужен поворот на 180°. И не только нужен поворот, нужно, чтобы это было признано и провозглашено, словом нужно публичное покаяние; необходимо, чтобы язык, которым будут говорить, был относительно языка большевизма тем, чем язык Временного правительства относительно царского. Нельзя больше

замазывать факта; нужно громко осудить прежнюю политику, и строить новую на ее отрицании»⁸⁹.

Совершенно неожиданно из письма Маклакова Бахметеву от 3 января 1922 года мы узнаем о достаточно тесных контактах автора письма со «сменовеховцами»: *«Делаю Вам признание; если Вы следите за [журналом – А.К.] «Сменой Вех», то в одном из номеров журнала могли видеть переписку Ключникова с некоторым Иксом; этот Икс – Ваш покорный слуга. Ключников поступил некорректно относительно меня тем, что без моего разрешения мои письма напечатал. Они были написаны не для печати, отчасти для собственного удовольствия, отчасти потому, что мне хотелось не то понять Ключникова, не то исправить линию журнала. В момент общей ругани против «Смены Вех» эти письма, которые были критикой по существу, были для Ключникова очень приятны; он приехал ко мне благодарить меня за них и просить и впредь не отказывать говорить ему мое мнение; просил моего разрешения эти письма напечатать, в чем, конечно, я отказал. Но он выпросил разрешения печатно возражать на них, т.е. взять цитаты из них поводом для изложения своего мнения, при этом обещал заранее показать цитату, которую из письма приведет. В этой форме я не видел опасности и дал согласие. Каково было мое изумление, когда я увидел в печати не цитаты, а самые письма, хотя с некоторыми выпусками, напечатанными так, как они писались, т.е. небрежно, наскоро и, ограничиваясь иногда намеками, словом не в том виде, в котором я согласился бы их видеть в печати. Это меня рассердило, и я сказал Ключникову, что прекращаю дальнейшую полемику; он оправдывался тем, что не смог выбрать цитаты, будто оказалось невозможным что-либо выключить, словом говорил все, что в таких случаях принято говорить. Я ссылаюсь на эти письма, чтобы Вы видели, что я давно с Вами согласен, и что-то, что я Вам сказал, не взято из Вашего письма»⁹⁰.*

Необходимо обратить внимание на совпадение основных положений в публикациях Икса в журнале «Смена Вех», то есть Маклакова, с суждениями Бахметева о «сменовеховстве» в письмах, направленных в Париж. Получается, что Маклаков пытался не столько изложить собственные аргументы с критикой «Смены Вех», сколько «подбрасывал» Ключникову суждения Бахметева, с которыми у него самого не было согласия в вопросе об отношении к «сменовеховству», что было видно из предыдущей переписки. Если Бахметев открыто возражал Маклакову, то последний обычно соглашался с Бахметевым, хотя мягко и пытался проводить собственную точку зрения.

В том же письме можно найти пространные рассуждения Маклакова о поисках новой идеологии. Сопоставление этих рассуждений с мыслями «сменовеховцев» дает основание говорить о совпадении главных идей. В письме от 3 января 1922 года Маклаков отмечал: *«И когда Вы подходите к вопросу о новой идеологии, я опять с Вами согласен; но ведь, идеологию не выдумаете; мы можем только подмечать черточки, из которых эта идеология сложится; и жизнь довольно ясно говорит из чего она сложится. Нужны еще некоторые поправки, и работа синтеза. Идеология уже складывается из восстановления того, что отрицал большевизм. Прежде всего, во главу угла будет положена идеология собственника; в этом, кажется мы согласны. Это и лозунг зеленого движения. На первом плане будет собственник, как знамя эпохи. Рядом с этим свобода; они идут рядом; недаром Достоевский говорил, что деньги – чеканная свобода; не помню, где сказал это Достоевский, но Столыпин цитировал эту фразу в одной из речей. Для собственника нужна будет свобода экономическая и правовая свобода, обеспечение гражданских прав, защита всякой инициативы, все, что мы называем американизмом. Это логическое последствие.*

Нужна будет, в-третьих, и сильная власть для защиты этой собственности; тут, действительно, произойдет перемена прежних отношений; власть станет слугой народа, ибо народ будет полон инициативы и народ будет собственником; власть должна будет ограждать собственников против социалистов, против пролетариев так же, как против врагов и грабителей. Четвертое последствие той же свободы – желание, чтобы ей не ставили преград, чтобы для нее открылись все рынки и попроща; это будет толкать на объединение России; но это объединение России будет совмещаться с полным уважением к местным автономиям, языкам, культурам, ко всему тому, что не мешает хозяйственной эксплуатации. Вот целый ряд черточек, которые сложатся в определенную идеологию предприимчивого собственника, кулака; здесь не хватает одного – патриотизма. [Пропуск в тексте письма – А.К.] непременно, как результат той же свободы. Появится и как реакция против того унижения, которое мы переживаем, и еще будем переживать в момент проникновения в Россию иностранных капиталистов, проявится и как естественное последствие той психологии, которая будет у народа, в котором кипит экономическая жизнь, который и чувствует себя хозяином своей судьбы. Включить сейчас этот принцип в нашу идеологию, пока еще не решен вопрос об окраинах, тогда, когда он еще будет понят, прежде всего, как призыв к войне

и к насилию против окраин, может быть, преждевременно. Патриотизм есть резюме всех гражданских добродетелей – сказал когда-то Гамбетта⁹¹. С него нельзя начинать; но мы непременно придем к нему. А потому не Родина, Свобода и собственность, а пока только свобода и собственность, вот рычаг, на котором будут подниматься массы»⁹².

Не дожидаясь ответа от Бахметева на свое письмо, Маклаков направляет 10 января 1922 года новое послание, полное намеков и на анонимный источник информации, который имел несколько «интересных свиданий с Красиным» (исходя из текстов предыдущих писем данным человеком был никто иной, как Ключников). Это дает нам основание предположить, что контакты Маклакова и Ключникова продолжались и после конфликта по поводу публикации писем в журнале «Смена Вех». Вот достаточно характерный отрывок из письма от 10 января: *«Я не хочу на письме говорить то, чего не имею права Вам сказать, но предлагаю Вам догадаться, о чем и о ком говорил я в моих предыдущих письмах по поводу некоторых интересных свиданий с Красиным; здесь могут явиться перед нами новые комбинации, переговоры (более или менее открытые) большевиков уже не с Черновым и левыми эсэрами, а с руководителями зеленого движения. Говорю об этом Вам, и только Вам, под условием не говорить это ни под каким видом Милюкову, Авксентьеву⁹³ и Львову. Но знайте про эти начавшиеся переговоры, чтобы они Вас не застали врасплох и чтобы Вы при знании о них могли объяснить некоторые политические события»⁹⁴.*

В ответном письме от 16 января 1922 года Бахметев подробно остановился на смысле политики примирения: *«Когда я говорю о reconciliation*, или вернее, об “apaisement”** я имею виду усталость России от гражданской войны, от гнета террора, от голода и холода; желание спокойствия; реакцию психологическую и бытовую; совокупность настроений, ищущих внутреннего и внешнего успокоения. И вот этот лозунг «внутреннее и внешнее успокоение» и должен явиться центром позиции конструктивного антибольшевизма. Русская заграница должна нести мир, конструктивное творчество, а не заниматься пустым бряцанием жестяными саблями и показыванием кулака в кармане. Но идея успокоения, внутреннего мира связана с осуществлением известных органических перемен. Сформулируйте правильно эти переменны; объясните, что необходимо для того, чтобы Россия вошла в период конструктивности, и выразите желание активно работать, как только эти переменны будут осуществлены. Наталкивайте заграничную государственную мысль на поддержку программ или позиций, формулирующих эти переменны, как реальные условия*

осуществления того, что нужно как России, так и Европе. Бурцев мне ответит, что он все это сформулировал, что эпоха конструктивной жизни начнется после свержения и т.д. ... Но дело не в словах, а в действительности. Официальная антибольшевистская мысль несет войну, а не мир; все отлично понимают, что, захватив власть, заговорщики и милитаристы России не успокоят, а только повторят историю прошлых лет с оборотной стороны. Мировое общественное мнение гораздо реалистичнее и чутче, чем обычно люди думают. Мировая психология интуитивно оценивает реальные отношения вещей и бессознательно подходит к тем же умозаключениям, к которым часто приходите Вы в Ваших, искренних и не стесненных условностями критики среды, письмах. Почему Америка может говорить правильно, а Европа нет. То, что Европе нужна больше Россия, казалось бы, должно заставлять ее лишь больше думать, более интенсивно и более ответственно; подходить к вопросам с более реалистической стороны. Не потому ли Европа мечется и принимает какие-то идиотские решения, что ей буквально не за что уцепиться; потому что она чувствует в уступках Ленина мощную поступь жизни, а в разглагольствовании русских антибольшевистских групп лишь пустословие и зрячее бряцание»⁹⁵.

Следующее письмо от 27 января 1922 года Бахметев начинает следующим знаменательным замечанием: «Я опять у Вас в долгу. Вчера получил Ваши письма от 9-го и 10-го января, а между тем, я не ответил Вам на сборное письмо от 29-го декабря – 3 января. Вы касаетесь таких многочисленных вопросов, что за Вами не поспеешь. Кроме того, я завидую Ключникову, который имеет возможность обдумывать и отделять свои мысли»⁹⁶. Можно предположить, что Бахметев этим эзоповым языком говорил не, сколько об отсутствии времени для написания писем, сколько о той несвободе, связанной с его официальным положением посла.

Данное письмо начинается рассуждениями Бахметева о политических группировках: «Мое отношение к политическим группам. Очень трудный и щекотливый вопрос не только в силу его характера. Я привык быть с Вами абсолютно откровенным; конечно, знаю, что Вы меня не выдадите. Трудно ответить по существу. Вы знаете про ответ одного кавказца, который на вопрос, который из двух людей ему больше нравится, ответил: «оба хуже». Мое отношение примерно соответствует ментальности кавказца. Откровенно говоря, все плохи; я не мог бы идентифицироваться ни с кем. Прежде всего, нет веры, той, о которой Вы так красиво пишете. Есть правая или левая рутинная, революционная или реакционная обывательщина. Нет

воодушевления, созидательного творчества, даже правильного понимания»⁹⁷.

Далее Бахметев подробно рассматривает перспективы развития России: «Разочаровавшись в пении хором: "свергнем, свергнем, свергнем", – они перебрасываются в маразм «Смены Вех». Вы бесконечно правы, определив сущность будущей России как "свободу и собственность". Идеология будущего – это сочетание экономического собственнического фундамента с соответствующей политической крышей. Обе стороны тесно переплетены. С этим связана сущность большевистского кризиса, тех бесплодных мук, которые переживает правое крыло, пытаясь удержаться у власти, наладив производство. Кризис заключается в бесплодности использовать обрывки капиталистической экономики для укрепления социалистического здания. Это все те же причины, которые делают невозможной большевистскую эволюцию. Только в силу этого совершенно бесполезно следовать советам Красина. Экономика, основанная на собственности, не может развиваться и осуществляться без свободы. Под словом "свобода" я понимаю быт, построенный на индивидуализме, на свободе занятий всякой деятельностью. Капиталистическая экономика, как видно, не так проста; одной жадностью не поможешь. Нужна уверенность в прочности политического и социального быта. Экономическому индивидуализму соответствует режим, в котором как принцип человек свободен делать все, кроме того, что специально запрещено законом или нормами морального поведения»⁹⁸.

Через месяц, 23 февраля 1922 года, Маклаков вновь пишет об отсутствии реальных сил, способных извне уничтожить Советскую власть: «Нужно смотреть на вещи прямо: никакой силы, которая бы разложила большевизм извне, не только не существует, но и не предвидится. Только начало производства создаст новый производящий класс, который не только потребует, но и добьется своего участия в правительстве. Пусть это первое время будет сопровождаться развалом страны, распадением ее на мелкие ячейки, это распадение все-таки же сделает то, что нужно, выделит и выдвинет новых способных к управлению других людей»⁹⁹.

А через несколько дней, в письме от 4 марта 1922 года, он опять поднимает вопрос о необходимости изменения тактики в отношении большевиков: «Если бы белые движения одолели большевизм, и после них создалась бы народная власть, что все то, что мы думаем о производстве, совершилось бы под этой властью легче. Поэтому, пока война была мыслима, мы могли говорить: сначала низвергнем большевиков. Но, когда война кончилась, и все

надежды складываются из элементов экономического характера, из доедания последних остатков старых запасов, из восстановления производства их, словом, когда только этими средствами может быть свалена захватившая Россию сила, подобно тому, как работа мелких микробов убивает сильные организмы, простая добросовестность требовала, чтобы эмиграция вглядывалась в черты этого процесса и свою политику строила на помощи ему. И когда вместо этого представители эмиграции повторяют по-прежнему: сначала "долой большевиков", – то это признак того недомыслия и нереальности, которые и в былое время отличали нашу оппозицию. [...]

[...] И теперь Милуков повторяет прежнее рассуждение: "большевики, конечно, падут, отвалятся как шелуха, но только когда в самой России начнется здоровый процесс оживления и работы"; этот процесс необходим потому, что без него жить стало невозможно, но вместо того, чтобы направить свои силы на этот процесс, Милуков повторяет: "необходимо чтобы сначала ушли большевики", и чуть ли не от самих большевиков ждет этого великодушного жеста»¹⁰⁰.

В ответном письме от 23 марта 1922 года Бахметев затронул многие сюжеты, поднимавшиеся ранее в письмах Маклакова: «Нам нужно остановиться, прежде всего, на том, чего не делать. Вы правильно пишете, что надежда сокрушить большевиков внешним воздействием прекратилась. Между тем существует Врангель с его армией, существуют монархические заговоры, офицерские организации в Германии, не изжиты окончательно попытки военных движений на Дальнем Востоке. Все это дает пищу Троцкому и даже представляет некоторую опасность осложнений в будущем. Все эти организации кем-то поддерживаются, с ними сносятся, за них заступаются перед иностранцами. Какое полезное и обширное поле для русского представительства и вообще для разумного национализма за границей расчистить горизонты и правильно поставить мозговые перспективы иностранных правительств. Я все время твержу, что главная причина, почему иностранцы ищут сближения с большевиками, в том, что до сих пор противоположный путь разрешения русского вопроса в их представлении связывается с видами русских националистов на безнадежную с точки зрения иностранцев авантюру.

Что сделано в этом направлении? Помогает ли или вредит, скажем, Финансовый Совет вылупливанию цыпленка своей абсолютно неясной для меня политикой в отношении к военным организациям, существованием генерала Миллера и пр.?

В Вашем письме 4 марта Вы критикуете формулу "низвержение большевизма", доказывая, что в лозунге "долой большевиков" есть громадная доза нелогичности и непрактичности. Вы пишете, что это – лозунг военный. Вы формулируете задачу национальной оппозиции, как помощь России перестать быть паразитной страной и сделаться страной производящей. Вам не нравится выражение "падение большевиков", – Вы предлагаете взамен термин "изменение методов управления". Мне кажется, я понимаю Ваши переживания; мне представляется, что Ваши рассуждения – реакция против того, что вокруг Вас. Я вижу в Ваших словах здоровое и естественное стремление раскидать те глупые и переставшие быть полезными веши [выделено мной – А.К.] , вернее частокол, которым окружила себя в прошлом национальная эмиграция. Я согласен с Вами и вибрирую одинаковыми ощущениями, поскольку приходится говорить о практическом ощущениями, поскольку приходится говорить о практическом понимании, которое вкладывается нынче в понятие "долой большевиков". Но я не уверен, не перегибаете ли Вы в Вашем правильном возмущении палку. Я опять таки возвращаюсь к тому замечательному по ясности изложению, которым Вы пришли к заключению о необходимости политической революции. Формула "изменение методов управления" позволяет предполагать, что не важно, в чьих руках останется политическая власть, и что дело лишь в том, какие методы или приемы применяет эта власть и чем она руководствуется; но это означало бы возможность эволюции большевизма или большевиков, которую Вы справедливо отвергаете.

Я твердо стою на почве необходимости революции, – органической и полной смены людей, отражающей переход власти в новые руки и установление господствования производящих классов. Под словом "революция" не надо понимать обязательно организованное восстание, преднамеренное военное действие и прочее. Не следует, конечно, исключать насильственного импульса, но не им определяется смысл этого термина. Применяя математический язык к понятию революция, я вижу элемент разрыва непрерывности в момент замещения правящей группы иной, по существу противоположной. Эта противоположность, исключая постепенный переход, и обуславливает необходимость разрыва непрерывности.[...]

[...] Я не вижу, как можно приложиться к происходящему процессу в России, по крайней мере, извне, на почве какого-то обдуманного и принципиального плана. Как ни вертеть, но это будет соглашательство, которое усилит большевиков. Конечно,

когда я говорю о соглашательстве, я имею в виду сколько-нибудь широкое и выявляющее себя течение вроде «Смены Вех». Я не имею в виду работу отдельных профессионалов-интеллигентов в России, поскольку они в неизбежности бытовых условий приобщаются фактически к большевистской государственности. Там работа их есть внутренняя работа взращивания цыпленка, есть работа закрепления антибольшевистской полярности. Еще в прошлом году, после падения Деникина, я высказал, тогда казалось, еретическую мысль, что не следует ставить препятствий отдельным лицам возвращаться в Россию, если это они желают. Но я по-прежнему против того, чтобы обобщать подобные стремления в какие-то общие формы, ставить их под знак национального императива и давать им идеологическую окраску»¹⁰¹.

Несмотря на различия в оценках «сменовеховства» между Маклаковым и Бахметевым, необходимо отметить близость магистральных подходов: невозможность свержения большевиков внешними силами, возрождение России за счет национальных сил. Уже это создавало повышенный интерес двух российских послов к течению «Смены Вех».

В самом этом общественно-политическом течении происходили достаточно явные процессы сближения с большевиками, что вызывало недовольство ортодоксальных «сменовеховцев», и в первую очередь профессора Устрялова. В этом плане характерно три письма Устрялова другим авторам сборника и журнала «Смена Вех» с оценкой «мимикрии» «сменовеховской» газеты «Накануне» в сторону большевизма. В начале октября 1922 года в письме Н.В. Устрялова С.С. Лукьянову читаем: «...Я все время избегал полемики с Вашей группой, учитывая ее тактическую нежелательность. Но теперь, когда не только повсюду со стороны отмечают различие в "тоне" заявлений харбинской и берлинской сменовеховской групп, но и Вы сами считаете в известном смысле полезным выявить наши разногласия, – я вынужден, так или иначе, откликнуться.

Я убежден, что та "мимикрия" (по выражению А.В. Бобрицева-Пушкина в его письме ко мне), которая характерна для "Накануне", весьма опасна для сменовеховского движения. Другое дело, конечно, если на сменовехизм Вы смотрите искренно, как на прямой мост к большевизму и РКП – и только. Но если Вы расцениваете наше движение, как нечто самостоятельное, имеющее свое собственное будущее, то необходимо вырабатывать и собственную идеологию, отличную от экономического материализма и классовой точки большевиков. Ключников, по-видимому, это пытается сделать в своем "Перепутье", но вышло, к

сожалению, достаточно слабовато. А "Накануне", увы, чересчур уж вдалось в мало оригинальные перепевы большевистских мотивов.

Мне кажется, это невыгодно для самого "Накануне", утрачивающего яркость и своеобразие позиции, ничего взамен не приобретая. Стремясь быть "большевиками второго дня революции" (мечта Ключникова и Бобрищева-Пушкина), следует опасаться стать просто большевиками второго сорта, – не правда ли?

Заметьте вдобавок, что сами большевики (не говорю уже о других русских течениях) с гораздо большим вниманием относятся именно к нашему, идеологически самостоятельному крылу сменовехизма, нежели к Вашему, "мимикрическому". Все равно, Вашей группе они верят, и вместе с тем чувствуют, что внутреннее зерно движения, его историческая "энтелехия" – не в "притворной" публицистике "Накануне", а в откровенной идеологии нашей харбинской группы. Это подтверждали и Ленин, и Зиновьев, и *dii minores*...

...В заключение, мне хотелось бы подчеркнуть, что было бы весьма желательно не придавать нашим разногласиям характер раскола. Будем по-прежнему выступать, как единое целое, по возможности затушевывать разногласия и выдвигать на первый план то, что нас объединяет. Тогда оба наши крыла будут принадлежать действительно чему-то живому и развивающемуся и не уподобляться крыльям давно съеденного гуся, годящимися лишь для подметания эмигрантской пыли, а отнюдь не на парение в воздухе. С этой точки зрения, меня крайне огорчает нетактичность, допущенная Ключниковым в Москве и послужившая причиной его разлада с Вашей редакцией, весть, о чем только что дошла до Харбина»¹⁰².

Из письма Н.В. Устрялова С.С. Лукьянову 19 октября 1922 года мы узнаем следующее: «...Я Вам откровенно скажу, что положение, которое занял в Москве Слащев и занимает Брусилов, кажется мне гораздо более правильным и достойным, нежели та мимикрия (абсолютно верю – субъективно искренняя), которая характерна для Юрия Вениаминовича [Ключникова]. Мне его от души жалько, ибо он не сознает, что приносит себя в жертву совершенно напрасно – никто этой жертвы не оценит и, главное, ни к чему она не нужна. Губер в "Литературных Записках" очень злобно отметил какую-то суетливость, суматошность, которую проявляют сменовеховцы, "делающие русскую историю в Берлине, как хромой бочар делал луну в Гамбурге". Чтобы он не оказался прав, мне кажется, нужна нам большая выдержка, сознание, что в

данную минуту нам еще не следует становиться слишком близко к правящим кругам, не следует брать на себя ответственность за советскую политику. Мне представляется, что Ключников и, отчасти, "Накануне" не уясняют себе объективно-исторической роли, которую призван сыграть сменовехизм: – он ни в какой мере не течение революционное, а вполне и всецело послереволюционное. И рядиться в революционные тоги нам неуместно, даже если б кто из нас (как Ю.В. [Ключников]) и впрямь воспытал поздним революционным пафосом: тогда ему окажется весьма не к лицу, что отмечают, увы, единодушно и подлинные аристократы революции ("прикидываются"), и эмигранты всех колеров.

Брусилев и Слащев отнюдь не заявляют себя чересчур проникшимися "заветами Октября", но приносят России вполне реальную и осязаемую пользу, сохраняя себя и для будущего. Ключников, встраиваясь в большевистскую политику, воспринимая большевистскую идеологию, без нужды вовлекает себя в атмосферу, которой он по существу своему чужд и которая, как всякая революционная атмосфера, постепенно рассеивается. Того и гляди он попадает в какую-либо мелкую склоку и уже окончательно оторвется от всякой почвы, не пристав, как следует, к большевикам (для чего, прежде всего, полагается быть историческим материалистом, а попробуйте-ка освободить нас с Юрием Вениаминовичем от всяких реминисценций школы Трубецкого!¹⁰³) и вооружив против себя и эппманов, и спецов, и новую буржуазию, и адвокатов "крепкого мужичка". Нет, нет, больше самостоятельности, больше чутья к фазисам революции, больше осторожности в идеологических уступках!.. А в повседневной практической политике "наши пути сходятся", и я здесь на Дальнем Востоке, не скрывая, поддерживаю контакт с советскими представителями и давно уже вошел в советское подданство...»¹⁰⁴.

В письме А.В. Бобрищеву-Пушкину 20 октября 1922 г. Н.В. Устрялов пишет: «...Я по-прежнему считаю ошибочной линию "Накануне"... Вы тысячу раз правы: "В России Термидор"¹⁰⁵ укрепляется. Это давление жизни, и коммунизм перед ним не может не отступить". Да, конечно, это так. И наша задача теперь – не нервничать, не суетиться и суматошествовать, чем, по мнению Губера ("Литературные Записки"), грешат сменовеховцы, а упорно гнуть свою линию "второго дня", ни в какой мере не приспособливаться под первый.

Недавно приезжал сюда из России профессор М.М. Рубинштейн, бывший московский, а теперь иркутский. Мы долго беседовали с ним. Он – вполне "сменовеховец", т.е. стоит за полное

признание советской власти и созидательную работу в России. Но отсюда вовсе не хочет он выводить своей политической солидарности с коммунистической партией, – не любит злоупотреблять и ссылками на "заветы Октября". Он считает, что мы допустим огромную ошибку и погубим себя, если добровольно возьмем на себя ответственность за политику Советской власти. Наша роль теперь – деловых людей и только. Мне кажется, он глубоко прав.

Если укрепляется термидор, должны скоро сказаться и его результаты. Постепенно начнут сходиться со сцены люди крови и первого дня. Бухарин, Дзержинский, Радек – диссонируют с атмосферой нэпа. Тут место Красиным, Ломоносовым, ну, Чичерины Луначарским. Предстоят, несомненно, еще кое-какие перемены, будет дифференциация. Левые могут временно победить, но не в споре о нэпе, а в плоскости внешней политики (агрессивная революционная война). Но погибнут и в случае поражения, и случае победы русской армии... Нам же необходимо быть по ту сторону этих внутрибольшевистских эволюций. Я писал Лукьянову, что "Накануне" не уясняет себе объективно-исторической роли сменовехизма: это движение ни в коей мере не революционное, а вполне и всецело послереволюционное. Так нужно и записать (умные большевики так и записали) и не рядиться в революционные тоги, идущие нам не более, чем Врангелю – костюм демократа. Я считаю, что Ключников, благодаря своей неуравновешенности, – "ни в какую не попал" и теперь может погрязнуть в какой-либо мелкой склоке переломного времени. Очень жалко его!

Общая наша линия ясна: собственническая крестьянская советская Россия. Но полная лояльность наличной власти, борьба со всеми врагами нынешней России. Больше от нас умные большевики абсолютно и не требуют. "Накануне" же упорно пытается уподобиться той belle fille*, которая надеялась *doner plus que se qu' elle a...***

Опять же в тактике по отношению к эмиграции. Вы пишете, что "Накануне" озлобилось, ибо его травят из последних слов со всех сторон. Озлобилось и "полевело". – Но разве это достойно серьезных политиков? Пусть Милуков, Струве и Гессен озлоблены – разве это мотив для нашего "левения" или "правения"? пусть ругаются, это вполне естественно. Тем спокойнее должны мы доказывать, что они губят собственные идеалы, а мы служим патриотизму и именно их богам, только усовершенствованным. Вода камень точит. А что добьемся мы, заворачивая влево – в интернационализм и коммунизм? Ровным счетом ничего.

*Очень интересны Ваши соображения о мировой революции. Но я их воспринимаю больше не sub specie коммунизма, а, скорее, в плане шпенглеровского "[Der] Untergang des Abendlandes"***. Коммунизм сам по себе ничего не спасет, ничего не исцелит. Он – последнее слово механизации общественной жизни. Но, впрочем, это тема настолько сложная, что не решаюсь говорить о ней и схематически.*

...Считаю возвращение свое в Россию еще преждевременным, – пусть еще кое-что утрясется: людям нашего ремесла (политикам, публицистам) там еще нельзя служить, – надо прислуживаться, что, как и прежде, достаточно «тошно». Но скоро и это будет изжито, – тогда поедем...»¹⁰⁶.

Данное пространное цитирование писем Устрялова важно для сравнения его оценок с оценками позиций «Смены Вех» и газеты «Накануне» Маклаковым и Бахметевым. Характеристики данного течения и его отдельных представителей постоянно присутствуют в их переписке. И поразительно чуть ли не дословное совпадение оценок. Так, в письме Маклакова от 24 мая 1922 года содержится достаточно любопытная характеристика одного из ведущих «сменовеховцев» – Ключникова: «Я называю "новой" психологию, которая одновременно беспощадна к большевизму как к политическо-экономической доктрине, но которая, вместе в этим, и не видит будущего для России, которое бы пришло обходной дорогой, минуя большевизм. В этой новой психологии сходятся люди, приходящие от большевиков, как и от их противников. Недавно Ключников в статье в "Накануне" написал, что в Генуе большевики сделали шаг направо, а их противники – налево. Ключников любопытный представитель знакомого типа, у которого не много не хватает, чтобы быть интересным; как Толстой писал в "Смерти Ивана Ильича", что всякой порядочной квартире всегда не хватает полверика, чтобы быть чем-то. Я не раз замечал у Ключникова, что из своей головы, из пальца или от чужого ума, он правильно схватывает основную идею вопроса или момента, но ее дискредитирует, когда пытается дать ей конкретную формулировку. В том, что большевики и их противники сойдутся на средней линии и что обе стороны сделают шаг по направлению друг к другу, заключается правильная мысль и даже бесспорная истина, но когда Ключников пробует определить, в чем состояли эти шаги справа и слева, его рассуждение превратилось в карикатуру»¹⁰⁷.

Под воздействием происходящих событий в оценках Маклакова и Бахметева наблюдаются определенные изменения. Так, вчерашний сторонник антибольшевистской революции и противник

эволюционизирования Советской власти Бахметев в письме от 20 ноября 1922 года вынужден признать: *«Все сравнивают теперешнее положение с тем, что было, скажем, год тому назад. В результате – полные оптимизма и надежды утверждения, что Россия быстро эволюционирует, что коммунистический строй постепенно заменяется капиталистическими отношениями. Все это на фоне общего возрождения страны, vibrating юным и задорным национализмом. [...] Другие, особенно приехавшие из России, под непосредственным впечатлением быстрой перемены, поумнения большевиков и отсутствия организованных преемников, не прочь признать, хотя бы неполно, власть, видя в таком признании фактор, способствующий победе и укреплению умеренного крыла и разумных течений. Одно, в чем сходятся все наблюдатели и питаемое ими общественное мнение: надо отбросить мысль о революционном свержении большевиков. Население не желает революции; оно устало и жаждет мира и труда. Возможен внутренний переворот в Москве, «события», которые ознаменуют победу умеренных оппортунистов, их примирение со страной, начало новой эры, – одним словом "термидор".*

Вместе с тем замечается раздражение и презрительность по отношению к постановке вопросов в прежней форме – чисто отрицательных лозунгов. Все это характеризуется как пропаганда эмигрантов, которые ничему не научились и которым долго не будет места в России.

Главное – все это абсолютная правда, выводы из которой новое подтверждение позиций, к которым мы с Вами приходили в Париже. Факт эволюции и решительной перемены в России не только не надо отрицать, но надо всячески выдвигать, делать из этого факта отправную, центральную точку всей будущей тактики»¹⁰⁸.

В развернутом виде данные постулаты были раскрыты Бахметевым в письме от 29 декабря 1922 года. Хотя в тексте письма нет упоминания Устрялова, как и имен других представителей «Смены Вех», но их влияние на суждения Бахметева достаточно заметно, даже в употреблении общей терминологии. Письмо столь интересно и значительно в идейно-политической эволюции Бахметева, что требует обширного цитирования. И так, накануне нового, 1923 года Бахметев писал:

«Большевицкая власть существует продолжительно; власть эту никто не оспаривает не только в смысле прямых революционных выступлений, но даже в форме сколько-нибудь ясно складывающихся политических течений; наконец, Россия, даже большевицкая, упорядочивается и в ней происходит эволюция. Вы

правы, для себя мы можем проводить тонкие различия между эволюцией жизни и эволюцией большевиков. Я сам эту формулу выдумал и не намерен ее оспаривать. Она верна. Порою с известным самоудовлетворением, а в Вашем случае и с присущим блеском, мы можем доказывать эту разницу и даже убеждать отдельных государственных людей в том, что правильно строить тактику на этом различии. Но не будем же от себя скрывать, что все это – область высокого размышления, доступная немногим, доступная немногим не только потому, что большинство людей не достаточно подготовлено, чтобы понимать подобные тонкости, но и по гораздо более простой причине. Мы, профессионалы или жертвы политики, недостаточно сознаем, что большинство обывателей вовсе не склонно тратить время на размышления и на глубокий анализ социологических и политических фактов. Обывателя поражает простой комплекс фактов – большевистская власть длительно существует в России; никого нет, чтобы ее заменить; террор слабеет и власть принимает менее отталкивающие формы; наконец, в известных хотя бы областях, начинается зарождение какой-то экономической жизни. Обыватель вообще не любит «завершенной» политики; он хочет мира, спокойствия; у него естественная склонность к наивному оптимизму, что все, мол, образуется, если, конечно, это все не нарушает его прямых и непосредственных интересов. Вот обыватель и начинает думать, что в России стало все на правильный путь и что возобновлением сношений, широким контактом, может быть даже признанием, можно ускорить и естественно разрешить всем надоевшую загадку русской жизни.

С явлением этим необходимо считаться, как с фактом; причем, необходимо тактическую линию нашего заграничного поведения приспособить к этому, повторяю, повсеместному и неизбежному явлению. На этом приспособлении нашей тактической линии поведения я настаиваю со всем убеждением и определенностью, и это сознание мною и руководило в прошлом сентябре в Париже, когда я столь неудачно выступил пред лицом промышленников и членов Национального Комитета¹⁰⁹. Нам приходится считаться с направлением иностранного общественного мнения, и, повторяю, приспосабливаться к этому тактику, не взирая на то, что нет никаких причин нам самим изменять точку зрения относительно сущности и истинного смысла происходящих в России явлений и что, следовательно, стратегия наша должна оставаться неизменной. [...]

...Я думаю, правильно общее положение, что в России нельзя ожидать общереволюционного подъема, и то поэтому события,

которые положат конец большевизму, будут, вероятно, носить местный характер с оттенком, может быть, дворцового переворота. В основном же вопросе о неизбежности политической революции я совершенно не изменил взглядов и радуюсь полному совпадению моего понимания с тем, что Вы излагаете на стр. 13 и 14. Нет надобности преуменьшать значения совершающихся перемен и тех уступок, которые большевики делают натиску жизни. Однако, остается совершенно ясным, что всем этим уступкам есть предел, что цель этих уступок – сохранить и укрепить свою власть, и что коммунисты в целом (подчеркиваю слово в целом) не уступят в основном вопросе собственности и конструкции власти, как только развитие событий дойдет до предела, где эти уступки будут грозить их, коммунистов, господствованию. Поэтому в ее историческом синодике России предстоит момент разрыва непрерывности в смене власти и нам не избежать политической революции, комплекса событий, в результате которых, как Вы правильно говорите, капитал станет политической властью и которые в глазах населения и Европы предстанут в виде акта, который покончит с теперешним режимом и создаст новые условия экономического и политического бытия.

Мы много пишем и говорим о Термидоре. Я думаю, в этом есть много правды. Термидор есть акт политической революции. Термидор обозначал, что часть (противоположите целому) до тех пор господствовавшей группы выступила против другой, а значит, и против целого, и, опираясь на военную силу или народную демонстрацию, совершила насильственный акт, в результате которого установились новые форма и содержание государственного управления. Вы пишете о том, что часть коммунистов будет стрелять в своих внутренних противников. Эту же мысль я выражаю для себя так: внутри господствующей партии создаются течения и группы, между которыми происходит внутренний разрыв и обострение, причем эти раздоры достигают предела, при котором дальнейшее совместное жительство и совместное управление делаются невозможными. Наступает момент, когда во имя собственного спасения и продолжения властвования одна часть должна покончить с другой. Наступает момент переворота, причем это может быть единственный случай политической революции, в которой известную роль играют предварительная организация и заговор. [...]

...Да, мы прочно должны стоять на точке зрения неизбежности политической революции и это основной пункт, которым определяется вся наша стратегия. Сказал бы так: будучи

необыкновенно уступчивым и приспособливающимся в тактике, чтобы не оттолкнуть от себя иностранцев и не потерять возможности на них влиять, мы должны быть необыкновенно ясны, отчетливы и последовательны в области стратегии. Эти ясность и твердость стратегических позиций особенно нужны именно потому, что мы должны быть мягки и эластичны в тактических приемах.

Все эти обстоятельства я очень остро ощущаю здесь, так как за последнее время эволюционные точки зрения усилились под влиянием рассказов вернувшихся из России работников АРА и других наблюдателей. Должен признать, что их наблюдения и рассказы мало для нас благоприятны. Наблюдатели эти в ярких красках описывают изменившуюся внешность городской жизни; категорически отрицают наличность кого-либо другого, способного управлять. Они подчеркивают улучшение в эффективности советской бюрократии. Большинство этих людей ярко антибольшевистского направления и, я бы сказал, вполне консервативного образа мыслей. Они вполне отчетливо понимают недостатки коммунизма и кризис производства. Они сознают, что нэп не коснулся крупной промышленности и, что последняя еще мертва в коммунистических оковах. Наконец, все эти люди полны симпатии к России и проникнуты верой в ее будущее. Какой же результат их наблюдения? Они утверждают, что будущее России лежит по пути чистой эволюции. Они не предвидят заметных и резких форм изменения ни внешнего строя, ни даже персонала власти. Рекомендуемую тактику они подчиняют нашему же принципу – ускорения эволюции, помощи и содействия изменению русской жизни. И вот тут многие выдвигают положение, что расширением контакта и даже признанием можно усилить правое разумное крыло. Отдельные лица доходят до парадокса, проводя параллель в прошлом с идеей блокады, что надо признать большевистскую власть для того, чтобы доказать России и самим большевикам, что не в признании дело, и что обнищание России и задержка в восстановительных процессах коренится не в международной изоляции, а в сущности и методах господствующего строя»¹¹⁰.

Здесь заметны мысли очень созвучные одному из ведущих «сменовеховцев» – Устрялову. Например, в дневнике Н.В. Устрялова 1 января 1923 года читаем: «Весна нашего «большевизма» кончилась. Большевики нас теперь ругают чуть ли не по-прежнему. Особенно меня. И сам сменовехизм перестал быть единым течением, внутренне расслоился, дал менее, чем обещал. Ключников поссорился с "наканунцами", наканунецы "отмежевались"

от меня, ну, а я чувствую идеологическую свою отчужденность и от наканунеев, и от Ключникова... Бобрицев-Пушкин, впрочем, полагает, что корень этой разладицы не слишком глубок...

Да, коммунистическая печать подчас готова в нас видеть чуть ли не "новый фронт"... Нелепо, хотя, если хотите, и естественно: нелепо потому, что мы ни в какой степени не посягаем на Советскую власть и вполне лояльны в отношении к ней, естественно же потому, что мы – исчадие тех необуржуазных, послереволюционных стихий, которые, спущенные нэпом, душат в лояльных объятиях коммунистическую мечту. После, если эта мечта огрызнется, – а, кажется, она уже огрызается...

От Ключникова – ни строчки с самой Генуи, откуда он прислал маленькую открытку. "Советов не даю, но нужно идти вперед, чтобы не быть в противоречии с настоятельными требованиями истории"...

А в Москве он, по-видимому, успеха всё же не имел – именно в силу этого своего неумеренного желания "не быть в противоречии". По крайней мере, судя по отзывам самих коммунистов (переданных мне редактором владивостокского "Красного Знамени", недавно сюда приезжавшим), его выступления были "настолько медовы, что становилось приторно". И великолепное добавление: "Вот Бобрицев-Пушкин – тот, по-видимому, искреннее!.." Бедный Юрий Вениаминович [Ключников] – его горе именно в том, что мед его пафоса действительно самый искренний!.. Но, увы, нужно уметь смотреть на себя и со стороны...

Так что же все-таки делать? На днях обсуждали этот вопрос с Яшиновым и Диким¹¹¹ в связи с выходом третьего выпуска нашей "Русской Жизни", производящим определенно «правое» впечатление и способным взбудоражить коммунистическую печать, уже облаявшую второй выпуск (в "Сибирских Огнях"). Что же делать? – "Леветь"?..

Не дразнить гусей. Не срывать коммунистического фигового листка с "эволюции" нынешней России. Тут есть резонные основания, отмеченные как-то Бобрицевым-Пушкиным в одном из писем. Но что же писать? Самим украситья фиговым листком? Выйдет ли что?..»¹¹².

Со временем становилось ясно, что надежды как Маклакова с Бахметевым, так и «сменовеховцев» на Термидор и перерождение большевиков не оправдываются. Время диктовало необходимость пересмотра вчерашних позиций. Этому было посвящена большая часть письма Маклакова от 2 января 1923 года: «Мне хочется еще раз и плотнее говорить о большевизме. Как видите и на этот раз все пророчества оказались фантазией. Я вспоминаю, как

Манухин¹¹³, по приезде сюда, давал им два месяца сроку, как Прокопович-Кускова¹¹⁴ пророчила, что они не доживут до следующего года – и как, тем не менее, все осталось по-прежнему. Когда я сейчас слышу обычную фразу "когда падут большевики", то мне становится не только досадно, но и противно. То, что я неясно предчувствовал года два назад, а именно, что нельзя говорить о падении большевиков и, что большевики никогда не падут, то для меня сейчас становится почти аксиомой. Мне хотелось бы эти слова "падение большевиков" исключить из нашего словаря, как исключить самую идею из нашего мировоззрения. Одно предположение, что это произойдет рано или поздно, в той или другой форме, что мы будем переживать какой-то момент "после падения большевиков", как мы переживали период после падения монархии – затемнять наше сознание, говоря французским выражением "fausse notre jugement"*.

Конечно, то, что я говорю Вам, я говорю пока еще только Вам, и даже публично говорю иногда обратное [выделено мной – А.К.]. Это наша судьба в течение последних шести лет, с тех пор как наши великие люди стали властью, но потому-то Вам я и буду говорить с полной откровенностью.

Если бы мне что-либо хотелось сейчас до такой степени, что, вероятно, это сделаю, то это – съездить в Берлин, где сейчас скопилось много только что приехавших из России интеллигентов. Правда, пожалуй, я уже опоздал, и они поддались условностям эмигрантской психологии. Тем не менее, даже, если их теперешние слова и будут заключать в себе налет здешнего понимания, кое-что они принесли с собой нового; и из третьих рук это новое дошло и до меня. В самых общих чертах я хочу Вам его показать.

Если я очень пессимистически смотрю на возможность падения большевиков, то напротив того, я еще гораздо более оптимистически, чем прежде смотрю на процесс их разрушения. Большевизм, действительно, изживается и разрушается; в самом большевизме есть элементы его разрушения. Все только дело в том, что это будет разрушение большевизма, а не его падение.

Картина того, что происходит в России может быть изображена так: теперешняя власть держится на трех устоях: войско, полиция (Чека) и коммунистическая партия. Этими тремя элементами теперешняя власть держит Россию и направляет ее жизнь. Трехлетняя (ибо я не считаю двух первых годов) практика власти отразилась на физиономии всех этих учреждений¹¹⁵. Далее Маклаков дает подробный анализ положения в Красной Армии, ВЧК и РКП (б). По его мнению, в большевистской партии идут процессы постепенного вытеснения радикальных элементов и утверждения

оппортунистического направления. Чекисты утратили свое былое значение, находятся под влиянием умеренных сил среди коммунистов. Особое положение, как считал Маклаков, сложилось в армии: «Среди этой армии довольно много элементов ненавидящих определенно большевизм; это все те, которые имели свое положение и до большевистского переворота; они были использованы как "спецы", с того момента, когда они по тем или иным соображениям пошли на службу к большевикам. Но, если они думали, что они перехитрят большевиков и станут настоящими хозяевами армии, то они ошиблись. За ними всеми следят очень внимательно и не только полицейские органы большевиков, но и все те представители командного состава, которые всем обязаны большевикам. В виду этого в своем общем и целом армия есть надежное орудие в руках большевистской власти, пока она есть власть и пока эта власть не изменяет тем национальным флагам, которые они же выбрасывают. Создание такой армии есть одно из завоеваний "Октябрьской революции"; если гениальное Временное правительство Февральского переворота уничтожило и разложило армию, то большевики ее создали»¹¹⁶.

Исходя из проведенного анализа, Маклаков приходит к следующему заключению: «Но что же есть в России организованного и способного низвергнуть теперешнюю большевистскую власть вне коммунистической партии? Приходится с определенностью сказать, что нет ничего. Этим объясняется, может быть, между прочим, то, что большевики, по общим отзывам, смягчили свой террор и не мешают общему недовольству обнаруживаться совершенно явно. Большевиков сейчас ругают на всех перекрестках, и они молчат. Поверхностные наблюдатели видели в этом признак их слабости; может быть, вернее было бы в этом видеть сознание ими своей силы. Большевики понимают, что опасны для них непреложные экономические законы, финансовый крах и т.д., а не обывательская смелость и нарекания. Они видели лучше, чем мы, что за этой обывательской руганью не стоит никакой реальной силы, и потому в ней нет никакой реальной опасности. Они уже не размениваются на преследования за слишком откровенное слово, за внешнее непочитание, как они это делали тогда, когда они не сознавали ни своей силы, ни чужой слабости. Этим я объясняю себе сочетание двух несомненных наблюдений; увеличение общего и гласного негодования против большевиков, наличность нескрываемой к ним ненависти, с одной стороны, и растущая уверенность, с другой стороны, что этой власти ничего не грозит. Если мы будем искать хотя бы каких-либо признаков, что извне могут получиться центры

восстания, заговоров и других видов политической борьбы – то мы ничего не найдем. Эсеры, с одной стороны, и монархисты, с другой стороны, уверяют, что у них есть сторонники и, что ни ведут в России какую-то работу. Среди объективных наблюдателей находятся люди, которые иногда констатируют наличие такой работы и тех, и других; но самая эта работа их напоминает попытки сделать туннель перочинным ножиком. Это самоутешение, удовлетворение известной моральной потребности "действия", сознательное и бессознательное втирание очков главарям и той, и другой политической партии – и бесполезные жертвы в результате. Но монархисты и эсеры, по крайней мере, ведут какую-то работу, хотя бы бесплодно. О кадетях нельзя сказать даже этого; кадетская партия вообще уже не существует; остается интеллигенция, которая была ее резервуаром; эта интеллигенция расслоилась в самых неопределенных направлениях: иная пошла на службу к большевикам, забывши все свое прошлое, иная пытается служить кое-как обществу помимо большевиков, иная ни о чем не думает, кроме того, чтобы добывать средства к существованию. Политической работы интеллигенция, как таковая, не делает никакой; политической борьбы тоже; в лучшем случае, если у ней есть политические мечтания и политические воспоминания. Но, зато, она делает другое важное дело, по обстоятельствам момента, пожалуй, самое важное. Она старается жить, она противится большевистскому замыслу дать России вымереть, она есть источник этой борьбы за жизнь, в которой главный залог нашего возрождения. Для этого она идет и на все политические компромиссы и на житейскую изобретательность. Служить и большевикам, и нэпманам, и мужикам. Это самое лучшее, что она может выдумать и сделать; но рассчитывать на нее, как на элемент, который может сбросить власть, было бы, конечно, безумно. И все остальное в таком же роде. Никаких организованных элементов сопротивления. Различные гении Национального Комитета рассчитывали на церковь; великий граф Ковалевский три года тому назад уверял меня, что церковь и есть та организация, которая сбросит большевиков; нечто в этом роде говорил даже и Георгий Львов. Несомненно, одно, что большевики боялись церкви, как они, впрочем, многого боялись раньше, этот грех теперь прошел, ибо церковь оказалась также бессильной, и изменили ей, прежде всего, ее главари, т.е. епископат; одних запугали, других купили. Евлогий¹¹⁷ несколько дней тому назад с грустью признавался, что церковь, как организация, совершенно разрушена.[...]

[...] К каким же выводам может привести холодный разум? Ясно, что все ставки на военные заговоры, на террористические акты, на крестьянские восстания и т.п., все это один мираж. Это первое; Второе: самое опасное для России было бы, если у русского общества и народа пропала воля к жизни и, если бы они стали покорно и покойно вымирать, как это делают индийцы во время голодовок. Все, что способствует борьбе за жизнь хотя бы это достигалось ценой не только соглашательства с большевистскими властями, но даже путем ряда политических и, может быть, иногда и моральных компромиссов – есть все-таки, желательное явление, которое нельзя осуждать, и которое можно приветствовать и поощрять; и третье: тот чисто революционный процесс, который один приведет к радикальной перемене положения в России, есть победа "хозяйственников" над "политиками" в коммунистической партии. Все, что обостряет этот конфликт и, что заставит "хозяйственников" для спасения своей головы пожертвовать головой "политиков", все это и есть настоящий прогресс и настоящее политическое улучшение.

Если холодный разум приводит к таким выводам, то, конечно, моральное чувство всякого человека реагирует на эти выводы неодинаково»¹¹⁸.

Данный вывод заставляет Маклакова вновь вспомнить о «Смене Вех»: «Если не бояться правды и считать, что, правда, всегда самый убедительный аргумент, то нужно было бы создать новую идеологию "Сменовеховцев" и, может быть, издавать новый журнал "Накануне". В нем можно было бы сказать то, что есть: что торжество коммунизма уже невозможно, что доказано опытом; что торжество не коммунизма, а коммунистической партии логически довело бы не к одному обнищанию, но и к вымиранию России, что эта опасность реальная и грозная, но что против нее есть и защита; что для того, чтобы защищаться против этой опасности нужно помышлять не столько о политических идеалах и свободах, сколько о возможности борьбы за материальную жизнь; что поскольку советская власть этого не хочет, она Россию губит в самом прозаическом и материальном смысле этого слова, но, что среди советской власти есть уже течение, которое не хочет гибели России и, что это течение может рассчитывать на поддержку той России, которая тоже гибели не хочет. Отсюда и т.д. и т.д. следует целая программа необходимых возможных реформ. Вот, что я стал бы говорить и русской эмигрантской публике, если бы я был редактором "Смены Вех"; говорил бы это без подмигивания по адресу эмиграции, без холопства перед коммунистами и коммунизмом, без того

непорядочного лукавства, на котором сейчас специализировались "Накануне". Но в то же время я говорил бы, что "Вехи" надо сменить, что прежние способы борьбы уже ни в ком никакой веры в успех не вызывают. Я бы призывал, таким образом, не к примирению с коммунизмом и с большевизмом, а к борьбе с ним иными путями, стараясь всего подробнее распутать вопрос о том, какие именно практические мероприятия теперешняя власть должна немедленно делать.

Вы знаете, что теперешние органы "Смены Вех" не стоят на этой позиции и по существу уже ничем не отличаются от чисто большевистских изданий. Но что делает наша антибольшевистская пресса? Если возьмете ее всю, начиная от "Нового Времени"¹¹⁹, кончая "Днями"¹²⁰, то в них есть одно общее: это общее я назову нераскаянностью. "Новое Время" убеждено, что все было более или менее благополучно до тех пор, пока не появились какие-то мерзавцы, сделавшие революцию и погубившие Россию. Вся их позиция теперь и заключается в том, чтобы вместе с большевиками унизить деятелей первой революции. Но, что делают "Последние Новости" и "Дни"? Они не далеко ушли от того же мирозерцания: они считают, что все было превосходно после Февраля 1917 года, или, если не было превосходно, то шло к лучшему, когда вдруг появились какие-то мерзавцы большевики и испортили им всю музыку. А потому, главная позиция той и другой газеты – ругать и большевиков, и сторонников старого режима. "Новое Время" занимается сейчас тем, что группирует вокруг себя, мысленно, конечно, тот круг людей, которые неповинны в Февральской революции или в ней покаялись, и считают, что они будущее России, а "Последние Новости" и "Дни" отмежевываются и от большевиков, и от старого режима, образуя новую Республиканско-демократическую партию (к слову сказать, вчера состоялось собрание учредителей) из людей, которые неповинны ни в Октябрьской революции, ни в старом режиме. И то, и другое мирозерцание в значительной степени тождественны и ни с одним из них я согласиться не могу¹²¹.

Эволюция «Смены Вех», по сути дела, заставила Маклакова самому проделать определенную эволюцию: если «сменовеховцы», по его выражению заняли позицию «холопства перед коммунистами и коммунизмом», он сам оказался сторонником «старых» идей «Смены Вех», то есть идей сборника и журнала 1921 года. Характерна переключка идеи Маклакова о необходимости издания новой газеты «Накануне» (или новой «Смены Вех») с подобной идеей харбинского сменовеховца Н.В. Устрялова, оставшегося на «старых» позициях «Смены Вех», изложенных в

письме одному из своих единомышленников Н.А. Ухтомскому 15 июля 1923 года: «...Отрадно, что часть сотрудников недовольна направлением газеты [«Накануне» – А.К.] и понимает, что она решительно компрометирует, если уже не скомпрометировала, все движение. Хорошо было бы, если бы путем внутренних воздействий удалось изменить облик "Накануне". Без *coup d'état*^{*}, мирным образом...

Заслуживает, несомненно, внимания и Ваша мысль о новой газете (или радикально реформированном "Накануне"). [...] Не знаю, найдутся ли силы для такой газеты. Разумеется, хорошо бы вовлечь в орбиту подлинного сменовехизма группу Кусковой, но это, наверно, невозможно: все традиции у нас различны. Для редактора нужен твердый, осторожный и вместе с тем авторитетный человек. Я с большой охотой согласился бы стать дальневосточным регулярным сотрудником такой газеты, а в случае действительно солидной и широкой постановки дела ничего бы не имел потом и против переезда в Берлин, хотя, откровенно говоря, вполне пока доволен Дальним Востоком и желания погрузиться в европейский кипятилок не испытываю»¹²².

При этом в письме Маклакова заметна его критическая оценка своих прежних позиций. Например, в письме от 1 февраля 1923 года он пишет: «К сожалению, однако, если в процессе разрушения мы с Вами не ошиблись, и он происходит именно так, как мы предполагаем, процесс созидательный менее ясен и очень возможно, что мы и тут иногда принимаем мираж за действительность; в Вашей формуле: коммунизм умирает, а Россия возрождается, вторая часть менее очевидна, чем первая; и многие из возникших надежд отцвели, не успевши расцвести»¹²³.

Данную мысль он проводит и в письме от 24 апреля 1923 года: «У меня тоже ощущение, что и у Вас; процесс "вытеснения" идет очень медленно, и мне теперь смешно вспомнить про тот документ, который я когда-то Вам написал на эту тему. Вернее сказать, что настоящее возрождение идет там, где мы этого не замечаем; а те бросающиеся в глаза факты, из-за которых мы трубили победу оказываются пухом. Логически рассуждая, это впрочем, так и должно было быть; процесс не может не идти бесконечно долго и только наша естественная нетерпеливость, заставляющая надеяться, что все это произойдет еще при нас, побуждает нас кидаться на болотные огни и любоваться миражам. Приходится сознаваться, что такими же миражами оказываются некоторые наши расчеты, и на резкий конфликт двух коммунистических крыльев и на решающее вмешательство красной армии и многое тому подобное»¹²⁴.

Интересно замечание Бахметева в письме от 25 мая 1923 года по поводу книги А.В. Пешехонова «Почему я не эмигрировал», позицию которого многие причисляли к «сменовеховской»: *«Кускова мне писала, что пешехоновские записки не были напечатаны журналами, и что в эмиграции они вообще вызвали возмущение. Этого понять не могу. Записки интересные, искренние и ничего в них неправильного нет, кроме одного – преклонения перед принципом центральной государственности. Пешехонов, как большинство русских интеллигентов всех толков и направлений, видимость государства готов ставить в заслугу большевикам. Вот тут-то он и ошибается. Он, впрочем, правдиво ставит вопросы – крепка ли эта государственность и не есть ли это лишь механическое соединение «людовой пыли». Пишу об этом, так как в изживании известных предрассудков и инерции прошлого вижу одно из необходимых достижений нашей будущей государственной мысли. Большевистская государственность одна видимость, и создать ничего кроме пыли они не могли. Все это чисто механическая постройка, которая разрушится от малейшего прикосновения, но суть то в том, что бывшая людская пыль за это время ожила, и в ней начали развиваться какие-то клетки, которые кучки пыли превратили в живые и творящие клубки будущего национального целого. Наша эмиграция не должна ставить в вину Пешехонову его увлечение большевистской государственностью, так как она вся почти поголовно страдает болезнью, вызвавшей у А.В. [Пешехонова] уродливое увлечение»¹²⁵.*

Осенью 1923 года в переписке Маклакова и Бахметева дискусируются многие принципиальные вопросы, среди которых вопросы степени эволюции большевиков и возможности компромиссов с ними. По сути дела, это были те же дискуссии, которые на начальном этапе очно и заочно вели adeпты «Смены Вех». Так в письме Бахметева Маклакову от 29 октября 1923 года в частности говорилось: *«...Я проводил опять-таки разницу между эволюцией жизни, всепобеждающей и торжествующей, и изменениями в большевистской тактике, изменениями, вызванными не эволюцией большевистской доктрины как таковой, а только необходимостью уступок. Более того, я очень отчетливо провел черту между уступками, которые они сделали, и которые еще сделают, и теми предпосылками, без которых нельзя по-настоящему оживить Россию. Я ставил открыто вопрос: достаточны ли произошедшие изменения в русской жизни, чтобы служить основой непрерывного органического процесса. И я отвечал отрицательно. Я говорил, что сдача командных высот в области экономической невозможна без сдачи основной*

политической крепости – диктатуры партии; подкрепляя аргументацию историческими примерами и прецедентами я настаивал на неизбежности в известный момент таких переломов в организации власти и структуры, которые символизировали бы конец большевистского господствования и начало новой эры.

Суть, однако, в том, что со времени падения Деникина я окончательно и органически изверился в возможность разрешения этих вопросов путем действия извне. А события последних лет и поиски и размышления в области исторических прецедентов твердо убедили меня в правильности концепции, которая символизируется знаменитым яйцом. Под большевистской скорлупой создается новый быт, складывается новая жизнь, понятия, психология, вырастают люди и в один прекрасный день разломанная скорлупа падает, и на сцену выступает новая Россия. В этой гипотезе содержится также путь к ответу на Ваш вопрос, какие из процессов надо считать здоровыми, и что из того, что существующее есть материал, из коего строится будущая Россия, и что приходится отбросить в мусорный ящик. Ответу на этот вопрос так – придется отбросить не только тех людей, которые олицетворяют для нас с Вами наиболее отталкивающий и неприемлемый период революции, но и очень многие понятия и представления, с которыми мы сжились в прошлом, и которые заставляют ставить подобные Вашим вопросы о формах сотрудничества и совместной работы, хотя бы даже с будущей «демократией». Для меня лично вопрос этот не поднимается, не потому, что вся моя концепция об этой России, которая грядет, связана с совершенно новым типом соотношений индивидуума и государства. [...]

[...] Я знаю, что в этом вопросе Вы со мною также не согласны, и что мысль о государстве, как источнике благости для всех, Вам не чужда; поэтому я понимаю, как остро стоит для Вас вопрос о сотрудничестве, даже если мыслить, что главные герои будут повержены, и что только мелкие акуленки сохранятся в том будущем строе, который придет на смену разрушенному коммунизму. Мне, например, лично было бы вероятно очень трудно работать с каким бы то ни было будущим правительством даже в таком вопросе, как внешняя политика, который я, вероятно, лучше других знаю, где можно было бы быть всего более полезным, и который наиболее «беспартийна». Я поневоле вспоминаю все окружения Колчака и Деникина. Нравы, ведь, будут те же, или, вернее, хуже. А то, что было, то совершенно непереносимо. Если бы я только думал, что Россия не изживет этатизма, и что будущее строительство будет проходить под знаменем

централизованного бюрократического творчества, для меня лично вопрос об участии в этом творчестве, вероятно, пришлось бы решать отрицательно. Я не мог бы заразиться необходимым пафосом и верой.

Вы правы, нельзя довольствоваться пафосом материального благополучия, хотя богатые страны – есть основная предпосылка массовой культуры. Страна может быть великой; великой во всех отношениях, только тогда, когда в основе ее национальной жизни устранены элементы нищеты и голодания, и когда ее духовные порывы не стеснены проклятием бедности»¹²⁶.

Примерно тогда же, осенью 1923 года в переписке вновь непосредственно возникает тема «Смены Вех». Так в письме Маклакова 14 ноября 1923 года говорится: «А между тем, то течение, которое смену вех взяло своим девизом, провалилось бесконечно, больше, чем какое бы то ни было другое; поистине страшно наблюдать до какой низости моральной и политической дошли эти господа из "Накануне", с которыми еще не так давно мы были по одну сторону баррикады. Я не знаю, продолжаете ли Вы еще читать эту газету. Я опять начал ее читать с тем любопытством, с каким когда-то читал Дубровинское "Русское Знамя"; эта газета тадет [? – так в тексте – А.К.] меру человеческого бесстыдства и подлости. Вот Вам небольшой образчик: через несколько дней начнется процесс Конради в Лозанне; газета "Накануне" выступила с рядом статей, где она заявляет, что для русского человека какая бы то ни была прикосновенность к этой защите, хотя бы в смысле снабжения защитников материалом, есть предательство и измена. Газета не жалеет слов, утверждая, что убийство Воровского¹²⁷ есть подлость и гнусное убийство и, что какое бы то ни было касательство к защите такого убийцы на суде есть провокация на убийство и тоже гнусность. Я невольно вспоминаю, что при старом режиме не считалось гнусностью защищать Каляева или Сазонова. А, ведь, эти слова о гнусности защитников пишутся в газете, где сотрудничали и Бобрицев-Пушкин и друг Савинкова – Кирдецов, Лукьянов и другие. Среди них есть порядочные люди, но партийное ослепление дошло до того, что они уже не понимают, что сами говорят.

Ясно, что так "сменять вехи" нельзя и, что это течение также скомпрометировано. Словом, скомпрометированы решительно все эмигрантские течения; договоривши свои шпаргалки до конца, они поневоле начинают прислушиваться, что делается там, а там в свою очередь есть новые слова, и новые методы и приемы; не характерно ли, что там уже убирают

Раковского из Лондона, а на его место прочат Кутлера или Некрасова. Можно предвидеть тот момент, когда состоится смычка между разумными элементами России и разумных элементов эмиграции. Этого момента еще не настало и смычки пока нет. Но пока неразумные элементы тех и других допевают свои безнадежные песни»¹²⁸.

В связи с этим в письме от 23 ноября 1923 года Маклаков вновь возвращается к оценке позиции Пешехонова, и в отличие от Бахметева, считает его политику государственника правильной: *«Вы иронизируете над сменовеховцами, которые заслугу большевистской власти видят в том, что на деле есть пустой и ненужный фасад, т.е. в восстановлении правительственного аппарата. Не одни сменовеховцы это думают: вспомните, с какой резкостью эту мысль высказал Пешехонов; за нее его многие обляяли, но я прочел ее с большим интересом и уважением. Для меня это не только объективная правда, но в том, что это высказал Пешехонов, был признак просветления наших интеллигентских мозгов»¹²⁹.*

А в письме от 4 декабря 1923 года Маклаков опять упоминает «сменовеховцев» в связи с процессом Конради: *«В связи с процессом Конради я заглянул в нутро наших правых. Я, как Вы помните, возмущался претензией сменовеховцев поставить защиту Конради под интердикт*. Но, когда я посмотрел на его политических апологетов, меня самого берет оторопь. Защита Конради была, конечно, одной из самых благодарных для адвоката защитой, но они ухитрились так ее поставить, что с каждым днем оправдательный процесс становился сомнительным. Когда же Конради был все-таки оправдан, началась вакханалия: не тому, что не свершилось соблазна, что суд не стал на сторону большевиков; такого оптического обмана я боялся и сам. В оправдании Конради стали видеть перелом в настроении Европы, принципиальное одобрение террора, как системы борьбы и даже крах большевизма. Не было предела тем глупостям, которые по этому поводу говорились»¹³⁰.*

Далее в письме от 4 декабря 1923 года Маклаков, переходя к общим вопросам, пишет: *«Почему мы России вредим. Не только потому, что, противясь, хотя бы и в замаскированной форме, проникновению в Россию большого капитала, сговору его с большевистской властью, мы лишаем Россию того фактора, который может повлиять на оздоровление власти; вредим мы, правда, бессознательно еще тем, что, отпугивая от России здоровый, т.е. производительный капитал, направляем в нее недобросовестный и спекулянтский»¹³¹.*

Очень важными представляются пространные рассуждения в данном письме Маклакова о возможности сотрудничества с Советской властью: «Знаю, что работать над оздоровлением власти не значит стать сменовеховцем; сменовеховцы служат большевикам, каковы они есть. Сменовеховцы – это Львы Тихомировы; нам же нужна позиция оппозиции, только разумной. Можно сказать, что в современных условиях она невозможна; но дело не только в том, что нам мешают условия; мы просто не хотим примириться с этой ролью, более того: чем благоприятнее будут условия, тем наши требования непримиримее. Мы, эмиграция – просто не сумели переварить обыкновенного факта, что жизнь выбросила нас из России и, что Россия может быть восстановлена помимо нас и без нас. Мы затаили в себе такую горечь, что не способны желать восстановления России, если только это не будет сделано нашими руками. Это точь-в-точь настроение, которое в былое время заставляло кадет быть непримиримыми к Столыпину. Правда, тогда мы себя считали еще способными управлять Россией, и думали, что масса за нами пойдет; но сейчас, хотя мы этого и не думаем, но от прежней психологии не отделались. И от этой роли, которую мы одни могли бы исполнить, мы перекидываемся к другим, где по меньшей мере бесполезны, и то стараемся издали поднять восстание, то начинаем увлекаться террористической деятельностью, то стараемся удерживать Европу от всякого сближения с Советской Россией. И мы все более становимся шелухой, которая никому не нужна, быть может, именно той скорлупой, которую сбросит цыпленок.

Из сказанного я не делаю практических выводов; оно только иллюстрация к мыслям, которые вызвали мое не посланное письмо Кусковой. Сформулировать их можно кратко: я не вижу позиции, на которой мы здесь можем служить России. Мы либо стоим на позиции непримиримости, и тогда жизнь развивается помимо нас и без нас. Если же мы пытаемся пойти другой дорогой и работать с большевиками, то становимся "сменовеховцами", т.е. заведомо предаем интересы России. Пока – вот наша альтернатива. Будущее вне нашей воли и воздействия. Одно из двух: либо элементы оздоровления создадутся вокруг самой власти, в ней самой, и она повернет сама и низвергнет за собой страну, даже без нашей помощи, естественным процессом жизни; дальновидный и честный капитал окажет поддержку этим элементам. Либо этого не будет: тогда предстоит тяжелая полоса, когда произойдет соединение хищнического капитала с наиболее подлыми элементами большевистской власти; тогда разложение России будет продолжаться, и Россия либо умрет как национальный орган, как

раньше ее умирало много других национальных организмов, либо в процессе гниения вызовет и ускорит возникновение тех здоровых органических сил, которые остановят разложение. Но и в том и в другом случае мы остаемся простыми зрителями, т.е. лишними людьми.

*Во всем том, что я Вам пишу, есть, конечно, логический пробел, который я хорошо ощущаю. Вы можете мне сказать, и Вы будете правы, что при таком взгляде на дело надо либо безропотно и со спокойствием исполнять ремесло лишнего человека, или ехать в Россию, не став сменовеховцем, и показать на собственном примере, что можно делать. Это все правда. Но, во-первых, дело не во мне лично, а в эмиграции, в ее настроении, в известном массовом тяготении; такого решения эмиграция ни за что не примет. Сделать же это одному, показав пример – я не хочу; и совсем не потому чтобы боялся, а просто потому, что этот пример не только не вызовет ничего кроме соблазна, но, наверное, придется по душе только тем сменовеховцам, которые мне омерзительны. *Noblesse oblige** – и я на это не пойду. А успокоиться на роли лишнего человека, писать мемуары, сотрудничать в газетах, или просто поступать на службу – мне пока претит. Эмиграция была когда-то трогательна; когда мы видели аристократок, работающих в качестве модисток, предводителей и офицеров в роли метрдотелей, шоферов, лакеев и т.п. Это было ново и часто умилительно. Но к этому теперь привыкли; и когда эти занятия становятся профессией, это начинает производить обратное впечатление. Роль российской эмиграции в Европе в качестве прислужников европейских капиталистов, их развлекателей или нахлебников убивает, если не уважение к ней, то всякий политический интерес. Вот тупик, из которого я выхода не вижу. Сменовеховцем я не стану, но обслуживать французскую буржуазию тоже не захочу. Тут стоит предел, за которым я пока себя не вижу»¹³².*

Очень важными представляются выводы из письма Маклакова от 4 декабря 1923 года: «Вы можете сказать, что я начал за здоровье, а кончил за упокой. Это от того, что я отдал дань эгоцентризму, и от теории перешел к практике, и к основному вопросу: что делать? Как ясно я чувствую справедливость слов Кайо, который сказал в своей защитительной речи, что бывают моменты, когда трудность не в том, чтобы исполнить свой долг, а в том, чтобы понимать, в чем он состоит. Вы лично как-то удивительно счастливо ухитряетесь сочетать спокойствие духа с сознанием невозможности "действовать". Это, вероятно, потому, что Вы большие меня инженер, естествоиспытатель и т.п.,

который понимает, что такое непреодолимая сила законов природы. Я все-таки адвокат и политик, которые привыкли к тому, что они обязаны действовать, хотя бы из их действий ничего и не выходило. Адвокат не может промолчать и в совершенно безнадежном деле. Но, ведь, в данном случае мое отношение к этому вопросу происходит не из-за одних профессиональных навыков адвоката. Я не ошибаюсь, когда думаю, что мы и могли бы и должны бы действовать; наши действия не обязаны вовсе заключаться непременно в том, чтобы либо вести гражданскую войну, либо подстреливать Воровских. Пусть под скорлупой зреет цыпленок. Но снаружи мы управляем теми живыми клеточками, которые в этом цыпленке созревают. Но и снаружи яйцо можно окружить здоровой температурой или такой, от которой цыпленок сгниет или замерзнет. Это функция небольшая, но необходимая. Но относительно России мы и ее не соблюдаем. Отчасти потому, что мы в точности не знаем степени нужной для этого цыпленка температуры. Мы колеблемся от блокады до признания большевистской власти. И так как мы не знаем какая температура нужнее, то и предпочитаем воздерживаться *dans le doute astiens toi*^{**}. Но этой функции я не исполняю еще больше потому, что работать над созданием такой температуры значило бы в сущности работать над эмиграцией, над ее объединением, над приведением ее к разуму, и эта тягостная работа для практической цели представляется мне столь же безнадежной, сколь заливание пожара спринцовкой. Очевидно, дом сгорит раньше, чем я залью пожар; в России цыпленок созреет раньше, чем эмиграция между собой сговорится. А простое горделивое сознание, что я правильнее других понимаю положение, что если бы меня послушали, то было бы лучше для меня не только не утешение и не оправдание, а как раз наоборот. Со мной это случается уже не в первый раз, и в этой позиции касандры я не вижу для себя ничего ни лестного, ни утешительного. И оттого во мне нет Вашего олимпийского спокойствия, и потому нет и той мудрости, которая без спокойствия не мыслима. Но довольно. Последними словами Вашего письма Вы указывали некоторый подход к практическому делу. Буду ждать развития этой мысли, тем более, что Ваши предчувствия правильны: в отношении большевизма сейчас Европа стоит на плохом пути, но только и в этом эмиграция ей помешать не способна»¹³³.

В конце 1923 года вновь поднимается тема «Смены Вех», на этот раз в контексте места и роли российских послов для будущей России. В письме от 10 января 1924 года Бахметев полемизирует с Маклаковым: «Приступаю ко второй части Вашего письма,

посвященного России. На странице 37-ой резюмируя мысли, Вы пишете – "я не вижу позиции, на которой мы здесь можем служить России; мы либо стоим на позиции непримиримости и тогда жизнь разворачивается помимо нас или... мы становимся сменовеховцами, т.е. заведомо продаем интересы России". На странице 40-й продолжаете Вы – "мы колеблемся от блокады до признания большевиков"; немного выше, оперируя над цыпленком и скорлупой, Вы, однако, говорите – "снаружи яйцо можно или окружить здоровой температурой или такой, от которой цыпленок сгниет или замерзнет, это функция небольшая, но необходимая".

Вопрос поставлен Вами в лоб. Более того, поставлен в плоскости того окружения русской эмиграцией, которое господствует в Париже, и с которым я столкнулся в прошедшем году. Мои парижские впечатления полностью подтверждают Ваши слова – или блокада (скажу в скобках – бравада) или сменовеховство. Вернувшись из Лондона и Берлина, и остро чувствуя что "при всех этих переговорах мы отсутствуем", я сделал известную Вам попытку договориться о реальных вещах и на реальном языке с людьми, которых хочется вывести из этого ужасного положения абсолютной никчемности. Результаты у нас в свежей памяти. В атмосфере Парижа Вы не можете ничего писать иного, так как, говоря об эмиграции, Вы невольно говорите об знакомых нам друзьях и приятелях. Этим, может, объясняется неизбежное с Вашей стороны настойчивое повторение вещей, которые, собственно, по существу не требуют доказательств. Со слов Вашего приятеля из России, Вы пишете там "публика не хочет революции"; усталость и изможденность странно сочетается с активной жаждой творчества. Это все, конечно, так. Россия консервативна и консервативно настроенное население не делает революций даже против ненавистной ему власти¹³⁴.

По сути дела, Бахметев и Маклаков оказались заложниками своего положения послов: они видели все недостатки и даже опасности воинствующего антибольшевизма «белой эмиграции», но были вынуждены лишь в своей тайной переписке критиковать адептов непримиримых антисоветских взглядов. Одновременно они сознавали необходимость проведения политики «компромиссов и эволюций», однако, без лакейства перед большевиками «позднего» «сменовеховства». Разумеется, Бахметева и Маклакова даже условно нельзя назвать сторонниками «Смены Вех», но определенно заметно их стремление выразить те же идеологические тенденции, которые на определенном этапе выражали и «сменовеховцы», а именно: строительство русского национально-демократического государства

и отказ от непримиримой борьбы против Советской власти, надежды на ее эволюцию в сторону либерально-демократических основ. Если большинство «сменовеховцев» достаточно быстро превратилось в поборников большевиков, то Бахметев и Маклаков были вынуждены из-за положения послов скрывать свои истинные взгляды от эмигрантской общественности, что позволило им сохранить свой имидж непримиримых антибольшевиков. Только сохранившаяся в Архиве Гуверского института Стэндфордского университета (США) тайная переписка двух российских послов позволила узнать их подлинные взгляды, разобраться в эволюции подходов, отметить соприкосновение вектора их поиска новых идей русского либерализма с подобными поисками тех, кого было принято называть «сменовеховцами».

Вслед за авторами сборника «Смена вех» Маклаков и Бахметев уделяют значительное внимание в своей переписке возможности эволюции большевистского режима *«в сторону обычной демократии»*. Маклаков под псевдонимом выступает в журнале «Смена вех», когда без его согласия Ю.В. Ключников опубликовал выдержки из писем посла. Несмотря на недовольство фактом публикации в подобной форме, контакты Маклакова и Ключникова продолжались, что видно из переписки с Бахметевым. Однако быстрое *«скатывание сменовехов»* к пробольшевистским позициям приводит к тому, что не только Маклаков и Бахметев осуждают подобную эволюцию, но и один из самых ярких «сменовеховцев» – Н.В. Устрялов.

По сути дела, Бахметев и Маклаков оказались заложниками своего положения послов: они видели все недостатки и даже опасности воинствующего антибольшевизма «белой эмиграции», но были вынуждены лишь в своей тайной переписке критиковать адептов непримиримых антисоветских взглядов. Одновременно они сознавали необходимость проведения политики *«компромиссов и эволюций»*, все же без лакейства перед большевиками «позднего» «сменовеховства». Разумеется, Бахметева и Маклакова даже условно нельзя назвать сторонниками идей «Смены Вех», но определенно заметно их стремление выразить те же идеологические тенденции, которые на определенном этапе выражали и «сменовеховцы», а именно: строительство русского национально-демократического государства и отказ от непримиримой борьбы против Советской власти, надежды на ее эволюцию в сторону либерально-демократических основ. Если большинство «сменовеховцев» достаточно быстро превратилось в поборников большевиков, то Бахметев и Маклаков были вынуждены из-за положения послов скрывать свои истинные взгляды от эмигрантской общественности,

что позволило им сохранить свой имидж непримиримых антибольшевиков. Только сохранившаяся в Архиве Гуверского института Стэнфордского университета (США) тайная переписка двух российских послов позволила узнать их подлинные взгляды, разобраться в эволюции подходов, отметить соприкосновение вектора их поиска новых идей русского либерализма с подобными поисками тех, кого было принято называть «сменовеховцами».

Данная переписка продолжалась почти 33 года и прервалась со смертью Бахметева. В настоящее время ведется подготовка к изданию большей части этой переписки. Здесь же представлена лишь незначительная часть выдержек из многостраничных писем двух послов, затрагивающих только вопросы о новом лице русского либерализма начала 1920-х годов. Во многом данная переписка актуализируется отмечаемым сейчас 80-летием выхода сборника «Смена вех», широко поставившего перед российской общественностью 1920-х годов вопросы поиска *«компромиссов и эволюций»*.

Письма публикуются по машинописным копиям, хранящимся в архиве Гуверского института войны, революции и мира Стэнфордского университета США. Данная публикация стала возможна в результате получения исследовательского гранта Фонда Фулбрайта (США) и неоценимой помощи сотрудников архива Гуверского института во главе с ее директором Еленой Даниельсон.

¹ **Маклаков Василий Алексеевич** (10 мая 1869, Москва – 15 июля 1957, Баден, Швейцария) – общественный и политический деятель, юрист и публицист. Из дворян. В 1887 году поступил на естественный факультет Московского университета, позже перешел на историко-филологический факультет, который закончил в 1894 году. За участие в студенческом движении дважды исключался из университета, был одним из создателей московского землячества. Во время студенческих волнений 1890 года подвергнут кратковременному аресту. В 1896 году сдал экстерном экзамены за курс юридического факультета, стал присяжным поверенным округа Московской судебной палаты. В начале 1900-х годов был одним из создателей кружка молодых защитников по политическим делам. Получил всероссийскую известность выступлениями на процессах по обвинению М.А. Стаховичем князя П.Н. Мещерского в клевете в 1904 году и по делу крестьян села Долбенково Дмитровского уезда Орловской губернии в 1905 году. В начале 1900-х годов участвовал в земском движении, с 1904 года – секретарь кружка «Беседа», поддерживал связи с П.Б. Струве. Осенью 1905 года становится одним из основателей кадетской партии, членом ее ЦК. Был депутатом 2 – 4 Государственных Дум, одним из лидеров правого крыла фракции кадетов. С 1915 года член «Прогрессивного блока». После Февральской революции комиссар в Министерстве юстиции, затем возглавлял Юридическое совещание при Временном правительстве. В августе 1917 года участвовал в Государственном совещании в Москве. Член Предпарламента. Осенью 1917 года был назначен послом во Францию. В годы Гражданской войны занимался финансовым и дипломатическим обеспечением Белого движения, инициатор создания Совета послов и Русского политического совещания в Париже, пытался отстаивать интересы России на Парижской мирной конференции. Член масонской ложи «Свободная Россия». После признания Францией СССР в 1924 году возглавил «офис» по делам русских беженцев при МИД Франции. В годы Второй мировой войны занял антифашистскую позицию. В 1943 году за это был арестован гестапо и освобожден только после 5 месяцев заключения.

² **Бахметев Борис Александрович** (1 мая 1880, Тифлис – 1951, Нью-Йорк) – политический и общественный деятель. Образование получил в тифлисской классической гимназии и Петербургском институте инженеров путей сообщения, который закончил в 1902 году. С 1903 года продолжал обучение в Цюрихском политехническом институте. Начиная с 1905 года в течение 12 лет преподавал в Петербургском политехническом институте в должности профессора. С началом Первой мировой войны значительное место в жизни Бахметева стала занимать общественно-политическая деятельность. В 1915 году он включился в работу международного Красного Креста на территории России. В 1917 году он был направлен в США для решения вопросов закупок в ранге товарища министра торговли и промышленности Временного правительства, а вскоре был назначен послом России в США. Был создателем Российского гуманитарного фонда в США, Фонда помощи российским студентам. С 1923 года возвратился к научно-инженерной работе, открыл в Нью-Йорке консультационную фирму по вопросам проектирования гидравлических систем. С 1931 года – профессор кафедры гражданского строительства Колумбийского университета в Нью-Йорке.

³ **«Смена веж»** – одно из наиболее интересных и самобытных явлений послереволюционных лет, сложное идейно-политическое течение. Основные постулаты данного течения были изложены в вышедшем в Праге в 1921 году сборнике статей "Смена веж", затем в одноименном журнале, издававшемся в Париже в 1921-1922 годах, а позже в газете "Накануне" (Берлин) и ряде иных печатных изданий, появившихся в большевистской России и белом Зарубежье. В первой половине 1920-х годов это течение, призванное к принятию советской действительности с национально-возрожденческих позиций, получило широкое распространение как внутри Советской России, так и в Российском Зарубежье. Тогда ему предсказывали большое будущее и рассматривали как реальную альтернативу красно-белого противостояния, как наиболее вероятный вариант Третьего Пути развития Российского государства.

⁴ **Бобринцев-Пушкин Александр Владимирович** (8 декабря 1875, Санкт-Петербург — 1937, Ленинград), псевдоним "Громобой" — известный политический деятель, адвокат, публицист, драматург. Из дворянского рода Бобринцевых-Пушкиных, сын присяжного поверенного. После окончания в 1896 году Петербургского училища правоведения был кандидатом на судебные должности при Петербургской судебной палате, в 1898 году становится помощником присяжного поверенного, с 1902 года — присяжный поверенный. В качестве защитника выступал на целом ряде громких уголовных и политических процессов, в том числе: в 1904 году защищал поручика Е.К. Григорьева по делу Боевой организации партии эсеров, в 1906 году — обвиняемых по делу о Керченском погроме, в 1907 году добился оправдательного приговора по делу В.М. Пуришкевича. Зарекомендовал себя в эти годы как активный публицист, выступая с критикой российского судопроизводства в журнале "Юрист". До 1905 года активного участия в общественной жизни не принимал. С 1905 года становится членом комитета пропаганды Партии правового порядка в Санкт-Петербурге. Позднее входит в число организаторов Конституционно-монархического правового союза, был членом его Совета. От данного Совета был участником I съезда "Союза 17 октября", членом которого становится в 1906 году. Был избран в состав ЦК и Петербургского городского совета "Союза 17 октября", участвовал в работе I – III съездов и конференции Союза в ноябре 1913 года, а с 1911 года становится товарищем председателя Петербургского совета октябристов. Примыкал к левому крылу партии, активно поддерживал реформы П.А. Столыпина, был постоянным оратором на собраниях и диспутах в Санкт-Петербурге и провинции, стал ведущим публицистом октябристской партии. В газетах "Голос правды" и "Голос Москвы" полемизировал с правыми политическими деятелями и с кадетами, отстаивая идею блока октябристов и кадетов. В статьях и фельетонах резко осуждал революционное движение, тормозившее, по его мнению, развитие России, требовал отмены чрезвычайного положения и смертной казни, доказывал взаимосвязь и взаимозначимость революции и реакции. Он призывал к осуществлению "идеалов Манифеста 17 октября" путём "мирного боя", мобилизации общественного мнения для воздействия на правительство. В 1911 году, после роспуска Государственной Думы выступил с критикой фракции октябристов за недостаточную энергичный отпор "посягательствам на народное представительство". Одновременно развивал идею "настоящего национализма" — подъёма национальных чувств русского народа, направленного на борьбу с бюрократией, защиту интересов русского населения, в чём видел единственное средство преодоления политического кризиса в стране. Он выступал против ограничений прав национальных меньшинств, отстаивал равноправие евреев, однако категорически отрицал отступление от принципов территориального единства Российской империи. Признавал право национальных меньшинств

на культурную самостоятельность, однако, без введения национальных автономий. Выступал с пропагандой идеи блока октябристов с националистами. Но в 1912 году, во время баллотирования в IV Государственную Думу от Калужской губернии, отказался от сотрудничества с местными националистами, что во многом сказалось на его поражении на выборах. В 1913 году предлагал ликвидировать партию “Союз 17 октября”, заменив её партией левооктябристского толка. После Февральской революции 1917 года вновь отошёл от активной политической деятельности. С приходом к власти большевиков вступил в коллегию правозащитников, выступал в революционном трибунале в качестве защитника В.М. Пуришкевича и других антибольшевистских деятелей. В 1919 году бежал из красного Петрограда на юг к белым, занимал важные посты в правительстве А.И. Деникина, в 1920 году эмигрировал. В Зарубежье являлся одним из ведущих идеологов сменовеховского общественно-политического течения, одним из авторов сборника “Смена вех” (Прага, 1921), участвовал в выпуске последующих сменовеховских изданий — журнале “Смена вех” (Париж, 1921 — 1922 годы) и газеты “Накануне” (Берлин, 1922 — 1924). В сборнике “Смена вех” обосновал свои позиции закономерной политической ролью большевистской революции, которая была направлена против определённых категорий собственников, у которых и нельзя было вырвать власти, не вырвав собственности. По словам Бобрищева-Пушкина, сменовеховство сыграло решающую роль в организации движения возвращения эмигрантов на Родину, а издававшаяся в Берлине при его непосредственном участии сменовеховская газета “Накануне” превратилась в своеобразный опорный пункт возвращенчества. Поэтому в полной мере Бобрищева-Пушкина можно считать одним из крупнейших идеологов и лидеров движения возвращения россиян на Родину. В начале 1920-х годов он исполнял обязанности юрисконсульта при русском отделе Лионской ярмарки, а затем в 1923 году вернулся на Родину, занимался адвокатской практикой, до 1933 года состоял членом Ленинградской коллегии защитников, после 1933 года — на пенсии. Арестован 10 января 1935 года УНКВД по Ленинградской области, 22 июня 1935 году военным трибуналом Ленинградского военного округа обвинён в антисоветской деятельности и терроризме (статья 58-8 УК РСФСР), приговорён к смертной казни, заменённой 2 августа 1935 года Военной коллегией Верховного суда СССР 10 годами лишения свободы (с учётом того, что Бобрищевым-Пушкиным кроме террористических высказываний никаких действий предпринято не было и принимая во внимание его возраст). Но, отбывая наказание в Соловецком ИТЛ, он 3 октября 1937 году по тому же обвинению был расстрелян по решению “тройки” УНКВД Ленинградской области. Реабилитирован 20 февраля 1963 года.

⁵ **Кирдецов (Дворжецкий) Григорий Львович** (1880, город Луга — 1938), псевдоним “Фиц-Патрик” — общественный деятель, журналист, переводчик итальянской общественно-политической литературы. До 1917 года сотрудничал в “Еврейской энциклопедии”, был во время Первой мировой войны корреспондентом газеты “Биржевые ведомости” в Копенгагене. В 1917 году становится сотрудником газеты “Русская воля”, основанной министром внутренних дел А.Д. Протопоповым, и выходящей ежедневно в Петрограде до 25 октября 1917 года. Весной 1918 года покинул советскую территорию. С июля 1918 года в Ревеле занимал пост редактора официоза Северо-западного правительства — газеты “Свободная Россия”, в 1919 — 1920 года вместе с А.И. Куприным редактирует газету “Свобода России”, а в 1920 — 1921 годах — газету “За свободу России”. Одновременно в 1919 — 1920 годах занимал ключевую позицию в Отделе агитации и печати Политического совещания при Главнокомандующем Северо-западной армии генерала Н.Н. Юденича. В 1921 году эмигрировал, где примкнул к сменовеховскому общественно-политическому течению. С 26 марта 1922 года по 1 октября 1923 года в Берлине редактировал главный печатный орган сменовеховской группы — ежедневную газету “Накануне”. В статьях этого периода Г.Л. Кирдецов проводил мысль о том, что сменовеховцы приняли советскую государственность в том виде, как она установилась после Гражданской войны и, приняв её, перешли на путь не разрушения её, а совместной с ней творческой работы, “оставаясь кто хочет, в оппозиции его величества или в положении благожелателя, готового избавить советский механизм от всех его несовершенств, дефектов и пороков”. При этом в качестве цели сменовеховства Г.Л. Кирдецовым определялось воссоздание русской государственности “внутри и во вне, путём советского парламентаризма”. Данные идейные ориентиры определяли его последующую деятельность: он был советником Советского полномочного представителя в Берлине в начале 1920-х годов, а с 1 октября 1923 года становится заведующим Отделом печати посольства СССР в Германии, позже получил пост пресс-атташе советского посольства в Италии, затем работал в Наркоминделе, сотрудничал в журнале Наркоминдела “Международная жизнь”, работал в редакции Большой Советской

Энциклопедии. 28 августа 1936 года был арестован УНКВД по Северо-Кавказскому краю в городе Кисловодске и спецконвоем направлен в Москву в распоряжение ГУГБ НКВД СССР. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 28 марта 1936 года за “активное участие в контрреволюционной группе и антисоветскую агитацию” (статьи 58-10: 58-11 УК РСФСР) выслан в город Туруханск Красноярского края. Но 7 февраля 1938 года Кирдецов был вновь арестован УНКВД Красноярского края и постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 19 февраля 1940 года за “участие в антисоветской правотроцкистской организации” заключён в ИТЛ на 8 лет. По второй судимости реабилитирован 25 ноября 1957 года.

⁶ **Ключников Юрий Вениаминович** (1886, город Казань — 10 января 1938 года, Москва) — известный общественный деятель, юрист, специалист в области международного права, литератор. До 1917 года — приват-доцент, с 1917 года — профессор Московского университета. Кадет. В 1918 году участвовал в антибольшевистском мятеже в Ярославле. В период Гражданской войны был консультантом и товарищем министра Уфимской директории, затем — управляющим Министерства иностранных дел Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака в Омске. В 1919 году уехал за границу, входил в состав Парижского комитета партии кадетов. Но вскоре, по его словам, “уверовав в гений Ленина”, возглавил сменовеховское общественно-политическое течение. Становится ведущим идеологом сборника “Смена вех” (Прага, 1921) и последующих сменовеховских изданий — журнала “Смена вех” (Париж, 1921 – 1922 годы) и ежедневной газеты “Накануне” (Берлин, 1922-1924). Заявлял, что “России была нужна революция” и “русская интеллигенция не могла и не должна быть иной”. Считал большевистскую идею “мировой пролетарской революции” воплощением исторической идеи российской великодержавности. Утверждал, что именно поэтому, идя на сотрудничество с большевиками, сменовеховцы “остались прежними узкими националистами”, поклонниками Великой России. Он отмечал, что сменовеховство началось в “плоскости личных переживаний отдельных русских интеллигентов”, ибо это был протест, прежде всего, против собственных политических взглядов той части русской интеллигенции, которая продолжала отрицать значение большевистской революции и осталась враждебной ей. По рекомендации В.И. Ленина, руководителя делегации РСФСР на Генуэзской конференции, отметившего аргументированность статей Ю.В. Ключникова в эмигрантской печати, последний был приглашён в 1922 году для участия в составе советской делегации на конференции в Генуе в качестве эксперта. Ю.В. Ключников вёл споры по международно-правовым вопросам с иностранными, оппонентами советской стороны, которую он считал единственным законным представителем России, ибо в большевиках видел “единственную силу, оказавшуюся способной вывести широкие массы на большие исторические пути”. В конце 1921 года по рекомендации советских представителей переехал из Парижа в Берлин, где вместе с Ю.Н. Потехиным основал ежедневную сменовеховскую газету “Накануне”. Тогда же изложил эволюцию своих взглядов в пьесе “Единый куст. Драматические картины из русской жизни” (Берлин, 1923), о реакции на постановку которой в парижских эмигрантских кругах вспоминал Д. Аминадо (См.: *Аминадо Д. Поезд на третьем пути. М., 1991, с. 260 - 261*). Летом 1922 года Ю.В. Ключников совершил турне по Советской России, выступая с лекциями. В ходе поездки ему была предложена кафедра международного публичного права в Московском университете. В августе 1922 года под давлением советских представителей и членов редакционной коллегии газеты “Накануне” был смещён с поста редактора газеты. В августе 1923 года вместе с А.В. Бобрищевым-Пушкиным, И.М. Василевским (Не-Буквой) и А.Н. Толстым вернулся на Родину. В СССР исполнял обязанности заведующего кабинетом международной политики Коммунистической Академии, преподавал, работал консультантом в Наркомате иностранных дел, сотрудничал в журнале Наркоминдела “Международная жизнь”. Под редакцией Ю.В. Ключникова в 1925 – 1926 годах были изданы тексты мирных договоров, завершивших I мировую войну. Он входил в число составителей сборников “Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях” (1925 - 1926). Постановлением “Особого Совещания” от 25 февраля 1934 года за “антисоветскую агитацию” был выслан на три года в Карелию. По данной статье реабилитирован 28 октября 1992 года А 5 ноября 1937 года вновь арестован и 10 января 1938 года приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР за “шпионско-террористическую деятельность”(статьи 58-6, 58-8, 58-13 УК РСФСР) к расстрелу. Приговор приведён в исполнение в тот же день в Москве. По второй судимости материалы архивного дела Ю.В. Ключникова до сих пор подлежат пересмотру на предмет обоснованности осуждения.

⁷ **Лежнёв** (с 1917 года, настоящие имя и фамилия — Исаак Альтшулер) **Исай Григорьевич** (псевдоним — “Григорьев”) — (1891, г. Николаев — 9 октября 1955 года, Москва) —

общественный деятель, журналист, литературовед, критик. Родился в городе Николаеве в ортодоксальной еврейской семье служащего. Покинув её в 13-летнем возрасте, включился в революционное движение, в 1906 году вступил в РСДРП, а в 1907 году за участие в стачке был выслан в Киевскую губернию. После возвращения в Николаев отошёл от революционного движения и в 1909 году выбыл из РСДРП, попав под влияние различных мистических идей. Зарабатывал на жизнь уроками, занимался самообразованием, и в 1910 году, сдав экстерном экзамен на аттестат зрелости, выехал за границу. После недолгого пребывания в Берлине и Париже, где состоялось его знакомство с А.В. Луначарским, поступил вольнослушателем на философский факультет Цюрихского университета. Весной 1914 года вернулся в Россию, работал в “Трудовой газете” в Николаеве, затем редактировал газету “Волго-Донской край” в Царицыне и, вскоре после Февральской революции, уехал в Петроград. Здесь он сотрудничал в газете “Русская воля”, издававшейся выдающимся русским писателем Л.Н. Андреевым, а также в Петроградском телеграфном агентстве. С начала 1918 года переезжает в Москву, где работает в военных учреждениях — Комиссии для поручений Всеросглавштабе, начальником Отдела печати Главного управления воинских учебных заведений, редактировал ряд военных журналов — “Красный офицер”, “Всеобуч и спорт”, “Красная типография” и другие. Летом и осенью 1920 года был мобилизован в Красную Армию, работал в Краснодаре заведующим Отделом печати Кубанско-Черноморского ревкома и редакции газеты “Красное знамя”, органа ПОАРМ. После демобилизации, в конце 1920 года, сотрудничал в Петрограде в профсоюзных организациях “Маховик” и “Труд”, был корреспондентом ряда газет, издававшихся советскими полпредствами в Берлине, Вене, Риге, Гельсингфорсе. В конце 1921 года основал журнал сменовеховской ориентации “Россия”, как “первый беспартийный литературно-общественный журнал”. Планировалось открыть филиал редакции журнала в Берлине и печатать часть тиража в Зарубежье для русских эмигрантов, однако из-за финансовых трудностей данный замысел не был осуществлён. Под псевдонимом “Михаил Григорьев” активно публикуется в сменовеховских эмигрантских изданиях — журнале “Смена веков” (Париж, 29 октября 1921 года — 25 марта 1922 года) и ежедневной газете “Накануне” (Берлин, 26 марта 1922 года — 15 июня 1924 года). В журналах “Россия” и “Смена веков”, газете “Накануне” выдвигает и последовательно проводит теорию “революционного консерватизма”, согласно которой всё наблюдаемое имеет обратную тенденцию: атеизм — религиозен, интернационализм — национален, идея — безыдейна, а “народный дух” — “исторический Дух” Гегеля. Критикует формальную демократию и разогнанное Учредительное собрание, противопоставляя им “подлинную религиозность” большевистской революции. Он настаивает на религиозности социализма, который “равнозначен атеизму лишь в узко богословском толковании. Данная теория “революционного консерватизма” во многом сближает позицию И.Г. Лежнёва с позицией сменовеховцев, хотя он сам отрицал подобное сходство. Национальные идеи “революционного консерватизма”, проповедуемые И.Г. Лежнёвым в Советской России и белой эмиграции, оказались предметом споров и компромиссов во внутрипартийной борьбе в большевистской партии в середине 1920-х годов. В преддверии решающей борьбы И.В. Сталина и так называемой “объединённой оппозиции” в мае 1926 года журнал “Россия” был закрыт, а его редактор арестован органами ОГПУ 9 мая 1926 года. По постановлению Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 10 мая 1926 года за “участие в контрреволюционной организации” (ст. 62 УК РСФСР 1922 года) И.Г. Лежнёв в административном порядке был выслан из СССР через Эстонию сроком на три года 29 мая 1926 года. По этому обвинению он был реабилитирован посмертно только 26 октября 1993 года. В Зарубежье И.Г. Лежнёв считался одним из ведущих идеологов сошедшего с политической сцены общественно-политического течения — сменовеховства, авторитетным редактором одного из лучших для 1920-х годов небольшевистских журналов. Исходя из идей “революционного консерватизма”, И.Г. Лежнёв сохранил лояльность к большевикам и советский паспорт. В Берлине он работал в советском торговом представительстве в качестве экономиста, оставаясь берлинским корреспондентом сразу нескольких советских газет. В 1929 году он обратился в ЦК ВКП (б) с просьбой разрешить ему вернуться в СССР. Письмо было оглашено на одной из районных партийных конференций большевиков в Москве и рассматривалось в ЦК ВКП (б) как “важный симптом пересмотра сменовеховской интеллигенцией своих позиций”. В марте 1930 года И.Г. Лежнёву разрешили вернуться на Родину. В первые годы после возвращения он сотрудничал в Воениздате, журнале “Военный вестник”. К осени 1933 года подготовил и в 1934 году опубликовал первый том книги о пережитом им духовном переломе и о путях русской интеллигенции вообще “Записки современника”. Сигнальный экземпляр книги и сопроводительное письмо к ней направил в ЦК ВКП (б), прося рассматривать эту книгу как расширенное заявление о приёме в

большевистскую партию. После уникального в своём роде покаяния, он становится одним из фаворитов И.В. Сталина. С 1934 года работал корреспондентом газеты “Правда”, а в 1936 году становится сначала заместителем Отдела критики и библиографии “Правды”, а позже, в 1938 году — Отделом литературы и искусства, получив одну из ключевых позиций в идеологической жизни страны. По его инициативе были созданы “литстраницы” “Правды”, он занимался редакторской работой, писал статьи о русской литературе для “Правды”. До 1939 года был одним из руководителей “чисток” в области культуры. Однако в 1939 году был отстранён от работы в газете “Правда” и занялся литературной критикой, став ведущим специалистом по творчеству М.А. Шолохова. Никогда более не возвращался к идеям близким сменовеховству, “революционному консерватизму” или чему-либо, хоть отдалённо напоминающее время “идейного плюрализма” своего редактирования журнала “Россия” и сотрудничества в эмигрантских сменовеховских изданиях. Во время Второй мировой войны, находясь в эвакуации в Ташкенте, работал вторым секретарём Союза советских писателей Узбекистана, сотрудничал в издательстве “Советский писатель”. После возвращения в Москву в 1943 году работал в Совинформбюро, изучал германскую проблематику. Умер 9 октября 1955 года в Москве.

⁸ **Лукьянов Сергей Сергеевич** (1889, Варшава — 27 февраля 1936, Республика Коми) — общественный деятель, дворянин, образование высшее, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, журналист. По данным М. Агурского Крупный медик, профессор, директор Института экспериментальной медицины. В 1909 – 1911 годах — обер-прокурор Священного Синода, был близок к П.А. Столыпину. Глубокий поклонник В.С. Соловьёва, издал относящиеся к нему материалы. После Октябрьской революции находится в антибольшевистском лагере. Являлся одним из организаторов антисоветского мятежа в Ярославле 6 – 21 июля 1918 года. С 1920 года находится в эмиграции. Один из идеологов сложного общественно-политического течения “сменовеховства”, один из авторов сборника “Смена вех” (Прага, 1921), участвовал в выпуске последующих сменовеховских изданий — журнале “Смена вех” (Париж, 1921 – 1922) и ежедневной газете “Накануне” (Берлин, 1922 – 1924). Его сменовеховские убеждения базировались на уверенности в том, что если европейские и американские правящие классы своей внутренней и внешней политикой сумеют создать и поддержать такие объективные условия, при которых противоречия внутренней и международной жизни всех стран окажутся устранёнными или сглаженными, то для Советской власти станет невозможен, а главное не нужен возврат к революционной тактике “немедленного коммунизма”. С.С. Лукьянов исключил возможность противопоставления в большевистском руководстве партийных лидеров по национальной принадлежности, как и вообще намёки на возможность национального конфликта внутри Советского правительства, на что во многом делала ставку эмиграция. По его мнению, русская революция — это традиционный русский радикализм, который лишь по стечению обстоятельств возглавлен большевиками. Он проводил историческую параллель между Смутным временем и Гражданской войной. Изменение ориентации большевиков после Гражданской войны и провозглашение новой экономической политики, считал С.С. Лукьянов, объясняется изменением их социальной базы. Русские рабочие и крестьяне на собственном опыте убедились в экономической необходимости единства России, “не только нашли экономическую базу для расширенного до общерусских пределов патриотизма в отстаивании, прежде всего, своих революционных завоеваний”, но и прониклись национальным сознанием “высокого русского подвига, несущего, хотелось бы верить, освобождение угнетённых всего мира”. Приветствуя меры большевиков в начальный период провозглашения новой экономической политики, направленные на частичную денационализацию промышленности и легализацию частной торговли, С.С. Лукьянов делал вывод о том, что в будущем в России должна будет сохраниться частная собственность, снова “неприкосновенная” в силу своего “государственно-полезного характера”. При этом, по мнению С.С. Лукьянова, это неизбежное изживание диктатуры представлялось в форме постепенного втягивания в управляющий страной аппарат всех трудящихся, независимо от их принадлежности к Коммунистической партии. После возвращения из эмиграции на Родину С.С. Лукьянов занимается журналистской деятельностью, работает главным редактором газеты “Журналь де Москоу”. Но 5 августа 1935 года арестован органами НКВД. Постановлением Особого совещания при НКВД “за активное участие в контрреволюционной группе” (ст. 58-11 УК РСФСР) заключён в исправительно-трудовой лагерь на 5 лет. По этой статье реабилитирован 17 августа 1957 года. При отбытии срока наказания в УХТПЕЧЛАГЕ (Коми АССР) тройкой НКВД СССР за “контрреволюционную агитацию и прославление фашистского

режима” (ст.58-10 УК РСФСР) приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 27 февраля 1938 года по месту заключения. По второй судимости реабилитирован 15 ноября 1956 года.

⁹ **Львов Владимир Николаевич** (1872, Москва — 1934, Томск) — известный общественный деятель, юрист, публицист, октябрист, масон. Из дворян, крупный землевладелец Бугурусланского уезда Самарской губернии. Окончил юридический и историко-философский факультеты Московского университета. После университета готовился к поступлению в монастырь, был вольнослушателем Московской духовной академии. В 1905 году участвовал в организации в Самаре отделений “Союза 17 октября”, сотрудничал в газете “Голос Самары”. С 1907 года гласный Бугурусланской уездной и Самарской губернской земских управ. Член октябристской партии. Депутат III и IV Государственных Дум от Самарской губернии. В обеих Думах был председателем Комиссии по делам Русской православной церкви. Отличался крайним радикализмом в церковной политике. С 1911 года — один из организаторов Партии центра. В августе 1915 года вошёл в Прогрессивный блок. Из шести списков будущего правительства, составленных и опубликованных в 1915 году, фигурировал в четырёх в качестве обер-прокурора Священного Синода. 27 февраля 1917 года избран членом Временного Комитета Государственной Думы, а 2 марта вошёл во Временное правительство как обер-прокурор Священного Синода. Был исключён из состава второго Временного правительства. Сыграл видную роль в корниловском заговоре, ибо именно через него генерал Л.Г. Корнилов передал ультиматум А.Ф. Керенскому, однако до конца его роль в данных событиях не выяснена. 26 августа 1917 года был арестован. После Октябрьской революции отошел от политики. В 1920 году, отступая с войсками А.В. Колчака, выехал в Японию, затем во Францию. Здесь в ноябре 1921 года неожиданно для большинства призывает признать власть большевиков, становится ярким приверженцем сложного общественно-политического течения — “сменовеховства”. В.Н. Львов считал, что Советская власть представляет собой национальную силу русского народа. Поэтому он предлагал поддержать “сильную и жизнеспособную” власть большевиков. В ноябре 1921 года демонстративно вышел из состава редакционной коллегии журнала “Смена вех”(Париж, 1921-1922), обвиняя её в том, что идеология журнала “недостаточно левая”. Тогда же выступил в Париже с докладом на тему “Советская власть в борьбе за русскую государственность”, изданным в 1922 году отдельной брошюрой в Берлине. В 1921 – 1922 годах печатался в “Известиях ВЦИК”. Не осуждая коммунистическую идеологию, как другие сменовеховцы, В.Н. Львов отличал её от “практического большевизма”, сравнивая “советскую” и “русскую” идеологии. Верил в мессианство русского народа и утверждал, что “советская” идеология и есть “русская” идеология. В 1922 году вернулся на Родину. До 1927 года работал в Высшем церковном управлении. Принимал активное участие в движении “Живая церковь”, выступающем за модернизацию христианского вероучения и культа в 1920-е годы. Занимал в церковном “обновленчестве” радикальную позицию, требуя расправы над патриархом Тихоном и до и после его освобождения. 3 марта 1927 года арестован органами ОГПУ по обвинению в “экономической контрреволюции и вредительстве” (ст. 58-7 УК РСФСР) выслан на три года в Сибирь. Постановлением Коллегии ОГПУ от 11 июля 1928 года в связи с амнистией срок ссылки был сокращён на одну четверть. Материалы архивного уголовного дела подлежат пересмотру на предмет обоснованности осуждения. В сентябре 1929 года был освобожден из ссылки, но остался на жительство в Томске, где и умер в 1934 году.

¹⁰ **Потехин Юрий Николаевич** (1888, г. Короча Курской губернии — 2 декабря 1937 года, Москва) — общественный деятель, литератор, публицист, приват-доцент Московского университета. Активный функционер кадетской партии. В апреле – мае 1918 года издавал в Петрограде журнал “Накануне”, в котором сотрудничали Н. Бердяев, Е. Коровин, С. Котляревский, В. Устинов, В. Муравьев, Н. Фиолетов, Г. Чулков, С. Кечекьян и другие. В годы Гражданской войны примкнул к Белому движению, служил у Верховного правителя Российского государства адмирала А.В. Колчака в 1918 – 1920 годах, а после его поражения – эмигрировал. В эмиграции стал участником сложного общественно-политического течения – “сменовеховства”. Участник сборника “Смена вех” (Прага, 1921) и последующих сменовеховских изданий — журнале “Смена вех” (Париж, 1921 – 1922) и ежедневной газете “Накануне” (Берлин, 1922 – 1924). Ю.Н. Потехин проводил мысль о том, что сменовеховские идеи — это естественная реакция на ход “истинного эволюционного процесса” в России. Он видел смысл большевистского переворота в свержении “органически неспособных к власти групп”. Лидеров белой эмиграции считал представителями всё тех же групп, которые

“систематической ложью, подтасовкой съездов, где можно прямым натиском” навязывают широкому массам эмигрантов свои реакционные взгляды, присвоив себе право говорить от имени всех русских эмигрантов, “представлять собой лицо эмиграции, им не будучи”. По мнению Ю.Н. Потехина, в отличие от эмигрантских лидеров, “большевики-марксисты, чутко учитывая все настроения трудящихся масс, привыкли жить их интересами. Поэтому отказ от утопии для трезвого учёта реальной действительности совершается намного быстрее и безболезненней, чем можно было ожидать”. Потехин считал, что в Советской России с провозглашением перехода к новой экономической политике и в политической, и в духовной, и в экономической области для индивидуальности открывается всё больший простор. Он подчёркивал, что ближайший этап всемирной истории определится неизбежным компромиссом между большевистской Россией и остальным миром. По его мнению, чем дальше в этом компромиссе западный капитализм пойдёт навстречу нуждам и идеалам новой, но в свою очередь считающейся с реальными экономическими условиями, России, тем безболезненней и быстрее всё человечество выйдет на пути “истинного эволюционного прогресса”. Данные сменовеховские идеи Ю.Н. Потехина во многом предвосхитили будущую “теорию конвергенции”. В 1923 году он вернулся на Родину, где ему был предложен пост руководителя одного из отделов ВСНХ. В СССР он издал несколько литературных произведений. Работал консультантом института “Атлас мира”. Арестован УНКВД по городу Москва и Московской области 22 ноября 1937 года. Постановлением тройки при УНКВД СССР по Московской области от 29 ноября 1937 года за “контрреволюционную агитацию” (ст. 58-10 УК РСФСР) приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 2 декабря 1937 года в городе Москва. Реабилитирован 24 сентября 1956 года.

¹¹ **Устрялов Николай Васильевич** (25 ноября 1890, Санкт-Петербург — 14 сентября 1937, Москва) (псевдоним П. Сурмин) — правовед, философ, политический деятель. В 1913 году окончил юридический факультет Московского университета. В 1916-1918 годах работал приват-доцентом данного университета, преподавал государственное право. Член кадетской партии. С 1916 года активно печатался в журналах “Русская мысль” и “Проблемы Великой России”, доказывал необходимость для России великодержавной империалистической политики. После Февральской революции 1917 года возглавил Калужскую организацию кадетской партии. В 1917-1918 годах сотрудничал в московской газете “Утро России” (позже “Заря России”). В 1918 году издавал вместе с Ю.В. Ключниковым и Ю.Н. Потехиным журнал “Накануне”, где подчёркивал, что революция является “подлинно русской”, а большевизм представляет собой “комплекс идей, пусть ошибочных, пусть ложных, пусть диких, но всё же издавна присущих нашему национальному сознанию”. В 1918 году приват-доцент Пермского университета. В декабре 1918 года, после захвата Перми войсками Колчака, с февраля 1919 года — директор пресс-бюро отдела печати, издатель газеты “Сибирская речь”. Утверждал, что “силой вещей линия развития русской государственности сливается с линией кадетизма”, считал политику Колчака и Деникина “единственно серьёзной и государственно-многообещающей формой белого движения”, но уже в начале 1919 года говорил Ю.В. Ключникову о возможности победы большевиков и о том, что в таком случае “мы должны быть с Россией”. В начале 1920 года эмигрировал в Харбин. В 1920-1934 годах преподавал в Харбинском университете. Одновременно работал в советских учреждениях Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД): в 1925-1928 годах — начальник учебного отдела, в 1928-1934 годах — директор центральной библиотеки. В 1920-1934 годах был редактором газеты “Новости дня”, сотрудничал в газете “Вестник Манчжурии”, а в 1920-1924 годах издавал вместе с Г. Диким альманах “Русская жизнь”. Одновременно печатался в московской газете “Россия”. Статьи Н.В. Устрялова, опубликованные в первой половине 1920 года, вошли в сборник “В борьбе за Россию” (Харбин, 1920). Признавая бесперспективность возобновления вооружённой борьбы, он писал, что большевизм будет изживать себя в атмосфере гражданского мира и этому должны способствовать национально-патриотические элементы России. Дальнейшее развитие эти идеи получили в его статье в сборнике “Смена вех” (Прага, 1921), после чего Н.В. Устрялов стал считаться главным идеологом “национал-большевизма”, или, как его обычно называли, “сменовеховства”. В докладе И.В. Сталина на XIV съезде ВКП (б) в 1925 году по поводу воззрений Устрялова было сказано: “Он служит у нас на транспорте [имелась, наверное, ввиду его служба на КВЖД — А.К.]. Говорят, что он хорошо служит., ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении партии, мечтать у нас не запрещено”. В 1925 году Н.В. Устрялов отмежевался от позиции “сменовеховцев”, группировавшихся вокруг берлинской газеты “Накануне”, которые, по его словам, довольствовались лишь некоторыми корректировками “социалистического строительства”. По мнению Н.В. Устрялова, “раз став на путь уступок,

советская власть окажется настолько увлечённой их логикой, что возвращение на старые позиции коммунистического правоверия будет для неё уже невозможным”. Размышляя о вероятной эволюции государства в СССР, он не считал неминуемой “рецепцию Россией западных конституционных канонов” и рассчитывал, что России удастся создать новый “культурно-государственный тип, авторитетный для Запада”, включающий в себя и советскую систему, которую “мы непростительно не учитывали, когда пребывали в белом лагере”. Однако в конце 1920-х — начале 1930-х годов Н.В. Устрялов был вынужден признать, что надежды на реставрацию капитализма не оправдываются в связи с успехами индустриализации и коллективизации, которые “обновили страну”, из чего следует, что нужно сделать “реальный выбор — с революционным государством против его врагов”, а “двусмысленная лояльность в спедовской среде” неприемлема, как и вредительство. В 1934 году он заявил, что о возвращении к капиталистическим отношениям больше не может быть речи, все правоуклонистские и “перерожденческие” теории утратили почву. В 1935 году, после продажи КВЖД Японии, был вынужден, как советский служащий, вернуться на Родину, предусмотрительно перед отъездом переправив свой архив в США. В СССР работал профессором экономической географии в Московском институте инженеров транспорта и некоторое время — в Московском государственном университете. Но 6 июня 1937 года был арестован органами НКВД СССР, а 14 сентября 1937 года военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в “шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации” (статьи 58-1, 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР) приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение в тот же день в Москве. Н.В. Устрялов реабилитирован 20 сентября 1989 года.

¹² **Чахотин Сергей Сергеевич** (1883, Константинополь — 1973, Москва) — известный общественный деятель, крупный учёный-микробиолог, профессор, популярный публицист. В период Гражданской войны руководил освободительным агенством Добровольческой армии генерала М.В. Алексеева в 1918 году, а затем в 1918-1919 годах работал у Верховного правителя Российского государства адмирала А.В. Колчака. С 1920 ода — в эмиграции, где примкнул к сложному общественно-политическому течению “сменовеховство”. Был одним из авторов известного сборника “Смена вех” (Прага, 1921), сотрудничал в сменовеховских изданиях — журнале “Смена вех” (Париж, 1921 – 1922) и ежедневной газете “Накануне” (Берлин, 1922 – 1924). Сменовеховские идеи С.С. Чахотина базировались на убеждении, что нет реальной политической силы, которая сможет сменить большевиков. С.С. Чахотин называл эти российские политические партии “трупам”, обломки которых “по сию пору, сидя давно за границей, не могут перестать грызться между собой на потеху всего мира”. Поэтому единственно возможным путём развития, альтернативным большевизму, он считал синтез различных политических и экономических систем. При этом важная роль в модели С.С. Чахотина отводилась идеальной научной организации труда. В феврале 1923 года в Москве вышла в свет его книга “Организация. Принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике”, где обобщались последние достижения западных учёных по вопросам научной организации труда и эффективности производства. А в 1924 оду Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции опубликовал ещё одну работу С.С. Чахотина — “Европейская литература по НОТ”. Автор отмечал, что перед страной стоит грандиозная задача быстрого восстановления своих сил в трудных условиях после экономической катастрофы, но это может нам удастся только при рациональной организации всей хозяйственной, государственной и общественной жизни. В целях повышения производительности труда С.С. Чахотин предлагал использовать на советских предприятиях систему организации труда Фредерика Тейлора, которая способствует “достижению в кратчайший срок с минимальными затратами энергии намеченной цели». С.С. Чахотин на много десятилетий опередил советскую экономическую мысль в попытках “Улучшить социализм” за счёт материальной заинтересованности трудящихся и экономического стимулирования труда. Поэтому успех его книг в 1920-е годы был очевиден, они выдержали переиздания. Через эти экономические, а не политические, и уж тем более не военные, мероприятия он надеялся добиться корректировки курса большевиков и превращения России в великое, процветающее государство, центр нового мирового сообщества — III Интернационала. Подобные взгляды во многом предопределили то, что в 1920-х годах С.С. Чахотин был приглашён Наркомом внешней торговли РСФСР Л.Б. Красиным возглавить отдел Советского торгового представительства в Берлине. Кроме того, в 1923 году он был командирован в Женеву на суд убийц генерального секретаря советской делегации на Лозаннской конференции по вопросам Ближнего Востока (20 ноября 1922 — 24 июля 1923 годов) В.В. Воровского — белоэмигрантов Конради и Полунина в качестве общественного

обвинителя. Но только организаторская и общественная деятельности не удовлетворяли С.С. Чахотина. Будучи крупным учёным, биологом-экспериментатором, он отдаётся научным исследованиям. С разрешения Советского правительства, как имеющий советское подданство, он переехал в 1932 году в Италию, а затем вновь вернулся в Германию. В годы II мировой войны принял активное участие в движении Сопротивления, стал одним из первых организаторов всемирного движения учёных, борющихся за мир. После освобождения Франции от гитлеровского фашизма, он работал в рамках французской организации интеллектуалов "Science-Action-Liberation" в качестве генерального секретаря в Париже. Занимался организацией конференций, публицистикой и пропагандой методов изучения экономической, политической, социальной и культурной жизни. С конца 1940-х годов жил в СССР. Стал старейшим членом Академии биологических наук. До 1970-х годов работал в Институте биофизики Академии наук СССР под Москвой.

¹³ **"Смена вех"** — журнал эмигрантской интеллигенции, продолживший пропаганду идей сборника "Смена вех" (Прага, 1921). С 29 октября 1921 года по 25 марта 1922 года вышло 20 номеров. В них были опубликованы публицистические материалы А. Бобрицева-Пушкин, В. Белова, М. Григорьева, Р. Гуля, Б. Дюшена, Ю. Ключникова, Г. Луковского, С. Лукьянова, А. Львовича, В. Львова, Н. Насветича, А. Носкова, Ю. Потехина, П. Садыкера, С. Стелецкого, Н. Устрялова, С. Чахотина, проживавших в то время в эмиграции, а также материалы из России Н. Ашешова, А. Блока, Э. Голлербаха, С. Городецкого, Е. Дорошевича, П.С. Когана, М. Кузьмина, В. Лаврепкого, В. Муйжеля, С. Членова. Выпуск журнала в финансовом плане поддерживался представителями Советской власти. Именно по финансовым соображениям и по требованию советского представителя выпуск журнала в Париже был заменен на выпуск ежедневной сменовеховской газеты "Накануне" в Берлине.

¹⁴ **"Накануне"** — центральный печатный орган сменовеховцев. Газета выходила в Берлине с марта 1922 года по 15 июня 1924 года. Газета продолжила пропаганду идей, высказанных ранее в сборнике "Смена вех" (Прага, 1921) и журнале "Смена вех" (Париж, октябрь 1921 года март 1922 года). По финансовым причинам и по требованию советских представителей издание данной газеты было организовано в Берлине для воздействия на демократические слои эмигрантской интеллигенции, особенно широко представленные в Германии и ее столице. Первоначально в состав редколлегии входили Г.Л. Кирдецов, Б.В. Дюшен, С.С. Лукьянов, Ю.Н. Потехин при редакторе Ю.В. Ключникове. С № 114 от 23 августа 1922 года главным редактором стал Г.Л. Кирдецов, а в редколлегию вошли С.С. Лукьянов, П.А. Садыкер, С.С. Чахотин, так как Ю.В. Ключников и Ю.Н. Потехин были приглашены в Москву, и под давлением советских представителей и остальных членов редакции были смещены со своих постов в редакции газеты "Накануне". Всего в издании газеты принимало участие около 400 корреспондентов, преимущественно из числа эмигрантской демократической интеллигенции. Достаточно быстро чисто газетное дело выросло в крупномасштабное предприятие — акционерное общество издательского дела "Накануне". Оно занималось не только издательской деятельностью, но также и вопросами репатриации, представляла некоторые службы Красного Креста. "Накануне" оказалась единственной эмигрантской газетой, разрешенной к ввозу на советскую территорию, и доставлялась в Москву авиакомпанией "Дерулофт". Газета оказала существенное воздействие на организацию движения "возвращенчества" российских эмигрантов. Одновременно "Накануне" с патриотических позиций отстаивала внешнеполитические интересы страны. На ее страницах шел интенсивный диалог двух разделенных частей единой российской культуры: советской и эмигрантской. Газета издавала воскресное литературное приложение под редакцией А.Н. Толстого, а также по четвергам экономическое обозрение под редакцией профессора Г.Г. Швитгау, кинообозрение под редакцией О.С. Мельника. Здесь печатались М. Булгаков, С. Есенин, В. Катаев, К. Федин, А. Неверов, О. Мандельштам, М. Зощенко, Б. Пильняк, А. Яковлев и многие другие известные представители российской творческой интеллигенции 1920-х годов. Всего вышел 651 номер газеты. Из-за финансовых трудностей и усиливающихся разногласий в редколлегии 15 июня 1924 года было объявлено о прекращении выпуска газеты, официально объясненного редакцией завершением выполнения основной сменовеховской задачи — "разложения белой эмиграции".

¹⁵ **"Новая Россия"** ("Россия") — ежемесячный литературно-общественный журнал сменовеховской ориентации. Главный редактор — И.Г. Лежнев. Журнал издавался в Петрограде и в Москве с марта 1922 года по март 1926 года. Планировалось открыть филиал редакции журнала в Берлине и печатать часть тиража в Зарубежье для русских эмигрантов, однако из-за финансовых трудностей данный замысел не был осуществлён. С начала издания до конца 1923

года ведущее место в журнале занимала публицистика, в 1924 – 1925 годах — литературно-художественные произведения. Журнал задумывался как "первый беспартийный общественный журнал", предназначенный, в первую очередь, для интеллигенции. На страницах журнала предполагалось выработать "новую идеологию" для "новой общественности". Состав авторов журнала был неоднородным: здесь печатались близкий к берлинским сменовеховцам главный редактор журнала И.Г. Лежнев, В.Г. Тан-Богораз, не признающий своего идейного родства со сменовеховцами; откровенные сменовеховцы Н.В. Устрялов и С.С. Лукьянов; известный генерал А. Брусилов, литераторы А. Ремизов, Е. Замятин, Н. Тихонов, П. Антокольский, Б. Пастернак, В. Ходасевич, О. Мандельштам, Е. Полонский, В. Хлебников, Е. Полонский, В. Хлебников, М. Кузьмин, В. Брюсов, А. Белый, Б. Пильняк, В. Лидин, Ник. Никитин, М. Слонимский, И. Эренбург, О. Форш, М. Булгаков, а также некоторые зарубежные авторы. Весной 1923 года планировалось издавать журнал в Берлине при сохранении редколлегии в Москве. При этом часть издания предполагалось оставлять за границей, остальной тираж привозить в СССР, но по причине разразившейся в Германии инфляции данный план не был осуществлен. В преддверии решающей борьбы И.В. Сталина с так называемой "объединенной оппозицией" в мае 1926 года журнал "Россия" был закрыт, а его редактор в административном порядке выслан за границу.

¹⁶ Агурский М. *Идеология национал большевизма*. Париж, YMCA-PRESS. 1980; Квакин А.В. *Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа: 1921-1927*. Саратов, 1991; Федюкин С.А. *Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу*. М., 1977; Kvachonkine, Alexandre. *Histoire d'une manipulation: Les Bolcheviks et le mouvement émigré "Changegement des Jalons" // Communisme*. Paris, 1995, # 42/43/44; Hardeman, Hilde. *Coming to terms the Soviet regime: the "Changing signposts" movement among Russian émigrés in the early 1920s*. Illinois, 1994.

¹⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University: *Konstitutsionno-demokraticeskaja Partija; Maklakov V.A.; Ustrialov N.V.; Russia. Posol'stvo. U.S.A.* (Далее в тексте ссылка на Гувверский архив будет указывать только название коллекции, номера коробки и папки).

¹⁸ По этому вопросу см.: Antony Kröner. *The debate between Milukov and Maklakov on the chances for Russian liberalism*. Amsterdam. 1998.

¹⁹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-5. Письмо В.А.Маклакова Б.А.Бахметеву 12 марта 1920 г.* Фрагменты данного письма были опубликованы О.В.Будницким в примечаниях к статье «**В поисках Новой России (Письма Б.А.Бахметева и В.А.Маклакова)**» // *Отечественная история*. 1997. № 1. С. 146-147.

²⁰ Hoover Institution Archives. *Russia. Posol'stvo. U.S.A. Box 4. Folder 4.-1. Telegrams, 1919-1920.*

²¹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-4.*

²² Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-4.*

²³ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-4.*

²⁴ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-4.*

*

²⁵ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-4.*

²⁶ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-4.*

²⁷ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-5.*

²⁸ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-5.*

²⁹ Hoover Institution Archives. *Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 2. Folder 2-17.*

³⁰ Hoover Institution Archives. *Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 2. Folder 2-17.*

³¹ Фрагменты данного письма были опубликованы О.В. Будницким в примечаниях к статье «**В поисках Новой России (Письма Б.А. Бахметева и В.А. Маклакова)**» // *Отечественная история*. 1997. № 1. С. 147 в искаженном виде: «Я поддерживаю, сознательных, – писал он, – а не убежденных, потому что эти два понятия не совпадают» .

³² Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-5.*

³³ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-5.*

*

³⁴ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-5.*

³⁵ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-7.*

³⁶ Hoover Institution Archives. *Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 2. Folder 2-17.*

³⁷ Hoover Institution Archives. *Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 2. Folder 2-17.*

³⁸ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-5..*

³⁹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-5.*

⁴⁰ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-5.*

* **примкнувших (фр.)**

** **Всякий режим губят примкнувшие к нему (фр.)**

⁴¹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-5.*

⁴² Hoover Institution Archives. *Konstitutionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3.-2.*

⁴³ Hoover Institution Archives. *Konstitutionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3.-3.*

⁴⁴ **Ллойд Джордж Дэвид** (1836 – 1945) – один из лидеров Либеральной партии Великобритании. В 1905 – 1908 годах был министром торговли, в 1908 – 1915 годах – министр финансов. С 1916 по 1922 год исполнял обязанности премьер-министра Великобритании. До осени 1919 года активно поддерживал интервенцию против Советской России, затем, осознав бесперспективность интервенции, выступил за налаживание сотрудничества с РСФСР.

⁴⁵ Hoover Institution Archives. *Konstitutionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3.-11.*

⁴⁶ Hoover Institution Archives. *Konstitutionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3.-4.*

⁴⁷ Hoover Institution Archives. *Konstitutionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3.-4.*

⁴⁸ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-9.*

⁴⁹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-9.*

⁵⁰ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-9.*

⁵¹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-9.*

⁵² Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-13.*

⁵³ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-13.*

⁵⁴ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-13.*

⁵⁵ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-13.*

⁵⁶ **Шульгин Василий Витальевич** (1878 – 1976) – политический деятель, публицист, писатель. Закончил юридический факультет Киевского университета. Монархист, один из лидеров правого крыла II – IV Государственных Дум. В IV Государственной Думе входил в оппозиционный правительству Прогрессивный блок. Вместе с А.И. Гучковым принимал отречение Николая II. Участвовал в организации Белого движения, возглавлял комиссию по национальным делам в «Особом совещании» А.И. Деникина, редактировал в Екатеринодаре с конца 1918 года газету «Россия», затем – «Великая Россия». В конце 1920 года эмигрировал. В Зарубежье сотрудничал в газете «Возрождение». В 1925 – 1926 годах совершил нелегальную поездку в СССР по каналам организации «Трест», по итогам которой издал в эмиграции книгу «Три столицы». В конце 1930-х годов отошел от активной политической деятельности. В 1944 году арестован СМЕРШ в Югославии, вывезен в СССР, где был заключен во Владимирскую тюрьму. В 1956 году освобожден. В начале 1960-х годов призывал эмиграцию к сотрудничеству с Советской властью. Автор ряда публицистических книг: «Дни», «1920», «Что нам в них не нравится», «Годы», «Опыт Ленина».

⁵⁷ **Струве Петр Бернгардович** (1870 – 1944) – философ, экономист, историк, публицист, общественный и политический деятель, академик Петербургской Академии наук (1917). В 1890-е годы – один из лидеров русского марксизма, автор «Манифеста РСДРП» 1898 года. В дальнейшем эволюционировал «от марксизма к идеализму». Участник и организатор сборников «Проблемы идеализма» (1901), «Вести» (1909), «Из глубины» (1918). Редактор журналов «Освобождение» (1902 – 1905), «Полярная звезда» (1905 – 1906), «Русская мысль» (1906 – 1917). Член ЦК кадетской партии с 1906 года до выхода из нее в 1915 году. Выдвинул концепцию «Великой России», сущность которой является «национально-либеральный империализм». Участвовал в организации Белого движения. Член Особого совещания при Деникине. Возглавлял Управление внешних сношений в правительстве Врангеля. В эмиграции редактировал журнал «Русская мысль» (1921 – 1927), газеты «Возрождение» (1925 – 1927) и «Россия» (1928), участвовал в руководстве газеты «Россия и славянство» (1928 – 1932). В 1926 году был председателем и организатором Зарубежного съезда. Идеальный лидер правоцентристов. В 1930-х годах отходит от политической деятельности. Председатель Отделения общественных наук Русского научного института. Умер в Париже.

⁵⁸ **Набоков Владимир Дмитриевич** (1869 – 1922) – один из лидеров кадетов. Из дворян. Сын министра юстиции при Александре II. Закончил юридический факультет Петербургского университета. Профессор уголовного права, камер-юнкер. Член «Союза Освобождения», соредактор газеты «Речь». Депутат I Государственной Думы. В 1914 – 1915 годах проходил службу в качестве офицера ополчения, затем был делопроизводителем в Главном штабе. В 1917 году занимал пост управляющего делами Временного правительства, участвовал в юридической

подготовке учредительного собрания, товарищ председателя Предпарламента. После Октябрьской революции член «Комитета спасения Родины и Революции», министр юстиции Крымского краевого правительства. С апреля 1919 года в эмиграции. Соредактор газеты «руль». Погиб при покушении на П.Н. Милокова, пытаясь разоружить террориста. Оставил мемуары.

⁵⁹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-13.*

⁶⁰ См.: *Устрялов Н.* Под знаком революции. Харбин, 1927. с. 118.

*

**

⁶¹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-13.*

⁶² Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-13.*

⁶³ **Бурцев Владимир Львович** (1862 – 1942) – публицист, издатель, историк. Из семьи военного. С 1883 года – член народовольческих кружков. Неоднократно репрессировался за революционную деятельность. Занимался историей революционного движения, один из редакторов журнала «Былое». Известен разоблачением провокаторов охранки, в первую очередь известно его разоблачение Е.Ф. Азефа. В 1917 году издавал ряд газет в России. Резко выступал против Октябрьской революции, за что по приказу Л.Д. Троцкого 25 октября 1917 года был заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения в феврале 1918 года эмигрировал. В Зарубежье издавал газету «Общее дело», входил в редакцию журнала «борьба за Россию», состоял в «Русском национальном комитете», в «Братстве Русской правды» и в масонской ложе «Великий Восток Франции». Боролся против антисемитской политики нацистской Германии, составил в этом ключе книгу «Протоколы сионских мудрецов – доказанный подлог». За это в период оккупации Франции преследовался гестапо. Последние годы жил в крайней нищете, умер от заражения крови.

⁶⁴ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-13.*

⁶⁵ **Кобленц** – город на юге Германии. В переносном смысле «Кобленц» – кобленцкая эмиграция, то есть французская феодально-монархическая эмиграция в период Великой французской революции с центром в германском городе Кобленц. Она сформировала армию, которая в 1792 году участвовала в австро-прусской интервенции во Францию. В 1794 году французские республиканские войска заняли Кобленц, положив конец кобленцкой эмиграции.

⁶⁶ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-13.*

⁶⁷ **Гредескул**

⁶⁸ **Ольденбург Сергей Сергеевич** (1888 – 1940) – историк, публицист. Сын известного востоковеда С.Ф. Ольденбурга. Участник Белого движения. Первоначально эмигрировал в Турцию, позже жил в Германии, а затем во Франции. В Берлине издавал газету «Грядущая Россия», потом сотрудничал в газетах «Возрождение», «Россия», «Россия и славянство». Ближайший соратник П.Б. Струве. Член Национального комитета, лидер Народно-монархической партии конституционных монархистов. Один из основных докладчиков на Зарубежном съезде 1926 года. Автор широко известной монографии «Царствование императора Николая II».

⁶⁹ **Путилов Александр Иванович** (1866 – после 1926) – русский капиталист. Из дворян. До 1906 года служил в министерстве финансов. Директор Русско-китайского, а затем Русско-азиатского банков. Участник многих акционерных обществ. Совладелец концерна Стахеева – Батолина. После Октябрьской революции проживал в эмиграции.

⁷⁰ **Савинков Борис Викторович** (1879 – 1925) – один из руководителей Боевой организации партии эсеров с 1903 года, лично руководил подготовкой ряда громких террористических актов. В 1917 году исключен из партии за отказ дать объяснения ЦК о своей роли в корниловском выступлении, когда Савинков публично заявил о своей солидарности с Корниловым в целях, но о –расхождении в средствах. Активный участник антибольшевистской борьбы. В 1920 году был председателем «Русского политического комитета» в Польше, где пользовался поддержкой своего личного друга Ю. Пилсудского. Формировал на территории Польши антисоветские военные отряды.

⁷¹ **Милоков Павел Николаевич** (1859 – 1943) – политический деятель, историк, один из лидеров российского либерализма. Закончил Московский университет, где учился у П.Г. Виноградова, В.О. Ключевского, Н.С. Тихонравова. В 1886 – 1895 годах был приват-доцентом Московского университета, но уволен за «вредное влияние на молодежь». В 1905 году – глава Съезда союзов и один из основателей партии кадетов, член ее ЦК. Депутат III – IV Государственных Дум. В 1915 году инициатор создания Прогрессивного блока. В ноябре 1916 года выступил в Государственной Думе с обличительной речью против императрицы и царских

министров, основанной на слухах в иностранной печати, но не на фактах, получившей известность по всей России. Активный участник Февральской революции, член Временного Комитета Государственной Думы. Уговаривал Великого Князя Михаила Александровича не отречься от престола вслед за Николаем II, считая конституционную монархию необходимой опорой Временного правительства. В марте – апреле 1917 года занимал пост министра иностранных дел, поддерживал Л.Г. Корнилова, был членом Предпарламента. Активный участник антибольшевистского движения, сторонник свержения большевиков силами интервентов. С 1921 года по 1941 год в Париже издавал газету «Последние Новости». Выдвинул тезис об «эволюции советской системы», к которой считал необходимым приравнивать тактику эмиграции. В 1922 году на него было совершено покушение монархистами, но пуля попала в В.Д. Набокова, заслонившего собой П.Н. Милокова. В Зарубежье был одним из лидеров Республиканско-Демократического Объединения, в котором пытался сплотить сторонников его тактики эволюции. В 1939 году приветствовал заключение пакта о ненападении СССР и Германии, войну СССР против Финляндии («Мне жаль финнов, но мне нужна Выборгская область»). с начала Великой Отечественной войны открыто заявил о своей солидарности с правительством СССР. Как историк, П.Н. Милоков получил известность благодаря таким трудам, как «Очерки по истории русской культуры», «Главные течения русской исторической мысли», «История второй русской революции» и многие другие. Оставил мемуары.

⁷² **Земгор** – объединенный комитет Земского и Городского союзов. Был создан 10 июля 1915 года для помощи правительству в организации снабжения русской армии. Ведал мобилизацией мелкой и кустарной промышленности. Октябрьскую революцию встретил враждебно, в январе 1918 года упразднен декретом СНК, но его деятели продолжали работу в эмиграции.

⁷³ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-13.*

⁷⁴ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-15.*

⁷⁵ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-16.*

⁷⁶ **Красин Леонид Борисович** (1870 – 1926) – советский государственный и большевистский деятель. Член партии с 1890 года. Инженер. Член группы Бруснева. Агент газеты «Искра». В 1903 – 1907 годах избирался членом ЦК РСДРП. В Революцию 1905 – 1907 годов был руководителем боевой технической группы при ЦК партии. С 1918 года становится членом Президиума ВСНХ, наркомом торговли и промышленности. В 1919 году – нарком путей сообщения. С 1920 года был назначен наркомом внешней торговли, одновременно полпредом и торгпредом в Англии, а с 1924 года – во Франции. С 1924 года был членом ЦК ВКП (б).

⁷⁷ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-16.*

⁷⁸ **Прокопович Сергей Николаевич** (1871 – 1955) – политический деятель. Из семьи генерала. Закончил Брюссельский университет. Участвовал в социал-демократическом движении, в 1905 году был членом ЦК кадетской партии. С 1906 года не примыкал ни к одной партии, считал себя «нефракционным социалистом». Видный масон. Активный участник кооперативного движения. В 1917 году – член Совета всероссийских кооперативных съездов и исполкома Комитета московских общественных организаций, с мая по сентябрь – председатель Главного Экономического Комитета и заместитель председателя Экономического Совета Временного правительства, одновременно с июля по сентябрь министр торговли и промышленности, с 25 сентября министр продовольствия Временного правительства. 25 октября 1917 года арестован, но вскоре отпущен. Возглавил подпольное Временное правительство до ноября 1917 года, входил в Комитет спасения Родины и Революции и «Союз Возрождения». В 1921 году – член Всероссийского Комитета помощи голодающим, в 1922 году выслан из Советской Российской Федерации. В эмиграции сотрудничал в Республиканско-Демократическом объединении, издавал журналы «Экономический вестник», «Русский экономический сборник», занимался научной работой, написал несколько исследований по экономической истории России.

⁷⁹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-16.*

⁸⁰ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-17.*

⁸¹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-17.*

⁸² Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-18.*

⁸³ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-18.*

⁸⁴ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-18.*

⁸⁵ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-17.*

⁸⁶ **Гирс Михаил Николаевич** – посол в Италии, старейшина русского дипломатического корпуса за границей.

⁸⁷ **Нольде**

⁸⁸ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-18.*

⁸⁹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-18.*

⁹⁰ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-18.*

⁹¹ **Гамбетта Леон** (1838 – 1882) – премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881 – 1882 годах. Лидер левых буржуазных республиканцев, член «Правительства национальной обороны» с сентября 1870 по февраль 1871 года, пытался организовать отпор прусским оккупантам. Вместе с тем, боясь развязать революционную войну, тормозил развертывание партизанского движения. В 1870-х годах выступал против клерикалов и монархистов. В конце жизни справился с правыми буржуазными республиканцами.

⁹² Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 3. Folder 3.-18.*

⁹³ **Авксентьев Николай Дмитриевич** (1878 – 1943) – политический деятель, масон. Из дворянской семьи. Получил философское образование в России и Германии. В 1899 году был исключен из Московского университета в связи со студенческими беспорядками, но закончил университет в Гейдельберге. С начала XX века являлся одним из основателей и идеологов партии социалистов-революционеров, член ее ЦК с 1907 года. Был участником революции 1905 – 1907 годов, товарищем председателя Петербургского Совета рабочих депутатов. Был арестован, сослан в Сибирь, бежал за границу. В 1907 – 1917 годах проживал в эмиграции, редактировал эсеровскую газету «Знамя труда», выступал против террора. В годы первой мировой войны – «оборонец». В 1917 году вернулся в Россию, был членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, председателем Всероссийского Совета крестьянских депутатов, министром внутренних дел 2-го коалиционного правительства, председателем Предпарламента. После Октябрьской революции один из организаторов «Комитета спасения Родины и Революции», «Союза защиты Учредительного Собрания», «Союза Возрождения России». В сентябре – ноябре 1918 года исполнял обязанности председателя Временного Всероссийского правительства (Директории). После колчаковского переворота в Омске 18 ноября 1918 года выслан в Китай, в 1919 году переехал в Париж. В 1920 – 1940 годах вел активную деятельность в различных эмигрантских организациях, руководил масонской ложей «Северная звезда», издавал журнал «Современные записки». В 1940 году выехал в США, где выпускал журнал «За свободу».

⁹⁴ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4.-1.*

* **reconciliation** (англ.) – примирение, улаживание, урегулирование, примирительная процедура, согласование.

** **araisement** (англ.) – умиротворение, политика умиротворения.

⁹⁵ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4.-1.*

⁹⁶ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4.-1.*

⁹⁷ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4.-1.*

⁹⁸ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4.-1.*

⁹⁹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4.-2.*

¹⁰⁰ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4.-3.*

¹⁰¹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4.-4.*

¹⁰² Hoover Institution Archives. *Ustrialov N.V. Box 1. Folder 1.-11.*

¹⁰³ **Трубецкой Н.С.** (1890 – 1938) – лингвист, философ, культуролог, приват-доцент Московского университета. С 1920 года жил и работал в Софии. Инициатор международных конгрессов славистов в Гааге (1928) и Праге (1929). В период изучения философии российской истории издал книгу «Европа и человечество» (1920), положившую начало евразийству.

¹⁰⁴ Hoover Institution Archives. *Ustrialov N.V. Box 1. Folder 1.-11.*

¹⁰⁵ **Термидор** – термидорианский контрреволюционный переворот 27/28 июля 1794 года (то есть 9 термидора II года по республиканскому календарю), свергший якобинскую диктатуру и положивший конец Великой французской революции.

*

**

*** “Der Untergang des Abendlandes” (нем.) – в точном переводе – «Закат Запада», но принято по одному из вариантов перевода книги *О.Шпенглера* как «Закат Европы».

¹⁰⁶ Hoover Institution Archives. *Ustrialov N.V. Box 1. Folder 1.-11.*

¹⁰⁷ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4.-6.*

¹⁰⁸ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4.-9.*

¹⁰⁹ **Национальный Комитет** – создан в июне 1921 года на съезде «Национального объединения» в Париже, в котором принимали участие правые кадеты во главе с В.Д. Набоковым, некоторые социалисты (прежде всего В.Л. Бурцев) и беспартийные центристы (например, А.В. Карташев, избранный председателем Комитета). В Комитет вошли 74 человека (среди них – П.Б. Струве, И.В. Гессен, И.А. Бунин, А.И. Куприн, С.С. Ольденбург и другие). Основной Комитета стала «широкая антибольшевистская платформа», подвергшаяся критике за расплывчатость как слева, так и справа.

¹¹⁰ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4-11.*

¹¹¹ **Дикий Григорий Никифорович** (1888 – 1961) – сменовеховец, товарищ и сослуживец Н.В. Устрялова, заведовал в 1920-е годы экономическим бюро КВЖД. Во время гражданской войны переехал с семьей из Екатеринбургa во Владивосток, а оттуда, в 1920 году, в Японию. В 1922 году переселился в Маньчжурию, где в 1924 году принял советское гражданство. В Харбине совместно с Устряловым принимал участие в издании сменовеховского альманаха «Русская Жизнь». В 1929 году, будучи на территории СССР и предчувствуя возможный арест, Дикий бежал в Харбин. В 1930 году он с семьей отплыл из Дайрена в Шанхай, а оттуда во Францию и далее – в Бельгию, где обосновался. Занимался продвижением позиций Устрялова среди европейской эмиграции.

¹¹² Hoover Institution Archives. *Ustrialov N.V. Box 1. Folder 1-11*

¹¹³ **Манухин Иван Иванович** (1882 – 1958) – врач-терапевт, ученый-иммунолог, радиобиолог. В 1906 году закончил Военно-медицинскую академию в Петербурге. В 1910 году уехал в Париж. После Февральской революции возвратился в Россию. С весны 1917 года работал врачом Трубечского бастиона Петропавловской крепости, где в заключении содержались бывшие члены царского правительства и сотрудники различных департаментов. После прихода к власти большевиков, сотрудники Политического Красного Креста уговорили Манухина продолжить свою работу в Петропавловской крепости, что позволило многим узникам выйти на свободу. С 1921 года в эмиграции, где продолжал врачебную практику. Опубликовал воспоминания.

¹¹⁴ **Кускова Екатерина Дмитриевна** (1869 – 1958) – общественная и политическая деятельница. Из семьи учителей. В социал-демократическом движении в 1897 – 1900, затем член «Союза Освобождения». Видная масонка вместе с мужем С.Н. Прокоповичем активно участвовала в кооперативном движении. В 1917 году редактировала в Москве газету «Власть народа», поддерживала политический курс А.Ф. Керенского, была членом Предпарламента. Октябрьскую революцию восприняла враждебно, но не приняла и Белое движение, выдвинула формулу: «ни Ленин, ни Колчак». В 1921 одна из организаторов Всероссийского комитета помощи голодающим. В 1922 году выслана за границу. Сотрудничала с Республиканско-демократическим объединением П.Н. Милокова. Оставила мемуары.

¹¹⁵ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4-14.*

¹¹⁶ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4-14.*

¹¹⁷ **Евлогий** (Георгиевский Василий Семенович) (1868 – 1946) – церковный деятель, митрополит. В России был ректором Холмской семинарии, епископом Люблинским, депутатом II и III Государственных Дум, где примыкал к националистам). В 1917 году – член Священного Синода, с декабря 1917 по сентябрь 1919 года находился под арестом петлоровцев в Польше, Австрии и Румынии. С сентября 1919 по январь 1920 года работал в Высшем Церковном Управлении в Новочеркасске. В январе 1920 года эмигрировал. В эмиграции митрополит Русской Православной Церкви в Западной Европе. В общественной жизни Российского Зарубежья проводил подчеркнуто аполитичную линию. В 1931 году вместе со своей митрополией ушел под юрисдикцию Константинопольского патриарха. Покровительствовал многим неортодоксальным русским богословам (например, отцу Сергию Булгакову).

¹¹⁸ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4-14.*

¹¹⁹ **«Новое время»** – Ежедневная газета под редакцией М.А. Суворина. Выходила в Белграде с 1921 по 1931 год.

¹²⁰ **«Дни»** – газета под редакцией А.Ф. Керенского. Выходила с 1922 по 1933 год первоначально в Берлине как «Русская ежедневная газета по вопросам политики, экономики и культуры», а затем с 1924 года как «Русская республиканская ежедневная газета», позже с 1925 года как «Ежедневная русская газета» в Париже. С 1933 по 1936 год выходила как еженедельник «Свобода».

¹²¹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4-14.*

*

¹²² Hoover Institution Archives. *Ustrialov N.V. Box 1. Folder 1.-3.*

¹²³ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4.-15.*

¹²⁴ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4.-17.*

¹²⁵ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 4.-18.*

¹²⁶ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 5.-1.*

¹²⁷ **Воровский Вацлав Вацлович** (1871 – 1923) – публицист, дипломат. Из семьи инженера. Окончил Московское высшее техническое училище. Участник социал-демократического движения с 1894 года. Сотрудник многих большевистских изданий. Один из первых советских дипломатов. В 1917 – 1919 годах – полпред РСФСР в Скандинавских странах. В 1919 – 1921 годах работал в Наркомпросе, Наркоминделе, Госиздате. В 1921 – 1922 годах полпред РСФСР в Италии. С 1922 года генеральный секретарь советской делегации на Генуэзской и Лозаннской международных конференциях. Убит в Лозанне 10 мая 1923 года офицерами-эмигрантами Конради и Полуниным.

¹²⁸ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 5.-2.*

¹²⁹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 5.-2.*

* **Интердикт** (от лат. Interdictum – запрещение) – в католицизме временный запрет (без отлучения от церкви) Папы либо епископа совершать на территории, подвергшейся наказанию, богослужение и религиозные обряды. Широко применялся в XI – XII веках.

¹³⁰ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 5.-2.*

¹³¹ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 5.-2.*

*

¹³² Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 5.-2.*

**

¹³³ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 5.-2.*

¹³⁴ Hoover Institution Archives. *Maklakov V.A. Box 4. Folder 5.-4.*

«**АРА**» (ARA, сокращение от английского названия American Relief Administration – «Американская администрация помощи»). В 1919 – 1923 годах ее руководителем был будущий президент США Г. Гувер). «АРА» была создана для оказания помощи европейским странам, пострадавшим в первой мировой войне. «АРА» использовалась для укрепления позиций США в послевоенной Европе. В 1921 году в связи с голодом в Поволжье деятельность «АРА» была разрешена в РСФСР. Ее органы нередко действовали во враждебных советскому государству целях.

Василевский Илья Маркович (псевдоним Не-Буква) (28 декабря 1883, Полтава — 14 апреля 1938, Москва) — фельетонист, издатель, критик. Окончил гимназию в Полтаве. В 1905-1907 годах печатал фельетоны в петербургских сатирических журналах “Аксиома”, “Булат”, “Застрельщик”. В 1907-1911 годах руководил издание либеральной газеты “Свободные мысли”. В 1908-1909 годах издавал журнал “Образование”. В 1910 году в Санкт-Петербурге вышла его книга “Житейское кабаре. Юмор, рассказы”, а в 1911 году там же увидел свет новый сборник рассказов “Нервные люди”. В 1915-1917 годах И.М. Василевский редактировал “Журнал журналов” в Петрограде. В 1920 году, оказавшись в Одессе, эмигрировал в Константинополь, где начал издание газеты “Константинопольское эхо”, но быстро разорился и переехал в Париж. Здесь он возобновил издание газеты “Свободные мысли” (20 сентября 1920 — 1921), где авторами выступали А. Куприн, Н. Тэффи, А. Аверченко и другие известные литераторы. После встречи с Ю.В. Ключниковым И.М. Василевский принял предложение участвовать в работе сменовеховской газеты “Накануне” (Берлин, 1922 – 1924). Данный поворот для многих в эмиграции был удивителен, ибо И.М. Василевский до этого времени отличала непримиримость по отношению к большевистской власти. С 29 октября 1922 года в “Литературном приложении” к “Накануне” начинаются публикации И.М. Василевского. В 1922 году в Берлине увидели свет его брошюры “Литературные силуэты”, “Граф Вигте и его мемуары” и “Николая II”. Брошюра “Литературные силуэты” посвящена полемике с монархизмом И. Наживина и “сменовеховством” Н. Устрялова. Автор решительно возразил призыву Н.В. Устрялова к сотрудничеству с большевиками. При этом он продолжал писать в газете “Накануне” резкие статьи против эмиграции: “Почему русская эмиграция так странно похожа на германскую марку? И та, и другая катятся одинаково, с какой-то, я бы сказал, — сладострастной, мазохистской и самоиздевательской быстротой”. В конце июля 1923 года вместе с А.Н. Толстым на пароходе “Шлезен” И.М. Василевский возвращается в Петроград, где не

прекращает интенсивной литературной работы. В 1923 году в издательстве “Петроград” выходит его книга “Белые мемуары”, где отрицательно оценивает воспоминания лидеров белого движения. В 1924 году в берлинском издательстве “Накануне” появилась брошюра И.М. Василевского “Генерал Деникин и его мемуары”, написанная в том же духе. А в 1925 году уже в Ленинграде он издал новую отповедь мемуарам эмиграции — “Что они пишут? (Мемуары бывших людей)”. В ней содержится резкая критика воспоминаний видных писателей Российского Зарубежья. В 1929 – 1935 годах И.М. Василевский заведовал редакцией журнала “Изобретатель”, публиковал брошюры и статьи по вопросам изобретательства под псевдонимом И. Полтавский. В 1937 году был репрессирован и 14 апреля 1938 года расстрелян в Москве. Реабилитирован посмертно.

Дюшен Борис Вячеславович (1886, Санкт-Петербург — 1949) — уроженец, дворянин, образование высшее инженерное. В 1917 году назначен Ярославским губернским комиссаром Временного правительства, один из организаторов Ярославского антибольшевистского мятежа в июле 1918 года, член Учредительного собрания. В период Гражданской войны был на стороне белых сил: в 1919 году служил в Отделе пропаганды армии Н.Н. Юденича, в чине капитана исполнял обязанности начальника службы связи в штабе Северо-западной армии. Тогда же активно сотрудничал в Ревельской газете правых эсеров “Свободная Россия” под редакцией А.И. Куприна и Г.Л. Кирдецова. В 1920 году эмигрировал, с 1921 года работал на курсах заочного преподавания при ИМКА — Христианском Союзе Молодых людей в Берлине, здесь же выпустил в начале 1920-х годов несколько научно-популярных брошюр (*См.: Русская книга. № 7 - 8, с. 24*). Активный берлинский сменовеховец, член редколлегии главного печатного органа сменовеховского общественно-политического течения — ежедневной газеты “Накануне” (Берлин, 1922 — 1924). В 1926 году вернулся на Родину, жил в Москве, был назначен заведующим отделом заочного обучения при Главном управлении профессионального образования Наркомпроса РСФСР — Главпрофобр. В письме к редактору журнала “Новая русская книга” А.С. Яценко 5 ноября 1927 года Фаина Дюшен, жена Бориса Вячеславовича, опровергала распространившиеся в Берлине слухи об аресте мужа (*См.: Русский Берлин: 1921 — 1923. — Париж, 1983. С. 131*). Длительное время работал инженером-консультантом журнала “Изобретатель”. Арестован органами НКВД 4 октября 1935 года. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 28 марта 1936 года “за активное участие в контрреволюционной группе и агитаторскую агитацию” (статьи 58-10, 58-11 УК РСФСР) заключён в ИТЛ на 5 лет. Но 17 марта 1940 года постановлением Особого совещания НКВД СССР Б.В. Дюшен из под стражи был досрочно освобождён. По сведениям Ю. Айхенвальда, Б.В. Дюшен к концу 1940-х годов как подполковник госбезопасности и конструктор подслушивающего устройства был удостоен Сталинской премии (*См.: Родина. 1993. № 7. с. 64*). Реабилитирован 5 июня 1989 года.

Каносса – замок маркиграфини Матильды в Северной Италии, где в январе 1077 года в ходе борьбы за инвеституру отлученный от церкви и низложенный император «Священной Римской империи» Генрих IV униженно вымаливал прощание у своего противника римского папы Григория VIII. В переносном значении «идти в Каноссу» – согласиться на унижительную капитуляцию.

Миллер Евгений Карлович (1876 – 1939), генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую военную академию Генерального штаба в 1892 году. Участник первой мировой войны. С осени 1917 года представитель Ставки Главковерха при итальянском главном командовании. В январе 1919 года приглашен в качестве генерал-губернатора во Временное правительство Северной области, в мае Колчаком назначен Главкомом войсками Северной области, заняв в нем посты военного министра и управляющего иностранными делами, вскоре эмигрировал. Был уполномоченным генерала Врангеля в Париже. В 1924 – 1930 годах занимал ряд должностей в РОВСе. В 1930 – 1937 годах – председатель РОВСа. 22 сентября 1937 года похищен агентами НКВД в Париже, вывезен в СССР. Расстрелян 11 мая 1939 года.

Скоблин Николай Владимирович (1894 – после ноября 1937) – генерал-майор. Участник первой мировой войны, в 1917 году находился в ударных отрядах, в Добровольческой армии – с момента основания. В ноябре 1918 года становится командиром Корниловского полка. Позже в Русской армии был начальником Корниловской дивизии. В лагере Галлиполи – командир Корниловского полка, затем с полком перешел в Болгарию, где по приказу генерала Врангеля был отстранен от командования. В 1929 году в Париже генералом Кутеповым был восстановлен в главе объединения Корниловского ударного полка. В сентябре 1930 года был завербован советской разведкой, по ее заданию участвовал в 1937 году в похищении Председателя РОВСа генерала Миллера. Будучи разоблачен, был вынужден бежать в Испанию.

По некоторым данным, погиб при бомбежке Барселоны франкистской авиацией. По другой версии, выброшен из самолета сотрудниками НКВД во время перелета из Франции в Испанию.